

ХРУСТ
ЧУЖИХ
ДЕНЕГ

ЕЛЕНА РУВМНСКАЯ

Нина Ларина в полном недоумении — странные вещи начинают происходить в её семье сразу после возвращения мужа из командировки в Париж. После первого же рабочего дня любящий супруг Егор Ларин едет не домой, а на дачу к кому-то из сотрудников. Нина сначала получает от него записки, а потом узнаёт, что её муж похищен и за него требуют выкуп. Затем вместе с гаражом взрывается машина, на которой должна была ехать Нина... Долго она не могла понять, что происходит. Лишь после серии покушений на её жизнь Нине стало ясно — вокруг изобретений её мужа ведётся опасная игра. И она явно лишняя в этой игре...

— Ну, все, гад, достал ты меня!

Я выключила фен и, наплевав на недосушенную прядь волос, решительно направилась на лоджию.

— Это же надо, даже включенный фен не может заглушить идиотское треньканье! — продолжала я возмущаться, беря в руки лыжную палку.

Ни наша, ни соседняя лоджии не были застеклены, поэтому я свободно дотянулась палкой до окна и громко постучала. Не убирая своего орудия, я стала ждать, нетерпеливо притопывая ногой. Как только в дверь, ведущую из квартиры на лоджию, просунулась нечесанная башка Вадьки Сомова, я изловчилась и чуть-чуть не достала его острым концом палки. Вадька дико взвизгнул и наперекор логике рванул не внутрь квартиры, а в дальний угол лоджии. Я хищно ухмыльнулась.

— Как назад будешь пробираться, голубь?

— Нинка, не дури. — жалобно попросил он. — Брось палку.

— Только, если в тебя. — многообещающе сказала я.

— Больше не буду. — привычно выдал Вадька.

— Я тебе не пионервожатая, чтобы слушать твои лживые обещания. — сделала я новый выпад палкой в его сторону.

Вадька забился поглубже в угол, тяжело вздохнул и принялся оправдываться.

— Нинка, ну будь человеком. Ведь знаешь, что я ничего не могу с собой поделывать. Так и тянутся руки к гитаре. Хоть часок, но хочется поиграть.

— Поиграть?! — заорала я, чуть ли не по пояс высовываясь из-за перегородки в надежде достать-таки подлого Вадьку лыжной палкой. — И это ты называешь игрой на гитаре?! Мартовские коты орут друг на друга благозвучнее, чем ты берешь аккорды.

Как ни странно, но Вадька перестал забиваться в угол, а наоборот, вытянул шею и скроил мерзкую похабную рожу.

— Нин, а ты что, в одном белье что ли?

Я глянула на себя и ахнула. Палка выпала из моей руки и осталась на вражеской территории. Бог мой, на мне действительно не было ничего, кроме бюстгалтера и трусиков. В порыве праведного гнева я совершенно об этом забыла и показала Вадьке все свои прелести. Спрятавшись за перегородку, я высунула голову и обратилась к соседу с проникновенной речью.

— Послушай меня, Вадик, и не говори потом, что не слышал. Сегодня приезжает Егор. Кстати, это я собираюсь, чтобы ехать в аэропорт, встречать его. — сказала я, имея в виду свое неглиже.

— Правда что ли? Уже две недели прошло? — удивился Вадька, делая мелкий, почти незаметный шагок из угла.

— Вот именно. — многозначительно сказала я. — После того, как мы с мужем наговоримся после долгой разлуки, я ему нажалуюсь на тебя.

— Ну, Нин, я же сказал, что больше не буду. — заканючил Вадька.

— Тогда давай сюда гитару. — сурово сказала я.

— Надолго? — обреченно спросил сосед, делая еще один шаг.

— В этот раз на месяц. — злорадно ухмыльнулась я. — А еще раз нарушишь обещание,

лишу инструмента на полгода.

Вадька окончательно вышел из угла, опасливо обошел лыжную палку, валяющуюся на полу, и скрылся в квартире. Я озадачилась, то ли пойти накинуть на себя что-нибудь, то ли все-таки дождаться Вадьку, а то увидит, что меня нет и спрячется, выманивай его потом. Решение я так и не приняла, потому что появился Вадька с гитарой и протянул ее мне, стараясь заглянуть за перегородку.

— Мужу нажалуюсь. — предупредила я, выхватывая у него гитару.

— Привет Егору. — сделал Вадик невинное лицо.

Я вернулась в комнату, неся честно завоеванный трофей, но пришлось снова выглянуть на лоджию, так как Вадька заорал дурным голосом.

— Нина!

— Ну?

— А палку заберешь?

— Через месяц поменяю на гитару. — угрожающе сказала я и закрыла дверь на лоджию.

Быстренько завершив свой туалет, я схватила сумочку, ключи от машины и убежала из квартиры. Времени еще было достаточно, но я всегда люблю приезжать заранее.

Наша золотистая «десяточка» стояла в «ракушке» недалеко от подъезда. Вообще-то в нашем районе «ракушки» не прижились. Если и появлялась в каком-нибудь дворе одинокая горбатая железка, то малолетние негодяи тут же использовали ее, как игрушку. Бегали по крыше туда-сюда, пока крыша не прогибалась внутрь до такой степени, что машина в "ракушку" не могла въехать, не зацепившись за потолок.

Мы же с Егором стали обладателями забавного сооружения по чистой случайности. Просто нам повезло. Сосед по площадке (разумеется не Вадька) неожиданно прошел на выборах в городскую думу и тут же пробил себе разрешение на установку возле дома гаража-«ракушки». Так как с Егором они были в большой дружбе, то сосед предложил и нам поставить рядом такую же. Ох и влетело это нам в копеечку, но, сами понимаете, отказываться было нельзя. Второй раз такие вещи не предлагают. Но мы рады, особенно я. Страх как не люблю возиться с машиной на холоде, а теперь никаких проблем. Установили нам какую-то хитрую штуку и стоит только на кнопочку нажать, не выходя из квартиры, как наша «десяточка» сама начинает прогревать двигатель. Полный улет! А малолетние поганцы обходят стороной обе «ракушки», потому что боятся депутатского гнева. А ну как воспользуется своими депутатскими связями и воду горячую во всем доме отключит. Подставляй тогда перед сном грязную задницу и ноги под холодную струю!

На дворе хлопал на ветру свежими зелеными листиками месяц май и прогревать машину было без надобности, но завела я ее все-таки дистанционно. Всегда так делаю, очень мне это нравится. Иногда малолетние хулиганы пугаются звука мотора из запертого гаража. Это только на пользу — больше уважать будут. Через две минуты я уже выруливала со двора, подпевая солисту на радио «Ретро».

Если вам показалось, что мы с соседом Вадькой лютые враги, то вы ошиблись. Вадька не только мой сосед, но и бывший одноклассник. Правда, после окончания школы прошло уже десять лет и мне осенью стукнет двадцать семь, как впрочем и ему, но школьная дружба крепка. Собачиться мы с Вадькой начали полгода назад, когда он вдруг решил научиться играть на гитаре. Сначала нам с Егором эта затея показалась безобидной и мы даже подарили Вадьке самоучитель, но, когда он стал рвать нам душу, монотонно разучивая аккорды, наше умиление сменилось желанием пойти и самолично перегрызть струны на его

гитаре.

После недолгих споров с Вадькой, мы договорились, что сосед будет упражняться только тогда, когда нас нет дома. Первое время он держался, но потом бессовестно сорвался, за что и был лишен инструмента на две недели. Осознав свою вину, Вадька стойко выдержал и не нарушал наш покой до сегодняшнего дня. То ли сегодня он подумал, что меня нет дома, то ли обнаглел из-за отсутствия Егора, но так или иначе — запрет нарушил. Ладно, отдохнем месяц от его репетиций и верну ему гитару.

За мыслями и песнями я и не заметила, что уже доехала до поворота к аэропорту. Часы на приборной панели показывали двенадцать дня, значит, у меня есть еще полчаса до прилета.

Люблю побродить по этажам аэровокзала. Всегда обнаружится что-нибудь новенькое, чего не было в последний раз. Вот и сейчас тоже. Когда провожала Егора, на ремонт был закрыт мужской туалет, а теперь женский.

Я поднялась на второй этаж и встала у огромного витражного стекла, через которое было видно почти все летное поле. Люблю смотреть, как приземляются самолеты. Миг, когда шасси касаются поверхности земли, вызывает во мне непонятный трепет и облегчение. Все, прилетели! Как будто я сама нахожусь в это время внутри самолета.

Был момент затишья, который в аэропорту поймать почти невозможно. Так совпало, что ни один самолет не выруливал на взлетную полосу и не заходил на посадку, радио молчало, а людей в здании вокзала было мало. Это затишье длилось всего-то минуты две, но зато как фантастично ворвался в тишину звук приземляющегося самолета. Это Егор прилетел.

Мужа своего я очень люблю. Доверяю ему, кроме тех случаев, когда на меня нападает глупая и необъяснимая подозрительность. Карманы, правда, ночами не проверяю, в барсетку к нему не заглядываю, но ухо держу остро. Он у меня мужчина видный, умный, перспективный, мало ли какая отмороженная баба, прикрываясь заботой о своем ребенке, захочет отобрать у меня Егора. Такое никогда нельзя исключать, особенно в наше время.

Егор меня тоже любит, но с первого же дня нашего знакомства мне кажется, что он был несколько разочарован, когда оказалось, что смазливая худенькая девушка обладает интеллектом выше среднего уровня. Я подозреваю, что его суровый отец Кондратий Тихонович, не раз говаривал юному Егору, что все бабы — дуры. Отчасти он был прав, так как на протяжении всей сознательной жизни имел перед глазами пример — свою жену, мать Егора. Моя свекровь Наталья Антиповна была чудовищно глупа, но при этом весела и легка на подъем. Премилая женщина с легким намеком на косоглазие, что ее совершенно не портило. Язык не поворачивался назвать ее дурой. Это было бы оскорблением, а оскорблять эту веселую бестолковую женщину, ну, никак не хотелось. Я в жизни ни разу не поругалась с родителями Егора, но предпочитала держаться от них на расстоянии.

Как по заказу, самолет Егора подрулил прямо к тому окну, возле которого стояла я. Редкая возможность не маяться возле накопителя в ожидании выхода пассажиров, а посмотреть, как муж будет спускаться по трапу.

Вот он появился — высокий, худощавый, с коротким ежиком светлых волос и сердце мое замерло. Как же я соскучилась по нему! Следя за перемещениями мужа влюбленным взглядом, я не сразу осознала, что высокая брюнетка, вышагивающая рядом с ним, весело щебечет и улыбается не кому-нибудь, а моему Егору. Он вежливо слушает ее трескотню и в общем потоке пассажиров они скрываются под крышей накопителя. Ну вот, что я говорила?! Уже пристроилась какая-то фифа!

Я бросилась вниз по лестнице и сходу повисла на шее у мужа, который уже успел выйти в зал и начал недоуменно оглядываться в поисках меня.

— Радость моя, как же я соскучился. — горячо прошептал мне прямо в ухо Егор, зарываясь лицом в мои свежeweымытые волосы.

Волна счастья обдала меня с ног до головы, но я не успела пропеть ответное приветствие, как нас грубо вырвали из состояния эйфории и вернули к брeнной действительности.

— Егор! — послышалось рядом глубокое контральто.

Мы одновременно оглянулись и моему взору предстала та самая высокая брюнетка, которую я уже видела рядом с мужем.

— Да? — откликнулся Егор.

— Сейчас все такси разберут, придется вам на общественном транспорте ехать.

— У нас своя машина. — сухо ответил муж и снова повернулся ко мне.

«Ну, и какое ей дело, спрашивается?» — зло подумала я.

Именно в этот момент брюнетка решила обратить свое внимание на мою персону.

— Это и есть ваша жена Нина, о которой вы мне так много рассказывали? — спросила она, глядя на меня свысока, но с любопытством, а Егор при этом нахмурился и покраснел.

— Да. Знакомьтесь, это Оксана, это Нина — моя жена. — тем не менее вежливо сказал Егор.

— Очень приятно. — жеманно прокомментировала она и протянула мне руку лодочкой.

Зря она это сделала, ведь недаром по правилам этикета младшие ждут, когда старшие подадут им руку, а не тянут ее первыми. Девушка же была младше меня года на три. Соблюдала бы правила — целее была бы.

Я мило улыбнулась в ответ и пожала ей руку так, как я умею это делать. Своеобразная маленькая месть за ее кривляния и приставания к моему мужу. Егор знал об этой моей особенности, но поздно спохватился. Дамочка уже дула на свои прищемленные пальцы, смаргивая с ресниц произвольные слезы. Еще бы — некоторые мужчины не из слабаков, и то кривятся, особенно, если я проделываю это с чувством.

Дело в том, что некрепким на вид телосложением и мягкими пушистыми светлыми волосами я пошла в свою маму, которая была тихим и скромным «небесным созданием» и работала заведующей библиотекой, а вот твердым духом и сильными руками, в отца, который в молодости работал в кузнице молотобойцем, а в последующие годы не раз побеждал на всяких любительских соревнованиях по поднятию и подбрасыванию различных тяжестей. Это совершенно не означает, что на тонких ручках у меня висят пудовые кулаки. Все очень даже пропорционально, только вот сила в руках у меня мужская.

— Извините. — сказал Егор Оксане и потащил меня прочь из здания на автомобильную стоянку, молча запихал вещи в багажник, сел за руль, дождался, когда я займу сиденье рядом и с места рванул нашу золотистую «десяточку». Я смотрела перед собой на дорогу и ждала нагоняя. Спокойного Егора иногда выводили из себя мои эмоциональные выходки. Но оказалось, что не в этот раз.

— Я думал, что у нее глаза выпадут. — неожиданно расхохотался он, машинально сбрасывая скорость.

Я тоже начала смеяться, вспоминая, как она дула на свои пальцы.

— Что ей было нужно? — спросила я, вдоволь насмеявшись.

— Если бы я знал! Вошла в салон, тут же обменялась местами с моим соседом и всю

дорогу несла какую-то чушь про парижских модельеров, бутики и парикмахерские салоны. — недоуменно сказал Егор.

— А что ты такого ей про меня рассказывал? — снова спросила я.

— Да ну ее! Дура какая-то! Она спросила: «Как зовут вашу жену?», я ответил: «Нина». Вот и все.

— Действительно, дура. — согласилась я. — Черт с ней! Говори, как съездил, как Париж?

— Эх, Нинок, нам бы туда вдвоем. — мечтательно сказал Егор.

— Да уж. — притворно надулась я. — Кто бы мог подумать — твои приборы так понравятся французским электронщикам, что они тебя за свой счет пригласят на выставку? Никита, наверное, обзавидовался весь. Мне тут его Ирка три раза за две недели звонила и вздыхала по поводу подарков, которые ты мне привезешь. Надеюсь, она не зря вздыхала, подарки-то привез?

Егор приобнял меня одной рукой, слегка притянул к себе и сказал, поцеловав в висок.

— Конечно привез, неужели я оставлю свою Ниночку без подарков. И Никите с Иркой, кстати, тоже привез, так что пусть она не завидует.

— Ты говоришь о невозможном, но правильно сделал, о друзьях нужно помнить. — похвалила я мужа. — Но друзья друзьями, а ты мне по жизни теперь должен поездку в Париж.

— И ты ее получишь. — хитро взглянул на меня муж.

— Как это? — вытаращилась я.

— Французы заключили с нашей фирмой контракт на поставку партии моих приборов. А это пахнет новыми ближайшими командировками и нехилыми денежками, поэтому будет на что свозить тебя в Париж! — на высокой ноте закончил он, а я взвизгнула и кинулась его целовать.

— Отпусти, бешеная, сейчас врежемся! — отбивался Егор, но было видно, что он очень доволен произведенным эффектом.

* * *

Шеф видел все, что происходило внизу у багажного транспортера. Видел, как Егор крепко обнял налетевшую на него вихрем жену, как они целовались. Видел, как эта лошадь Оксана, вопреки всем полученным инструкциям, полезла ручкаться с женой Егора. Только вот не понял, почему это Оксану так перекосило, аж слезы потом вытирала. Ладно, через час он встретится с ней в условленном месте, сначала затащит в постель, а уж потом устроит ей такой разбор полетов, что мало не покажется. Будет знать, как нарушать инструкции!

Мужчина проводил похотливым взглядом высокую Оксанину фигуру и направился по боковой лестнице к самому дальнему выходу из вокзала. Там за углом была припаркована его машина, подальше от постороннего взгляда. Сегодня он приехал на своей собственной, а не на такси, что, по большому счету, тоже являлось грубым нарушением инструкции, но он не смог пересилить свое желание прокатиться по весеннему городу за рулем своей красавицы. Оставалось надеяться, что хозяйева никого не приставили следить за ним, как он сейчас следил за Егором и Оксаной.

Мужчина понимал, что француз не станет тратиться, чтобы устраивать слежку за завербованным им человеком. У него требования простые — выполнишь работу, значит переведут деньги на счет, а нет — пардон месье.

* * *

Мы подъехали к дому, загнали машину в «ракушку» и поднялись к себе на третий этаж. Услышав, как открывается наша входная дверь, из своей выглянул Вадька и заулыбался.

— С приездом, Егор.

— Спасибо, Вадя. — Егор шагнул к нему и пожал протянутую руку. — Зайди вечером, я тебе гостинчик привез.

Вадик разулыбался еще шире, а я мстительно сказала.

— Гитару отобрала, на этот раз на месяц.

Егор перевел вопросительный взгляд на соседа, но тот мгновенно скрылся за дверью. Мы засмеялись и вошли в квартиру.

Конечно, у меня был какой-никакой план торжественной встречи мужа из командировки, но бурный затяжной секс стоял в нем на третьем месте после торжественного обеда и рассматривания подарков. Егор все поломал и обедали мы в ужин, а привезенные им наряды я примеряла перед тем, как надеть ночную рубашку. Обалденный вечер!

Так как Вадька не осмелился прийти за подарком, видимо опасаясь моих ехидных реплик, то Егор сам сходил к нему после ужина и отнес красивый брючный ремень. Дело в том, что мы Вадьку как бы опекаем. Его родители умерли три года назад, а жениться он все никак не соберется. Вот мы его и подкармливаем и одариваем понемногу. А еще не позволяем ему распускаться. Няньки — одно слово. Ладно, хоть на работу он устроился сам. На рынке запасных частей возит тележку за покупателями, которые берут тяжелые детали. Вроде бы неплохо зарабатывает. С недавних пор я все больше прихожу к убеждению, что Вадьке пора жениться. Двадцать семь лет для мужчины — самый подходящий возраст, чтобы создать семью. На своем рынке он вряд ли найдет спутницу жизни и мне кажется, что в этом вопросе нам с Егором тоже придется подсуетиться.

Уже лёжа в постели и предвкушая скорый отход ко сну, Егор вдруг встрепенулся.

— Ой, забыл тебе рассказать. Представляешь, там в Париже у меня раскрошился коренной зуб.

— Да ты что? — с ужасом спросила я.

Все, что связано с зубами, приводит меня в полное отчаяние. Это странно, потому что сама-то я сверкаю ровными рядами здоровых зубов. Но и моему отчаянию есть причина. В школе, какая-то неумелая фельдшерица, при осмотре моих зубов неловко зацепилась за кресло и чуть не рухнула на меня всей своей массой. Сама-то она удержалась, но умудрилась пропихнуть зеркало чуть ли не в самую мою глотку. После этого я панически боюсь зубных врачей.

— Правда, правда. — продолжил Егор. — Так, представляешь, мне поставили новый зуб, на классном оборудовании, с использованием новейших материалов, да еще и бесплатно.

— Как же так? — поразились я.

— Принимающая фирма любезно все оплатила. — хвастливо сказал Егор.

— Ну-ка, покажи. — склонилась я над ним, ожидая, когда он разинет рот.

Егор тщательно сглотнул слюну и показал мне новенький, белоснежный и очень аккуратный коренной зуб.

— Да, сервис на высшем уровне. Представляю, какую кучку евро отвалили за тебя хозяева фирмы.

— Ничего, у них этих евро — завались. И на моем приборе они неплохо заработают.

Еще меня два раза за счет фирмы приглашали в ресторан и один раз водили в театр, на какой-то мюзикл. — похвастался Егор.

— Ну, или ты такой ценный кадр, или тебя хотели завербовать. — попыталась я взъерошить его короткий ежик волос.

— Зачем меня вербовать? Заплатите мне хорошие деньги за мое изобретение и я весь ваш. — широко раскинул руки Егор.

— Ладно, спи уже, изобретатель. — ласково сказала я и прижалась к его плечу.

* * *

Была суббота, но Егор все равно умчался в свою фирму ни свет ни заря. Я проснулась, а его рядом нет. Ладно, я не в обиде, понимаю, как ему хочется показать подписанный договор своему шефу и сослуживцам. Например, его приятель и коллега по работе Никита Пасюк в последний день перед прилетом Егора звонил мне и очень интересовался, не задерживается ли Егор, что он сказал, когда звонил из Парижа в последний раз? Переживает. А мой неугомонный изобретатель небось еще в Париже договорился по мобильному, чтобы все сотрудники вышли на работу в субботу. И в самолете, наверное, только об этом и думал.

Я взглянула на журнальный столик, куда вчера Егор поставил небольшой хрустальный ночник в виде Эйфелевой башни. Это был подарок для Никиты и Ирины. Коробки не было. Слава Богу, не забыл, а то Ирка бы сильно расстроилась.

С Пасюками мы дружим уже год. На первый взгляд, вроде бы совершенно разные семьи, но некоторые вещи сблизили нас. У Никиты с Ириной, как и у нас с Егором пока не было детей. Никита и Егор работали в одной фирме и над одной проблемой. Возраст наш был одинаковым. Не так уж и много, но достаточно, чтобы поддерживать дружеские отношения, выезжать вместе на природу и справлять праздники. У Пасюков не было собственной машины, а у нас была. Поэтому совместные поездки вошли у нас в норму. Что мне не нравилось в Ирине и Никите, так это их неконтролируемая зависть. Никита, как мужчина, еще сдерживался, а вот Ирка давала своему чувству полную свободу. Нельзя было появиться в новой шмотке, чтобы не почувствовать на себе ее почти осязаемый завистливый взгляд. Если бы не мое твердое нет, то Ирка прибежала бы к нам домой разглядывать подарки, сразу же, как мы с Егором вернулись из аэропорта.

Вспомнив про самолет, я тут же вспомнила и про высокую брюнетку. Прислушалась к себе, вроде настроение не испортилось. Правильно, и черт с ней! Я уже поднялась с постели, когда зазвонил телефон.

— Слушаю! — радостно крикнула я в трубку, будучи уверенной, что это Егор хочет пожелать мне доброго утра.

— Егора позовите! — прозвучал в трубке знакомый голос.

Вот нахалка! Даже не здоровается. Не зря говорят: «Вспомнишь про г...о, вот и оно!».

— А кто его спрашивает? — томно откликнулась я.

— Это Оксана. Мы вчера встречались в аэропорту, вы должны были запомнить.

Точно — нахалка. Уже в должники меня определила.

— Это такая высоченная брюнетка с утробным голосом? — невинно спросила я. — Которой я пальцы расплющила?

Оксана на минуту задумалась, но все-таки ответила через силу.

— Да.

— Не помню такую. — нанесла я последний удар и положила трубку.

Потирая ладони от удовольствия, я задержалась у телефона на тот случай, если девица

захочет перезвонить, но, видимо, ей хватило. Мое настроение резко поднялось и я отправилась приводить себя в порядок.

* * *

Оксана набрала другой номер и, дождавшись ответа, сказала.

— Это я, Оксана. Егора уже нет, она дома одна.

— Ну, а дальше? — строго спросил собеседник.

— Ты был прав, она меня по голосу сразу узнала. Еще и нахамила, стерва! — скривилась Оксана.

— А ты думала, что хозяйева просто так меня назначили руководить этой операцией? — ехидно спросил ее собеседник. — Из-за твоей тупости теперь придется делать лишние телодвижения и что-то придумывать на счет его жены, чтобы не могла на тебя донести в милицию. А как все хорошо складывалось. Пользуешься тем, что никого другого теперь не введешь в курс дела, кроме тебя, вот и портачишь.

— Да поняла я уже! — повысила голос Оксана. — Ты шеф, ты и думай. Вчера своими нотациями все удовольствие от секса испортил. Что же теперь, убить меня что ли?

— А это мысль! — сказал мужчина и отключил свой сотовый.

Оксана напряглась при последних словах собеседника, грохнула трубку на аппарат и сквозь зубы процедила.

— Козёл!

* * *

Когда на плите уже закипал чайник, телефон зазвонил снова.

— Слушаю. — с тайной надеждой продолжить веселье, сказала я.

— Это квартира Лариных? — услышала я приятный мужской голос.

— Да.

— Здравствуйте, позовите, пожалуйста Егора.

Обычная просьба, но мне почему-то стало неуютно.

— А кто его спрашивает?

— Мы познакомились с ним в самолете, меня зовут Виктор. — все так же приветливо ответил мужчина.

— Его нет дома, перезвоните ближе к вечеру. — сказала я и быстро положила трубку, как будто она могла мне чем-то навредить.

Ну, не самолет, а какая-то служба знакомств. Нехорошее предчувствие завозилось у меня где-то в районе желудка. Мужчина врал. Егор не мог с ним познакомиться в самолете, потому что с одной стороны рядом с ним сидела приставучая Оксана, а с другой всю дорогу спала очень пожилая женщина. Если бы он познакомился с каким-нибудь мужчиной, да еще и дал бы ему наш номер телефона, то обязательно сказал бы мне об этом. Я решила позвонить мужу.

— Да, слушаю. — робко прозвучал в трубке знакомый голос.

— Никита, привет, это Нина Ларина. Позови, пожалуйста, Егора.

— А, привет, проснулась уже? — весело спросил он.

— Что ты имеешь в виду?

— Егор сказал, что оставил тебя в сладкой дреме. — подначил меня Никита.

— Ох, и болтун он. — рассмеялась я. — Зови, сейчас я с ним разберусь.

— Он у шефа в кабинете, хвалится заключенными договорами. — бодро сказал Никита, но я сразу почувствовала в его голосе завистливые нотки.

— А ты что-же не там? — поинтересовалась я.

— Сейчас иду, вышел на пять минут по делу. Если Егор сразу не сможет тебе позвонить, то жди звонка минут через двадцать. — и Никита положил трубку.

О, Боже, он неисправим. Наверняка вышел отдышаться, чтобы жаба не душила, потому что сейчас наверняка всеобщее внимание направлено на Егора.

Муж перезвонил почти через минуту.

— Нинок, ты звонила? — спросил он.

— Да. Послушай, ты знакомился в самолете с каким-нибудь Виктором?

— Нет, а что? — недоуменно протянул Егор.

— И никому не давал наш домашний номер телефона? — игнорируя его вопрос продолжила я.

— Нет, конечно, ты же знаешь. Да что случилось-то?

— Сейчас позвонил какой-то мужик, спросил тебя и сказал, что познакомились вы в самолете, что зовут его Виктор.

— И сказал, что я сам дал ему наш номер?

— Нет, но ведь он позвонил. — укоризненно сказала я.

— А, ну да, я просто не сообразил. Знаешь что, выкинь из головы. Ни с кем я не знакомился и никому ничего не давал. Наверное, кто-то ошибся.

— Ты так думаешь? — неуверенно переспросила я.

— Нинок, мне сейчас некогда, давай дома поговорим. Я приеду часа в три.

— Ладно. — согласилась я и неожиданно для себя самой сказала. — Ты там поосторожней.

Егор опешил, но все-таки ответил.

— Хорошо.

Я походила по комнате, поглядывая на телефон. Беспокойство не отпускало, хоть тресни, а я привыкла доверять своим предчувствиям. Когда я уже совсем решила выйти из комнаты и сделать себе большую кружку крепкого кофе, раздался звонок в прихожей.

— Черт! — раздраженно сказала я и направилась к двери.

Чего я никогда не забываю сделать, так это посмотреть в глазок и спросить: «Кто там?». В выпуклой линзе глазка я увидела привлекательного мужчину, одетого в линялую рабочую куртку и застиранную кепку, а на свой вопрос я услышала.

— Это слесарь. Откройте, мне нужно перекрыть у вас воду.

Я продолжала смотреть в глазок, а сама думала, не отдавая себе отчета, что тяну время, а «слесарь» терпеливо ждет.

«Э-э, милый, ты такой же слесарь, как я — водитель шагающего экскаватора. И не противно было тебе натягивать робу на рубашку за семьсот рублей? А причёсочка, которую ты примял отвратительной кепкой, явно сделана у дорогого мастера. Да и голосочек можно было бы изменить. Думаешь, если ты пять минут назад спрашивал Егора по телефону, то сейчас я впаду в идиотизм и не узнаю твой голос?»

«Слесарь» не удержался, взглянул на глазок и протянул руку к двери, чтобы снова позвонить, но я его опередила.

— Никого нет дома, а мама не разрешает открывать дверь чужим дяденькам. — сказала я.

Мужчина отдернул руку, так и не нажав на звонок, и задумчиво почесал в затылке. Конечно, задумаешься тут, ведь вышесказанную фразу я произнесла абсолютно серьезно и

собственным взрослым голосом.

Мне стало даже интересно, что он будет делать дальше. Но мужчина меня разочаровал. Он спокойно повернулся и ушел вниз по лестнице. Я еще немного постояла возле двери, как раньше возле телефона, но ничего не дождавшись, ушла-таки пить кофе.

Этот напиток действительно тонизирует, так как в процессе его поглощения, я задавала себе вопросы и даже подбирала к некоторым ответы. Например, зачем мужик хотел попасть в квартиру, маскируясь под слесаря, если я по телефону сказала, что Егора нет дома? Ответ напрашивался сам собой. Ему нужна была я или то, что было у нас в квартире, а вовсе даже не Егор.

Я внимательно осмотрела кухню, мысленным взором окинула остальные помещения и пришла к выводу, что лично я позволила бы себе рисковать так безрассудно из-за единственной ценной вещи, находящейся в данный момент вне нашей квартиры. Это была дорогушая цифровая видекамера, которую Егор купил не так давно. Фирма выделила ему деньги за изобретение того самого прибора, который теперь будут производить французы. Деньги были неожиданные и большие, так что мы с обоюдного согласия потратили их на дорогую игрушку. Но в данный момент видекамера находилась у моей мамы. Она попросила ее на время, чтобы поснимать на встрече с однокурсниками. Они не виделись двадцать пять лет.

Но почему тогда, если этот мужик — вор, он не попытался проникнуть в квартиру до приезда Егора? Это было бы правильно, если даже предположить, что ему нужна была вовсе не камера, а, например, я. Хотя, тут же возникал следующий вопрос: на фиг я ему сдалась?

Бросив рассеянный взгляд на часы, я охнула и помчалась одеваться. Уже половина двенадцатого, а Егор обещал прийти к трем. Так как вчера после бурного секса мы слопали все, что я готовила к праздничному столу, то сейчас мне срочно нужно было на рынок за новой порцией свежих продуктов. А потом еще все это требовалось приготовить. Я в цейтноте!

Когда уже в полной боевой готовности я взялась за ручку двери, меня словно током от нее дернуло. Ну не дура ли?! Посторонний мужик только что собирался обманом проникнуть к нам в квартиру, а я, можно сказать, сама его сейчас и впускаю. Где гарантия, что он не притаился этажом ниже и не ждет удобного момента?

Я отошла от двери и задумалась. Идея пришла на удивление быстро. Конечно, попробуйте не накормить любимого мужа, когда он возвращается с работы — сразу меня поймете.

Я подошла к телефону и набрала номер.

— Вадик! — сладким голосом пропела я. — Как ремешок, понравился?

— Отпад. — тут же бодро отозвался Вадька.

— А у меня к тебе просьба. — обрадовала я его.

— А гитару вернешь? — спросил этот наглец. Совершенно никакого чувства благодарности.

— Даже и не надейся, только через месяц. Можешь отмечать эти «критические дни» в календарике. — непреклонно сказала я.

— Ладно, говори, что надо. — обреченно отступился он.

— Мне нужно запастись продуктов на целую неделю. С понедельника сажусь за срочный заказ и совсем не будет времени.

Я работала в женском журнале по договору. Разрабатывала схемы для вышивания

крестиком. Работа была интересная, а главное, надомная. Мне присылали по почте эскизы, а я их дорабатывала и составляла цветовую гамму. Платили без проволочек и хорошие деньги.

— Ну, а от меня что требуется? — вздохнул Вадька.

— Сейчас едем на машине на рынок, там ты помогаешь мне закупиться и тащишь сумки ко мне в квартиру. Вот и все. С меня бутылка пива. — добавила я.

— «Хольстен» — тут же обнаглел Вадька.

— Мне, конечно, не жалко, но учти, что имеющийся в магазине «Хольстен» делают у нас. — назидательно произнесла я.

— Разливают? — спросил Вадька.

— Если бы. Производят. Я сама пробовала. Лучше брать «Балтику» или «Невское».

— Уговорила.

— Тогда быстро собирайся и позвони мне в дверь, когда будешь готов. — сказала я и положила трубку.

Хорошо, что Егор не ездит на машине на работу. Здесь всего три остановки на троллейбусе и он считает, что нечего гонять машину на такие маленькие расстояния. Я же всю использую нашу «десяточку» для хозяйственных поездок.

До рынка мы доехали без всяких приключений и я с досадой подумала, что поддавалась панике, как нервная барышня. Вадька исправно выполнял функции носильщика, а я, чтобы поддержать сочиненную мной легенду, выложила кучу денег, но набрала-таки продуктов на всю неделю.

Мы благополучно доехали до дома, загнали машину в «ракушку» и внесли бесчисленные пакеты ко мне на кухню. Вадька получил свою бутылку «Невского», я закрыла за ним дверь и отправилась разбирать продукты, но до кухни не дошла, так как в дверь позвонили. «Если Вадька не перестанет меня отвлекать от дела, то я не успею приготовить обед» — думала я, отпирая дверь, но мне даже не дали возможности поднять глаза и увидеть, что отвлек меня совсем не Вадька.

Удар по голове был таким мощным, что я отлетела к стене прихожей и прикорнула возле нее на неопределенное время.

Как мне потом рассказали, мою жизнь спас все тот же вездесущий сосед Вадька. Он как раз разувался в своей прихожей, когда услышал, как открывается наша дверь, а потом падает что-то тяжелое. Вадька посчитал своим долгом посмотреть, что это такое я уронила и открыл свою дверь как раз в тот момент, когда мужик в застиранной робе и линялой кепке занес над моей многострадальной головой руку для заключительного удара, я бы даже сказала, контрольного, так как удивительно, что я не окоचурилась после первого.

— Эй, ты чего! — окликнул его любопытный сосед, вытаращив от удивления глаза, и в этот самый миг спас мне жизнь, чуть не потеряв свою.

«Слесарь», долго не раздумывая двинул Вадьке в челюсть хорошим хуком справа, от чего сосед отлетел к двери лифта и ударился о нее спиной. Сознание он не потерял, но способность к активным действиям на время утратил. «Слесарь» же метнулся мимо моего окровавленного тела в квартиру. Вадька пришел в норму через минуту и тоже побежал за «слесарем». Мужик лихорадочно рылся в шкафу, успев повыкидывать на пол большую часть одежды.

Мужик оглянулся, резко отпихнул, успевшего приблизиться Вадьку и умчался, перепрыгнув через мои ноги, вниз по лестнице. Мой одноклассник даже не попытался его догнать, так как кинулся срочно вызывать «скорую». Кровищи было столько, что и более сильный человек испугался бы, увидев меня в таком состоянии, но Вадька показал себя с лучшей стороны.

* * *

— Алло? Это я. — сказал Красавчик, прижимая плечом к уху трубку сотового, а руками пытаюсь зачихнуть в непослушный пакет засаленную кепку и линялую синюю робу.

— Ну? — спросил мужчина на другом конце провода.

— Ее только что увезли на «скорой».

— На «скорой» трупы не возят. Говори, на чем прокололся. — еле сдерживая злость, приказал шеф.

— Меня спугнул сосед. Появился в самый неподходящий момент и заорал на весь подъезд. Я его вырубил, но он почему-то быстро пришел в себя. Пришлось уносить ноги.

Последовала тягучая пауза и бывший «слесарь» зябко передернул плечами.

— Если я правильно тебя понял, то баба жива и выемку ты не сделал? — задал очередной вопрос шеф.

— Да. — уныло подтвердил Красавчик.

— Вы что, договорились что ли с Оксанкой нервы мне портить? — вкрадчиво спросил его собеседник и, не дожидаясь ответа, зло скомандовал. — Узнай, в какой она больнице, и к вечеру доделай свою работу. Причем полностью! Моли Бога, чтобы она сейчас была без сознания.

«Слесарь» выключил телефон и направился к машине, припаркованной в соседнем дворе. Красавчик был профессиональным убийцей. Когда-то сосед, вернувшийся с афганской войны сломленным и озлобленным на весь мир, научил его стрелять. Умение удалось применить на практике, но обстоятельства частенько складывались не в пользу Красавчика, хотя он старался изо всех сил. Хозяева о его ошибках пока не знали, так как до сих пор удавалось исправлять огрехи почти сразу. Сейчас же пришлось доложить о промахе,

так как жертву увезли из дома, а шеф ждал доклада.

* * *

Очнулась я уже в больнице с плывущими перед глазами разноцветными кругами и полным ощущением, что мой череп развалился надвое. Первым человеком, которого я увидела через разноцветную пелену, была пожилая медсестра, смотревшая на меня с несвойственным для своей профессии состраданием. А впрочем, в ее годы уже можно было позволить себе такие чувства по отношению к больному человеку.

— Что со мной? — спросила я и подняла руку, чтобы потрогать свою голову.

— Ни-ни, не вздумай! — решительно пресекла она мой жест. — И говорить тебе пока нельзя. Сейчас я позову Дмитрия Наркисовича.

Последняя фраза пожилой медсестры прозвучала так, что можно было подумать, будто неведомый Дмитрий Наркисович накажет меня за попытку дотянуться до своей многострадальной головы.

Я выждала, когда за медсестрой закроется дверь палаты и ощупала макушку. Да, внушительную чалму мне наvertели, даже бинтов не пожалели, а как известно, с ними в больницах напряженка.

Послышались приближающиеся шаги, я отдернула руки, положила их вдоль тела и зачем-то зажмурилась. Звук открывающейся двери, шаги, замершие возле моей кровати и слегка посвистывающее дыхание с ароматом какой-то жевательной резинки — вот мои первые ощущения от доктора Долгова Дмитрия Наркисовича. Я не выдержала и открыла глаза.

Доктор был среднего роста и средней упитанности. Бледно-зелёный медицинский костюм обтягивал выпирающий животик. Очки еще больше округляли и без того круглое лицо.

— Добрый вечер. — улыбаясь сказал доктор, буравя меня профессиональным взглядом нейрохирурга, словно высверливал черепную коробку.

— Как вечер? — метнула я взгляд на прикрытое светлыми шторами окно. — А какого дня?

— Сегодняшнего. — успокоил Дмитрий Наркисович, беря мою руку в свою мягкую теплую ладонь.

Он закатил глаза к потолку и начал считать мой пульс, потом наклонился, осторожно оттянул мне нижнее веко и удовлетворенно кивнул. Я же в это время старательно рассматривала доктора. На вид ему было лет пятьдесят, а может быть чуть меньше. Седина на висках была заметна только при ближайшем рассмотрении.

— Простите, а сегодня какой день? — заискивающе спросила я.

— Да не волнуйтесь вы так. Без сознания вы были всего несколько часов. Травма не опасная, но на постельном режиме я настаиваю. — строго сказал доктор и поправил пальцем очки на носу.

Из его слов я сделала заключение, что скорее всего больные с такими травмами или уходят домой или шатаются по отделению, вопреки предписанию врача. Значит, я не так уж и сильно ранена. Я вздохнула с облегчением — не знаю, что бы было, если бы оказалось, что я провалялась в беспомощности несколько дней. Выброшенное из жизни время. При моей активности — это просто невозполнимая потеря.

Доктор вынул из нагрудного кармана стетоскоп и вознамерился меня прослушать, но именно в этот момент мне пришло в голову, что я замужем.

— Постоите! — приподнялась я и вцепилась ему в руку. — А муж знает, что со мной случилось?

Доктор отпрянул от неожиданности, потом попытался отодрать мою руку от своего локтя (о силе своих рук я уже упоминала), понял тщетность этих попыток, вынул из ушей трубки стетоскопа и с досадой ответил.

— Вашему мужу мы звонили еще два часа назад. Домашний телефон не отвечает, а на службе сторож ответил, что весь коллектив отправился отмечать какое-то событие. Да не волнуйтесь вы так. — еще раз сказал доктор, жалобно взглянув на свою плененную руку. — Позвоним ему позже и он завтра к вам обязательно приедет.

Я отпустила многострадальный локоть несчастного доктора, откинулась на подушки и позволила себя прослушать.

«Обязательно приедет!» — мысленно передразнила я Дмитрия Наркисовича. Да Егор примчится сюда не разбирая дороги, потому что с его ненаглядной Ниночкой случилась беда. Хотя, мог бы и предупредить, что собрался праздновать. А то, «приеду обедать в три часа». Или даже мог меня позвать с собой. Небошь Никита Ирку позвал.

Я нахмурилась, чем потревожила кожу на лбу, и почувствовала саднящую боль. Наверное, Егор все-таки звонил, но я была на рынке, а потом сразу получила по голове и не смогла бы, при всем желании, принять его приглашение. Я взглянула на доктора. Было похоже, что он остался доволен осмотром.

— Чудненько, отлично. — приговаривал он, вешая стетоскоп себе на шею.

— Скажите, что у меня с головой? — спросила я озабоченно.

— Лучше, чем могло бы быть. — радостно ответил доктор.

— И все же? — настаивала я.

Страх как не люблю неопределенность.

— Вам раскроили кожу на голове, слегка промяли кость, вытекло много крови, но могло быть и хуже. Удар, судя по всему, был очень сильный. Видимо, вы немного отклонились в последний момент, что вас и спасло.

— За что же меня так? — спросила я скорее у себя, чем у доктора, но он тут же отозвался.

— Именно это хочет у вас узнать следователь. Он ждет в коридоре. Вы как, можете сейчас ответить на его вопросы?

Я честно прислушалась к своему самочувствию и утвердительно кивнула головой, взбултыхав оживающую после анестезии боль.

— Вот и хорошо. Сейчас я его позову.

Доктор скрылся за дверью, а я закрыла глаза, пережидая приступ боли. Через минуту дверь снова открылась и в палату вошел худой высокий мужчина в форме полицейского. Погоны были прикрыты наброшенным на плечи белым халатом, фуражку он держал в руках, а под мышкой зажимал объемистую папку. Быстро оглядев его сухопарую фигуру, я решила, что ему чуть больше тридцати лет.

— Следователь уголовного розыска Крапивин Алексей Леонидович. — представился пришедший.

Я внимательно смотрела, как он пододвигает к моей кровати единственный в палате стул, садится и раскрывает на коленях папку, положив предварительно фуражку на край прикроватной тумбочки. Когда он вынул нужный бланк, достал ручку и вскинул на меня глаза, я спросила.

— Где мой муж?

Следователю хоть и было уже около тридцати лет, но взгляд, которым он на меня посмотрел, хлопая длинными светлыми ресницами, был до умиления наивным. Очевидно он не ожидал, что вопросы начну задавать я. Это было видно и по его дальнейшему поведению. Оглянувшись на дверь, как бы желая проверить, ему ли адресован этот вопрос, следователь кашлянул и спросил.

— А я должен знать, где ваш муж?

— Ему нужно сообщить о случившемся со мной, а его нет до сих пор дома. Хотелось бы позвонить. — пыталась я вдолбить непонятливому следователю причину своих переживаний.

— Давайте так. — наклонился ко мне следователь, как будто мы сейчас вместе дадим какую-то страшную клятву. — Вы ответите на мои вопросы, а потом я схожу в ординаторскую и позвоню вашему мужу.

Я задумалась над этим предложением, а следователь смотрел на меня как на умалишенную и ждал. Между прочим, зря он делал такой взгляд. Я как раз решала дилемму, то ли отправить его в ординаторскую прямо сейчас, то ли все-таки ответить сначала на его вопросы. Остановилась на втором. Как-никак я пока не совсем дееспособна и посторонняя помощь мне не помешает.

— Спрашивайте. — разрешила я и следующие десять минут отвечала на анкетные вопросы, а следователь старательно заносил мои ответы в протокол.

Наконец он перевернул страницу и приступил непосредственно к опросу.

— Вы не видели, кто на вас напал?

— Нет. Я думала, что это Вадим вернулся, сосед наш. Мы с ним вместе на рынок ездили за продуктами. Поэтому дверь и открыла, даже не спросив, кто там.

— Вы кого-нибудь подозреваете? — последовал второй вопрос.

— Да. Мужчину, который звонил мне утром и спрашивал Егора. Егор — это мой муж. — при упоминании о муже я выразительно глянула на следователя, но он сделал вид, что ничего не заметил. — Потом этот мужчина позвонил в нашу дверь и представился слесарем. Я его хорошо разглядела в глазок и узнала по голосу. В квартиру, как вы понимаете, я его не пустила. Думаю, что это он до меня все-таки добрался.

Я предпочла развернутые ответы, чтобы максимально удовлетворить служебное любопытство следователя и поскорее отправить его звонить Егору. Мне не давала покоя мысль, что муж до сих пор ничего не знает о случившемся.

— Как вы думаете, почему на вас напали? — не унимался следователь.

Я честно выложила все свои мысли и соображения по этому поводу, даже про видеокамеру, которая сейчас находилась у родителей, рассказала. По лицу следователя трудно было понять, что из моего повествования его заинтересовало, а что он считает полной ерундой, если не бредом ударенной по голове истеричной женщины.

— Простите, какое у вас звание? — неожиданно спросила я.

Он поднял голову от бланка и снова удивленно захлопал ресницами. Черт возьми, привычка что ли у него такая? Или специально время тянет, чтобы сосредоточиться на неожиданном вопросе? Кто-то молча закуривает, кто-то специально закашливается, кто-то зеваает, а этот начинает хлопать ресницами.

— Капитан. — наконец соизволил сказать он.

— Товарищ капитан, неужели вы не понимаете, что я нервничаю. Между прочим, в

моем положении это очень вредно, может случиться рецидив. — и я многозначительно замолчала, по большей части из-за того, что так и не смогла придумать, рецидив чего у меня может случиться.

— Так я же просто спрашиваю. — искренне удивился капитан.

— Долго, слишком долго вы задаете свои вопросы. — приподнялась я на локте. — Я хочу знать, где мой муж!

— Я обещал, значит позвоню. — посуровел капитан.

— После того, как он куда-то поехал с сослуживцами, прошло уже часов пять. Вы его видите возле моей кровати? Нет? Я тоже не вижу. А это на него совсем не похоже. В конце концов, я волнуюсь еще и из-за того, что это ведь именно про него спрашивал по телефону лжеслесарь!

Я уже начала разговаривать на повышенных тонах, что явно не нравилось следователю, да и мне самой тоже, но я ничего не могла поделать со все нарастающей тревогой за Егора.

Алексей Леонидович спешно протянул мне бланк опроса и попросил подписать на каждой странице. Я выполнила его просьбу и он тут же сообщил мне, что идет выполнять мою.

Когда за следователем закрылась дверь, я в изнеможении откинулась на подушки. В голове было пусто и она болела. Послышался звук открывающейся двери и в палату вошла уже знакомая мне пожилая медсестра, держа в руке маленький подносик с набранным шприцем.

— Что это? — слабо спросила я, показывая на поднос глазами.

— Успокоительное. — коротко ответила медсестра и протерла мне ваткой предплечье.

Когда игла безболезненно проткнула кожу и углубилась в мышцу, я спросила.

— Капитан нажаловался?

Медсестра ухмыльнулась, но ничего не сказала. Прошло какое-то время и в голове появился приятный туман, боль начала отступать и я даже не заметила, как заснула, не дождавшись, когда придет капитан и сообщит мне что-нибудь о моем муже.

Не знаю, что заставило меня очнуться от искусственного сна, но глаза я открыла в полной темноте. Первое, что я увидела, когда свыклась с темнотой, был более светлый прямоугольник окна. И в это время я услышала шорох с другой стороны моей кровати. Очевидно, именно он меня и разбудил. Резко обернувшись, насколько позволяли бинты, я заметила тень, метнувшуюся в мою сторону и почувствовала на своем лице что-то мягкое и удушающее. Я даже не успела набрать воздуха в легкие и начала задыхаться практически сразу.

Жажда жизни вскипела в моей больной голове как бы независимо от меня. Она пришла извне, а может быть даже свыше. Я нащупала слабеющими руками руки напавшего на меня человека, которыми он прижимал к моему лицу подушку, ухватила его за оба указательных пальца и в одно мгновение сломала их. Человек дернулся, непроизвольно смахнув с моего лица орудие убийства и мой судорожный вдох совпал с его приглушенным протяжным стоном. Даже в такой, критической для себя ситуации, он не хотел привлекать постороннее внимание.

Я же не стала ждать, когда ему надоест баюкать свои поврежденные руки, и двинула со всей силы ногой в стонущий сгусток тени. Человек вскрикнул и свалился на пол. Я сползла с кровати и кинулась туда, где должна была быть дверь. В голове глухо пульсировала кровь и наверняка перед глазами все плыло, но было темно и проверить свои ощущения я не могла.

Как потом оказалось, промазала я мимо двери совсем чуть-чуть, но ударилась о стенку ощутимо. Не отлепляясь от стены, я начала шарить по ней руками и справа от себя нащупала сначала косяк, а потом и ручку двери. Рванув ее что было сил, я выскочила в коридор, но успела бросить прощальный взгляд на дело рук своих. И ног. В тусклом свете ночной лампы, падающем из коридора, я заметила неподвижную фигуру на полу возле кровати. Мужчина был одет в белый медицинский халат. Все, больше я ничего не разглядела.

Я почти бежала по коридору на свет настольной лампы, которая горела на посту дежурной медсестры. Спазм перехватил мое горло и крикнуть я не смогла бы при всем желании. Подбежав чуть поближе и с трудом переведя дыхание, я увидела, что медсестра преспокойно спит, положив голову на руки. Ничего себе! Меня здесь убивают, а она тихий час себе устроила!

Остановившись возле стола и немного отдышавшись, я тронула медсестру за плечо и тут же в страхе отшатнулась. Ее голова провалилась сквозь сомкнутые руки и с тяжелым стуком ударилась о столешницу. Шапочка слетела и мне стало видно, какая оказывается она была молодая — совсем девчонка. На коротких каштановых волосах было неумело сделано мелирование. Наверное, сама себя красила, некстати подумала я. Неестественный изгиб ее шеи говорил о том, что чьи-то сильные руки свернули ей голову.

Волосы зашевелились у меня на затылке под повязкой и я, не в силах оторвать взгляда от ужасной сцены, попятилась от стола к лестнице, не забывая коситься в сторону моей бывшей палаты, потом отвернулась и кинулась к выходу. Белая лампочка, с логотипом лестничного пролета на ней, указала мне направление. Пока я сбегала по лестнице на второй этаж, меня прострелила мысль. А что, если я увижу сейчас такую же сцену, но на вахте у центрального входа? Сердце мое заколотилось еще сильнее, но останавливаться я не собиралась.

Стол вахтера был пуст, а дверь изнутри была закрыта на здоровенный засов. И все, никаких замков. Я не стала мучить себя вопросами «как», да «почему», а отодвинула засов и выбежала на улицу. Ночь была теплая и не такая уж и темная, как мне показалось в палате. На крыльце горела тусклая лампочка и я поторопилась отойти подальше к кустам, но войти в их густую тень не решилась. Меня потрясывало, как в лихорадке, что, правда, не помешало мне внимательно оглядеться.

Дело в том, что я так и не удосужилась ни у кого спросить, в какой же больнице я находилась. Мне это как-то даже в голову не пришло. На стене возле входной двери слабо отливала в лунном свете застекленная табличка с названием больницы. Я вгляделась, потом осторожно приблизилась на несколько шагов и радостно прижала руки к груди. До моего дома отсюда было всего две остановки на троллейбусе. Немаловажная деталь, потому что я стояла возле кустов босиком в одной ночной рубашке, завязывающейся на спине и с огромной чалмой бинтов на голове.

«Нужно срочно добраться до дома, там, наверное, Егор. Он наверняка уже приходил ко мне, но я спала, оглушенная уколom. Как пить дать, на тумбочке он оставил для меня букет цветов и фрукты, просто я не рассмотрела в темноте, да и занята была, жизнь свою спасала.» — так я уговаривала себя, пробираясь по затененным местам к своему дому. Если бы меня сейчас увидел какой-нибудь наряд полиции, то я непременно загремела бы в отделение. Но я даже мысли не допускала, что для меня это было бы лучше, чем топтать босиком по ночным улицам.

Ноги саднило от мелких камней и стекол, которые, как оказалось, в невероятных

количествах были рассыпаны по асфальтовым дорожкам. Бетонный пол подъезда, куда я опасно шагнула после непродолжительного осмотра окрестностей, неприятно холодил ступни и был очень пыльным. Лифт порадовал меня большой вонючей лужей. Какой-то паразит воспользовался им, как туалетом. Идти по полутемной лестнице мне было страшно, так что пришлось брезгливо перешагнуть лужу и встать в относительно чистый угол. Я поднялась на свой этаж и с дрожью нажала на дверной звонок. Никого. Я подождала — все-таки ночь и Егор, может быть, уже спит. Нужно дать ему время накинуть на себя что-нибудь и подойти к двери. Шли минуты, а дверь не открывалась и за ней не было слышно ни звука. Я уже несколько раз прикладывалась ухом к шершавой поверхности дерматины.

Я нажала на звонок еще раз, но ждать не стала, потому что почувствовала, что никого в нашей квартире нет. Ничего, теперь Вадькина очередь прервать свой сладкий сон. У него комплект запасных ключей от нашей двери. Мало ли что, батарею прорвет или, не дай Бог, пожар в наше отсутствие.

К соседу тоже пришлось звонить дважды, но в отличие от нашей двери, его дверь все-таки открылась. На пороге стоял взлохмаченный Вадька с огромным кровоподтеком на левой скуле и тарасил на меня безумные глаза. Если честно, то я ему даже посочувствовала. Среди ночи, со сна увидеть на пороге своей квартиры чудище с белым шаром вместо головы, одетое в балахон и переминающееся на в кровь стоптанных босых ногах.

Я сделала шаг в его сторону, он непроизвольно преградил мне дорогу, охраняя свое жилище и в этот момент узнал меня.

— Нинка? — выдохнул он и отступил в прихожую.

Я вошла следом за ним, прикрыла дверь и обессиленно опустилась на маленькую табуреточку. Вадька стоял у стены и пялился на меня во все глаза, переводя изумленный взгляд с бинтов на голове на сбитые ступни.

— Я звонила к себе, но там никого нет. — устало сказала я. — Где Егор?

— Не знаю. Тебя «скорая» забрала, а меня менты полчаса допрашивали. Потом я спать лег и часа три проспал. — отрапортовал приходящий в себя Вадька. — А почему ты не в больнице?

— Потому что недавно в этой самой больнице меня чуть не удушили подушкой. — сказала я и поведала изумленному Вадьке обо всех своих приключениях.

* * *

— Представь, Красавчик, я слышал от людей, что ты профессиональный киллер. — вкрадчиво и с издевкой говорил шеф Красавчику, сидящему в кресле и трепетно прижимающему к груди обе руки с загипсованными большими пальцами. — Но сам я вижу, что тебе курице голову отрубить, и то нельзя доверять.

Красавчик кинул на говорившего ненавидящий взгляд и сильнее прижал к груди покалеченные руки.

— Кто же знал, что эта субтильная сучка на такое способна. — пробурчал он.

— А на то ты и профессионал, чтобы проигрывать в мозгу различные ситуации. Думаешь, что каждая твоя жертва — это овца безропотная? Хорошо, хоть догадался в больницу не обращаться.

— Что уж вы меня совсем идиотом считаете? — обиделся Красавчик.

— Отвечать или сам поймешь? — заглянул ему в глаза шеф.

Красавчик потупился и затаил против обидчика лютую злобу. Его еще никогда так не оскорбляли. Правда, он отдавал себе отчет, что напортачил по полной программе. Это надо

же, бить по голове и не добить, потом душить подушкой и не додушить. А она ему еще при этом пальцы сломала. Выемку материала опять же не сделал, но здесь особый разговор. Он же не «домушник» и не «медвежатник», чтобы двери ломать или по форточкам лазить. Он киллер и нечего на него лишнюю работу навешивать, а потом еще и оскорблять. Пусть сам выемку делает или корову Оксанку посылает. Это вообще ее прямая обязанность.

Вдобавок этот доктор, к которому Красавчик заявился среди ночи, весь грязный. Всегда молча делал, что от него требуется, а тут привязался. «Кто это тебя так, да где это тебя так?». Видишь ли, профессиональный интерес у него проснулся. Правда, повязки наложил хорошо — ничего не стягивает и не давит. Эх, будь проклята эта живучая баба! Будь проклята лошадь Оксанка, за то, что засветилась перед ней!

Шеф в это время нервно прошелся по комнате и снова остановился напротив кресла, в котором страдал Красавчик.

— Плевать мне, как ты себя сейчас чувствуешь, но дело, браток, изволь довести до конца. Бери Оксанку в помощницы и действуйте. Даю вам времени до завтрашнего утра!

Мужчина вышел, а Красавчик неуклюже залез двумя пальцами в карман рубашки и выудил припасенные обезболивающие таблетки. Кинул в рот две и проглотил, не запивая.

* * *

Я рассказала Вадьке все, что знала сама. Во время моего рассказа заботливый одноклассник промыл мои израненные подошвы перекисью и смазал наиболее глубокие порезы йодом. Апофеозом его братского милосердия были новые фетровые шлепанцы, которые он достал с антресолей и одел на мои многострадальные ноги. И это все после того, как я отняла у него гитару.

Конечно, я понимала, что немедленно должна сообщить о случившемся в полицию, но это позже, а сейчас я цеплялась за Вадьку, как за единственного человека, который способен меня понять и поверить в то, что со мной случилось. Я мысленно уверяла себя, что Егор уже в курсе всего происшедшего, но после посещения больницы не захотел ночевать один и сразу проехал к своим родителям. Это можно было очень легко проверить, позвонив им, но я никогда бы не посмела напугать свекра со свекровью ночным звонком.

Вадька уже давно сидел возле стены на корточках. Я тяжело поднялась с табуреточки и сказала.

— Давай наши ключи и проводи меня. Мало ли что.

Вадька открыл дверцу встроенного шкафа, достал связку ключей и передал мне. Затем подошел к своей двери и осторожно приоткрыл ее. На площадке никого не было и внизу, на сколько хватало взгляда, тоже. Мы вышли из квартиры, я открыла свою дверь, стараясь не греметь ключами и зажгла свет в прихожей. Вадька вошел за мной следом и, сделав мне знак молчать, на цыпочках пошел обследовать комнаты. Я покорно ждала. Наконец он вернулся и кивнул, мол, все в порядке.

— Может быть ты не будешь включать свет в комнатах. — сказал он. — Вдруг они наблюдают за твоей квартирой?

— А, какая теперь разница. — возразила я. — Все равно сейчас буду звонить в полицию. В больнице труп, ты забыл?

Вадька понимающе кивнул и спросил.

— Мне остаться?

— Нет, не нужно. Спасибо тебе за все.

— Если что — звони по телефону или прямо колоти в стену, я услышу. — сказал он на

прощание и ушел.

Первым делом я содрала с себя грязную мятую рубашку и залезла в ванную. Ополоснувшись, я натянула старенькие мягкие джинсы, чистую футболку, снова смазала раны на подошвах йодом и подошла к телефону. Вот тут-то я и заметила записку, которую оставил Егор. Она лежала справа от аппарата и от двери ее не было видно. Я схватила бумажку.

«Ниночка, шеф пригласил нас всех с женами к себе на дачу. Я звонил, а потом заехал за тобой, но ты где-то ходишь. Рисую схему, как туда добраться. Возьми такси и приезжай. Все едут туда с ночевкой. Очень по тебе скучаю. Целую.» Дальше следовала схема, как проехать до деревни Митино, находящейся недалеко от города. После схемы была приписка.

«Если по каким-то причинам ты не приедешь, то я вернусь первой же электричкой и в девять утра буду дома».

Вот тебе и раз! Егор-то, оказывается, даже ни о чем не знает. Приедет завтра в девять, а я лежу дома с пробитой головой, вся в бинтах и дожидаюсь его. Я живо представила, как муж склоняется над кроватью и слезы раскаяния за несвоевременное свое отсутствие орошают мои несвежие бинты.

Отгнав видение, я достала из-за повязки клочок бумаги, на котором был записан номер телефона капитана. Куда еще может положить важную бумажку женщина, на которой кроме чалмы и ночной рубашки ничего больше не было?

Как зовут капитана, посетившего меня в больнице, я, слава Богу, запомнила. Алексея Леонидовича Крапивина я разыскала с третьей попытки и то только после того, как наорала на дежурного, что дело нешуточное и речь идет об убийстве. Но даже тогда мне не дали его номер телефона, а позвонили ему сами и только потом соединили с ним меня.

Услышав, что я дома, что сбежала из больницы, чтобы спасти свою жизнь, а в больнице остался труп дежурной медсестрички и преступник со сломанными пальцами, капитан велел мне никуда не выходить, никому не открывать, а когда придет он, то рассмотреть его в глазок и задать какой-нибудь вопрос, касающийся нашего с ним разговора в больничной палате. Если он не сможет ответить, то и ему дверь не открывать.

Я ошарашенно положила трубку и задумалась. Может быть наивное хлопанье ресницами — совсем не для маскировки? Он что в «казаки-разбойники» со мной играть собрался? Затем я решила, что иного выхода у меня нет, как подыгрывать капитану во всех его странных импровизациях. Вводить в курс дела кого-то другого было нецелесообразно, да и утомительно лично для меня. Пусть уж Алексей Леонидович разбирается со всем этим сам.

Я, от нечего делать, подошла к зеркалу с твердым намерением причесаться и привести себя в порядок перед приходом следователя. При этом напрочь забыла, что причесывать мне на данный момент нечего и очень удивилась, обнаружив у себя на голове бинты. Вот к чему может привести бессонная ночь — сама себя уже не помню. Но с другой стороны радуется, что голова меня вроде-как не беспокоит. Я повнимательней взгляделась в зеркало — прямо надо лбом расплылось небольшое розовое пятнышко, очевидно разошелся шов. Не удивительно, после такого марафона, который я предприняла совсем недавно. Странно, но голова у меня действительно почти не болела. Это хорошо, потому что грядет сумасшедшее утро и, скорее всего, не менее сумасшедший день. Мои мысли прервал звонок в дверь.

Я подошла и осторожно посмотрела в глазок. На площадке стоял капитан Крапивин и преданно смотрел на дверной номер, прибитый повыше глазка.

— Кто? — спросила я, соблюдая его инструкции.

— Нина Борисовна, это капитан Крапивин Алексей Леонидович.

— А скажите, что именно я заставляла вас сделать, когда вы пришли ко мне в больницу? — задала я заранее подготовленный вопрос.

Он два раза хлопнул ресницами, а я вдруг испугалась, что он не сможет ответить. Значит я не открою дверь и останусь совсем одна. Мне страшно захотелось подсказать ему правильный ответ, но он справился сам.

— Вы все время просили позвонить вашему мужу. — четко, как на экзамене, ответил Крапивин.

Я облегченно вздохнула и впустила его в квартиру.

— Ну, так вы позвонили Егору или нет? — спросила я, когда мы с капитаном сели друг против друга за кухонный стол.

На этот раз он не стал хлопать ресницами, а ответил сразу.

— Да, я звонил, но на работе сказали, что они все уехали за город и вернутся только сегодня утром.

— Вот. — я положила перед капитаном записку мужа.

Он внимательно прочел ее и с намеком на мою требовательность сказал.

— Что ж, одна проблема снята. Теперь рассказывайте. — и открыл свою папку.

— Прямо не знаю с чего начать и, главное, что же мне теперь делать? — грустно сказала я.

— Давайте все по порядку. — предложил капитан. — Вы подробно расскажете мне обо всем, что с вами случилось после моего ухода из вашей палаты, а потом вместе подумаем, что нам делать дальше.

Я покорно согласилась, а что мне оставалось? Примерно полчаса капитан скрупулезно записывал мой рассказ, потом дал мне подписать листы и закрыл папку. Как я поняла, настало время решать, что делать дальше.

— Вы можете сейчас поехать к кому-нибудь? — спросил меня капитан.

— Да вы что, ночь, кого я могу беспокоить? — начала я.

— Нина Борисовна! — остановил меня Крапивин.

— Что? — недоуменно спросила я.

— Уже половина седьмого утра. — сказал он таким тоном, как будто я была маленьким ребенком.

— Не может быть. — я ошарашенно перевела взгляд на кухонное окно и воочию убедилась, что день уже наступил, а вернее, его начало, то есть утро. — Мне казалось, что все случилось только что.

Алексей Леонидович внимательно на меня посмотрел и потянулся к телефонной трубке.

— Ну, что там у вас? — спросил он кого-то и долго молча слушал ответ, потом сказал. — Понял.

Я смотрела на него во все глаза, чувствуя, что этот его звонок касается меня напрямую. Капитан положил трубку и повернулся ко мне.

— Человек, который на вас напал, успел сбежать до приезда наряда милиции. Дежурная медсестра, к сожалению, действительно мертва. — он сделал паузу и продолжил. — Вас точно пытались убить. Медсестра, которая сделала вам укол снотворного утверждает, что получила это распоряжение по внутреннему телефону и была уверена, что разговаривает с

доктором Долговым Дмитрием Наркисовичем. Правда, она вспомнила, что голос ег слышала плохо, мешали какие-то помехи в трубке. Из всего этого я делаю вывод, что пора прямо с утра начинать поиски вашего лжеслесаря.

Я внимательно слушала следователя и радовалась, что именно мне попался такой толковый капитан полиции. Разные слухи ходят о людях их профессии и я была рада, что в данном случае, пока ни один из них не подтвердился. Очевидно, Крапивин заметил проблески умиления в моих глазах и неожиданно засмутился.

— Хотите кофе? — заботливо спросила я его и не дожидаясь ответа поднялась из-за стола.

— Не откажусь. — ответил он.

— Кстати, не забудьте, что у преступника сломаны оба больших пальца на руках. Может быть он обращался куда-нибудь за помощью. — явила я чудеса дедукции, доставая из шкафчика пакет с кофе.

Алексей Леонидович посмотрел на меня с такой тоской во взоре, что я решила больше со своими умозаключениями не высовываться. По крайней мере в ближайшее время.

Привезенные вчера мной продукты были аккуратно разложены в холодильник и кухонные шкафы. Это Егор постарался, не смотря на то, что торопился. Он всегда отличался тем, что советский лозунг «Берегите труд уборщиц — не сорите!», принимал, как аксиому. Не мог допустить, чтобы пропали чьи-то усилия. Вот и теперь — я же закупала все эти продукты, значит нельзя дать им испортиться. Иногда меня это раздражало, а иногда я гордилась своим мужем.

На глаза невольно навернулись слезы и я поспешила взять себя в руки. Мне сейчас никак нельзя распускаться.

Как ни странно, но, несмотря на мое состояние, кофе получился очень вкусным. По выражению лица Алексея Леонидовича я поняла, что он наслаждается ароматным напитком. К кофе я нарезала бутерброды с ветчиной и сыром, так что получился полноценный завтрак.

— К кому вы можете сейчас поехать? — снова завел свою пластинку капитан, ставя на стол пустую чашку.

— А зачем я должна куда-то ехать? — не уступала я в своем упрямстве.

— Вы что, действительно этого не понимаете? — с интересом уставился на меня капитан.

Я пожала плечами.

— На вас два раза покушались, а вы собираетесь остаться в этой квартире, куда преступник уже пытался проникнуть?

— Да, как-то я сразу не сообразила. — виновато потупилась я.

Неприятно, когда сама себя выставляешь бестолковой.

— Может быть поедете к родителям мужа? — спросил капитан.

— Нет! — резче, чем нужно ответила я.

— Понятно. — вздохнул Крапивин.

— Нет, вы не подумайте, они неплохие люди, просто...

— Просто они не ваши мама с папой. — закончил за меня понятливый следователь.

— Ну, что-то вроде этого. — согласилась я.

— А ваши мама с папой? — не унимался он.

— Отпадает. Они живут в пригороде, да к тому же сейчас уехали на встречу однокурсников.

— Подруги надежные есть? — продолжил он.

— Светка Максимова, но они с мужем и ребенком, как назло, уехали в деревню на все лето.

— Погостить не звали? — спросил Крапивин.

Я прищурилась и посмотрела ему прямо в глаза.

— Если вы думаете, что я способна уехать из города при таких обстоятельствах, то вам не повезло, я не такая. К тому же через час дома будет мой муж.

— Да я уже понял, какая вы, а на счет мужа накладочка получается. Мне прямо сейчас нужно ехать на работу, а одну я вас оставить не могу. — примирительно сказал он.

— Тогда предлагайте что-нибудь по существу. — все-таки огрызнулась я.

— Хорошо, собирайтесь и поехали. — вдруг решительно сказал капитан и поднялся из-за стола.

— И куда же мне? — спросила я, удивленная такой его настойчивостью.

— Побудете некоторое время в моей квартире, и пообщаетесь с моей женой. Она у меня тоже с характером, так что вам вместе будет даже очень не скучно. Сейчас я ей позвоню. — и направился к телефону.

— Но это неудобно! — крикнула я ему вслед.

— Ничего, она привыкла к причудам моей профессии. — крикнул он мне в ответ и заговорил уже в трубку. — Рит, проснулась? Давай, давай, просыпайся уже, я сейчас подъеду, но не один. Потом объясню. Пока.

Я же в это время лихорадочно метала в спортивную сумку некоторые деликатесы, из тех, что купила вчера на рынке. Неудобно в чужой дом с пустыми руками, что, если Егор задержится?

Крапивин заглянул на кухню.

— побыстрее, она уже ждет.

— И, наверное, счастлива до безумия. — ехидно сказала я.

— Если вы боитесь нас стеснить... или объесть, — сказал он, бросая косою взгляд в мою сумку. — то можете не переживать. Дом у нас вместительный, а холодильник полный.

Я вручила сумку капитану, написала Егору номер телефона капитанской квартиры и мы спустились во двор. Было рано, но несколько соседей с собаками уже прогуливались в отдалении под деревьями. Увидев меня в семь утра с жуткого вида повязкой на голове и в сопровождении постороннего мужчины, они просто онемели. Причем и хозяева и их четвероногие друзья. Я опустила глаза и засеменила вслед за капитаном. На все вопросы буду отвечать потом. Алексей Леонидович подошел к новенькой «девятке» кремового цвета.

— Служебная? — поинтересовалась я.

— Личная. — с гордостью ответил следователь и открыл дверцу.

* * *

— Чёрт бы ее побрал! — выругался Красавчик, падая на переднее сиденье неприметной старой копейки синего цвета, за рулем которой сидела Оксана, нацепившая для маскировки большие темные очки.

— Что не так? — спросила она.

— Мало того, что мент просидел у нее до сих пор, так она с ним куда-то ехать собралась, чертова кукла! Уже в машину садятся. Ты приготовься, сейчас они мимо нас поедут на бежевой «девятке». Отследим, куда он ее отвезет, а потом позвоним шефу.

Оксана поправила очки, покосилась на оттопыренные забинтованные пальцы

Красавчика, завела машину и положила руку на рычаг переключения скоростей.

* * *

Капитан загрузил мою сумку на заднее сиденье, я устроилась впереди и машина тронулась. Я сидела и думала, радоваться тому, что наши полицейские покупают себе новые машины или нет? За такими раздумьями и за собственными невеселыми мыслями я и не заметила, как мы оказались возле многоэтажного дома современной застройки. Я вышла из машины и задрала голову, рассматривая фасад здания. Эх, думала ли я, куда меня занесет судьба в ближайшее время? Но не дано предугадать.

Квартира капитана находилась на последнем этаже. Мы поднялись на лифте и Алексей Леонидович позвонил в дверь. Через минуту дверь распахнулась и на пороге показалась высокая, румяная, широко улыбающаяся молодая женщина.

— Здравствуйте. — радостно сказала она и сделала приглашающий жест в квартиру.

При этом она повернулась немного боком и я увидела, что женщина слегка беременна, а точнее, месяц шестой. Я тут же сделала резкий шаг назад, налетела спиной на капитана Крапивина, отдала ему ногу и заорала чуть ли не на весь подъезд.

— Я здесь не останусь! Отдайте мои вещи и отвезите меня домой!

Одновременно с воплями я начала выдергивать из рук капитана свою сумку. Но не тут-то было. Капитан сгреб меня и сумку в охапку и крикнув жене: «Отойди, Ритка!», забросил меня с сумкой в прихожую, забежал сам и захлопнул входную дверь. Затем он спросил меня с искренним любопытством.

— Вы что, Нина Борисовна, рехнулись?!

— Это вы, Алексей Леонидович, рехнулись, раз притащили меня сюда! — не осталась я в долгу.

— Леха. — строго поинтересовалась его жена. — Ты что, на этот раз преступницу в дом привел?

— Почему преступницу? — страшно удивились мы вместе с капитаном.

— Ну, как же? В дом идти не хочет, орет, перебинтованная вся. — пояснила Рита.

Мы с Крапивинным переглянулись и я решила разъяснить ситуацию.

— Понимаете, Рита, ваш муж делает страшную глупость. На мою жизнь уже два раза покушались. — я выразительно погладила себя по забинтованной голове. — Он же предложил мне пока, до приезда моего мужа, отсидеться у вас дома.

Я замолчала, всем своим видом показывая, как меня возмущает это предложение.

— Ну и что? — спросила Рита.

— Да? — встрял капитан. — Вы же ехали сюда совершенно спокойно. Что теперь-то случилось?

— А случилось то, что ваша жена беременная! — как бестолковому, чуть не по слогам сказала я.

— А что такого-то? — спросила Рита. — Вы не любите беременных женщин?

— Да вы что, оба такие тупые что ли? — не выдержала я. — На меня покушались и нет никакой гарантии, что они не придут за мной сюда.

— Ах, вот оно что. — рассмеялась Рита. — Теперь понятно. Но хочу вас разочаровать — беременность — это не болезнь и не увечье. Так что перестаньте переживать по пустякам, ставьте свою сумку и располагайтесь, как дома. Кстати, вы к нам надолго?

— На час или два, до тех пор, пока не приедет её муж. — пояснил вместо меня Алексей Леонидович.

— И из-за этого столько крику? — удивилась Рита. — Да мы даже чаю как следует попить не успеем.

Я стояла посреди прихожей, крепко прижимая к себе сумку и чувствовала себя полной идиоткой. Наверное, сказывались бессонная ночь и переживания, потому что я никогда раньше не позволяла себе таких истерик.

— Ладно, дамы, мне пора. — прервал молчание капитан.

Рита подошла, поцеловала мужа в щеку и открыла входную дверь. Мой взгляд нервно метнулся в щель и лихорадочно оцупал все видимое пространство лестничной клетки.

— Пожалуйста. — обратился ко мне Крапивин. — Когда муж заберет вас домой, позвоните мне.

Я молча кивнула и наконец-то опустила на пол свою сумку. Пока Рита закрывала замок, я быстро огляделась. Прихожая большая, с зеркальным шкафом-купе, золотистые обои, подвесные потолки.

— Проходите на кухню, сейчас будем пить чай. — пригласила Рита и пошла впереди меня, показывая дорогу.

Кухня произвела на меня сильное впечатление. Если вы возьмёте в руки любой дорогой журнал о мебели, то обязательно найдете там такой-же классический итальянский интерьер, какой сейчас обозревала я. Масса натурального дерева и красивой посуды.

Рита выдвинула стул из-за круглого стола и предложила мне сесть. Когда я опустилась на мягкое сиденье, хозяйка на минуту остановилась возле меня, а потом сказала.

— У вас протекла повязка. Не желаете, чтобы я сделала вам перевязку?

— Вы? — удивилась я.

— Да. — широко улыбнулась Рита. — Я, к вашему сведению, не просто беременная жена, я хозяйка клиники пластической хирургии. Сама дипломированный хирург.

Теперь понятно, кто заработал деньги на обстановку и машину, подумала я. Затем взглянула на свое отражение в стеклянной дверце шкафчика и сказала.

— Тогда, пожалуй, можно сделать перевязку.

— Доверяете, значит? — лукаво спросила Рита.

— А что мне остается? — засмеялась я. — Хоть перед мужем предстану в свежих бинтах.

— Вас ведь Нина зовут? Идемте в ванную, там аптечка.

Рита снова пошла впереди меня, плавно покачивая бедрами и слегка откидывая корпус назад. Бывают же женщины, которым идет беременность. Я же при своей худобе буду выглядеть, как беременный гвоздь.

Ванная комната сияла розовым кафелем и импортной сантехникой. Усадив меня на пластмассовую табуретку, Рита занялась моей головой. Размотав бинты, она осмотрела рану, осторожно трогая пальцами ее края. Я даже не заметила, когда хозяйка успела натянуть резиновые перчатки.

— Ну, что ж, для непластических хирургов очень даже неплохо. Рубец, конечно, останется, но в волосистой части головы будет незаметен. Странно, что они только немного подбрили по краям раны. Обычно, при черепно-мозговых выбивают такую тонзуру, что женщинам приходится впоследствии коротко стричься.

— Сильно меня там? — спросила я, имея в виду размеры раны.

— Сильно, но как-то вскользь. Могло быть и хуже. — сказала Рита, звякая какими-то пузырьками.

Я решила ей не мешать, все-таки не чью-то голову обрабатывают, а мою собственную. Через пятнадцать минут Рита стянула с рук перчатки, отошла на два шага и сказала.

— Все, готово.

Я встала и подошла к большому зеркалу. Рита не стала мне снова бинтовать голову, а сделала аккуратную наклейку из пластыря. Видок все равно был непрезентабельный, но

можно прикрыться каким-нибудь головным убором.

— Могу предложить очень милую шапочку, она вам пойдет. — как будто услышав мои мысли, сказала Рита.

— Спасибо, но неудобно как-то. — отказалась я.

— Неудобно носить или неудобно принять ее от меня? — прищурилась Рита.

Я смутилась. Такое впечатление, что она читает чужие мысли.

— Неудобно принять. — честно ответила я.

— Глупости! — махнула она рукой. — Идите на кухню, ставьте чайник, а я сейчас приду.

Я все еще возилась с мудренными ручками плиты, когда вошла Рита, повернула меня к себе и осторожно натянула мне на голову вязаную из белых ниток шапочку.

— Ну, посмотрите. — довольно сказала она. — Даже с джинсами подходит.

Я пошла в прихожую к зеркалу. Шапочка была редкой вязки с большими дырками и плотно облегла голову. Я видела такие на некоторых девушках, но даже предположить не могла, что мне она пойдет. Я вернулась на кухню.

— Спасибо.

— На здоровье. — ответила Рита, нарезаая ветчину для бутербродов. — Садитесь, сейчас чайник уже закипит.

— И часто вам муж таких гостей подваливает? — спросила я.

— Часто-нечасто, но подваливает. — рассмеялась Рита. — Работа у него такая. Тем более, что я уже в декретном отпуске.

— Так какой же у вас срок? — удивилась я.

— Правильно, еще рановато, всего шесть месяцев, но Леха сказал, что ребенок уже все понимает и я не должна теперь смотреть на всякие уродства и кровь. Вот и посадил меня дома.

— И притащил к вам в дом женщину в окровавленных бинтах. — подхватила я.

Рита рассмеялась и начала ловко накрывать на стол. Через десять минут мы сели пить чай. Без бинтов я чувствовала себя гораздо лучше и настроение мое поднялось. Рита как раз домывала чашки, когда в дверь позвонили. Мы обе замерли и взглянули друг на друга.

— Ваш муж? — почему-то шепотом спросила она.

— Нет, я ему только ваш телефон оставляла. — так же шепотом ответила я.

Рита тихонько поставила чашку и пошла в прихожую. Я двинулась за ней, шепча на ходу.

— Не открывайте, пока не узнаете кто это.

Она согласно кивнула, подошла к двери и посмотрела в глазок.

— Кто? — спросила она громко.

— Это слесарь, мне у вас воду отключить нужно. — услышала я знакомый голос.

Меня тут же парализовало от страха, а Рита вопросительно посмотрела мне в глаза. Я смогла только тупо потрясти головой, давая понять, что дверь нельзя открывать ни в коем случае. Рита не церемонясь подтолкнула меня к глазку и жестом велела посмотреть.

Я приложила глаз и увидела перед собой мерзкую смазливую физиономию того самого «слесаря», который и в моей квартире хотел перекрыть воду. А во что все это вылилось?

От вида ненавистной рожи я пришла в себя.

— Это он. — тихо сказала я Рите. — Тот, что ударил меня по голове. Давайте накинем цепочку и позвоним вашему мужу.

— Цепочки нет. — напряженно сказала Рита. — Давайте сразу звонить.

Она протянула руку и сняла телефонную трубку. Послушала некоторое время и положила ее на место.

— Что? — спросила я.

— Не работает. — сказала она и нервно сглотнула.

Я подошла поближе к двери и осмотрела ее. Надо же, цепочки действительно не было. Крапивин, мент несчастный, безопасность своего жилища обеспечить не в состоянии. Замок, правда, был новый и на вид крепкий. Не успела я об этом подумать, как раздался странный металлический звук как раз в том месте, где располагался замок.

— Отмычкой пробуют открыть. — сказала подкованная Рита и потащила меня в комнату.

Когда она доволокла меня до двери на лоджию, я отчаянно вырвала руку.

— Куда это мы? — подозрительно спросила я.

Даже под угрозой третьего покушения на мою жизнь, я не собиралась прыгать с двенадцатого этажа.

— Пошли скорее, там у нас ход на технический этаж. — нетерпеливо сказала Рита.

Я недоверчиво шагнула вслед за ней на застекленную лоджию и увидела, что Рита подставляет лестницу к боковой перегородке. Затем она ловко, несмотря на свое положение, поднялась на несколько ступенек и открыла над своей головой совершенно неразличимый снизу люк. Рита влезла в него и тут же в дыре показалась ее растрепанная голова.

— Давай, скорее. — и она поманила меня рукой.

Я не заставила себя долго уговаривать и резво поднялась по лесенке. Как только я встала на твердую землю, Рита скомандовала.

— Теперь помоги втащить лестницу.

Мы вместе ухватились за верхнюю перекладину и легко подняли лестницу. Рита закрыла люк и задвинула железный засов.

— Фиг нас здесь кто найдет. — удовлетворенно сказала она, отряхивая колени.

Мы посмотрели друг на друга и нервно захихикали.

— Это ничего, что мы перешли на ты? — спросила Рита, махнув мне, чтобы я следовала за ней.

— Нормально. — сказала я, стараясь не шуршать подошвами домашних тапок.

Мы остановились в углу, где из пола торчал кусок широкой трубы.

— Тс-с. — приложила палец к губам Рита.

Я вопросительно взглянула на нее.

— Мы над кухней. Это вентиляция. — показала она на трубу.

Я все поняла и мы замерли в ожидании. Минут десять до нас доносились слабые стуки и отрывистые слова. Потом звуки стали более отчетливыми и я услышала голос «слесаря».

— Я же точно видел, что он вышел из этой квартиры. Баба осталась внутри.

— Ну, нет здесь никого. — раздался голос, от которого я вздрогнула.

Рита заметила мою реакцию и вопросительно кивнула. Я махнула рукой, мол, все потом.

— Что делать будем? — спросила Оксана под звуки открывающихся дверей.

В холодильнике они что ли меня ищут?

— Не знаю. — огрызнулся «слесарь». — Опять все шишки на мою голову. Ты подтверди, что ее в квартире действительно не оказалось.

— Ладно. — откликнулась Оксана. — А может вернуться к дому и проследить за ее мужем, когда он появится?

— А что, мозги у тебя варят. — одобрительно хмыкнул «слесарь». — Можешь теперь не только своей задницей гордиться.

— А шеф считает, что я тупая. — капризно сказала Оксана.

— Да пошёл он...! Уходим. — прокомментировал «слесарь» и голоса стихли.

Рита быстро, стараясь не шуметь, направилась к противоположной стене и выглянула на улицу в небольшое окошко.

— Сейчас они выйдут и мы посмотрим, на какой машине они приехали. — объяснила мне она.

С двенадцатого этажа все машины казались такими маленькими, что определить марку оказалось невозможным.

— Ничего, хоть цвет узнаем. — сказала Рита.

— Вот они! — чуть не закричала я, когда из-под козырька подъезда показались две крошечные фигуры.

— Точно? — спросила Рита.

— Точнее не бывает. Я их и с птичьего полета узнала бы. — сказала я сквозь зубы, провожая глазами чайку, пролетающую ниже нас этажа на два.

— Садятся в синюю машину, похожую на «жигули», но утверждать не берусь. — вытянув шею, сказала Рита. — Все, отъехали. Давай спускаться.

Мы проделали весь путь в обратном порядке, но не так ловко, как хотелось бы. Ведь всем известно, что спуститься откуда-нибудь гораздо сложнее, чем залезть туда. Лестницу мы водворили на место и вошли в квартиру.

— Нужно как-нибудь предупредить Егора. — взволнованно сказала я. — Он может быть уже давно пытается сюда дозвониться.

— Я сейчас посмотрю телефонный провод на площадке. — сказала Рита.

— Как это? — удивилась я.

— Ну, они его перерезали или просто отсоединили. Я сейчас восстановлю линию и телефон заработает.

— Слушай, так кто же ты все-таки по профессии? — спросила я, наблюдая, как Рита копается в телефонном щитке, пытаясь соединить обрезанные проводки.

— Да хирург, хирург. — успокоила она меня. — Но еще я жена полицейского. Это, знаешь ли, тоже профессия.

Она осторожно спустилась со стула и сказала.

— Все. Готово.

Я взяла телефонную трубку и подпрыгнула от радости.

— Работает!

— Ничего удивительного, если за дело берется профессионал. — скромно потупилась Рита. — Послушай, давай сначала позвоним Крапивину. Ситуация нештатная, что он скажет, то и сделаем.

Я немного подумала и согласилась. Рита взяла трубку и набрала номер.

— Леша? Это я. У нас тут интересные дела творятся.

В следующие пять минут Рита толково описала ситуацию и получила указания.

— Велено сидеть здесь и ждать. Крапивин едет к вам за твоим мужем и привезет его сюда.

— Понятно. — вздохнула я и отправилась в комнату, еле двигая ногами.

Силы почему-то оставили меня и я с тяжким вздохом опустилась в большое мягкое кресло.

— Э-э-э, подруга, что-то ты расклеилась. — протянула Рита и направилась к прозрачному бару, стоящему в углу комнаты.

Из угла смачно булькнуло несколько раз и хозяйка вложила мне в руку широкий коньячный бокал с небольшим количеством янтарного цвета жидкости. В руках она держала такой же.

— Тебе разве можно? — вяло поинтересовалась я и сделала большой глоток.

— Немного можно. — Рита пригубила из своего бокала. — Ну, как?

— Еще не поняла. — ответила я и сделала следующий глоток.

Коньяк мягко провалился по пищеводу и залег в желудке. На языке остался привкус деревянной бочки и винограда. Я взглянула на фужер.

— Что за коньяк такой замечательный?

— Настоящая «Метакса». Грек один подарил. Главное, было бы за что — просто удалила ему родинку на лице. Ничего злокачественного. Так он мне бутылку через полгода привез, сказал, что у всех мужчин в его роду были такие же родинки и дела в бизнесе всегда шли плохо. А теперь, когда он от нее избавился, дела сразу пошли в гору. Суеверные они, греки, со своими живыми богами.

— Знаешь, а правда полегчало. — сказала я, прислушиваясь к процессам в своем организме.

— Верное средство. — убежденно сказала Рита.

— Ты не знаешь, почему твой Крапивин так с нами возится? Вот сейчас за Егором поехал. — потянуло меня на рассуждения.

— Знаю. — обреченно сказала Рита. — Потому что он трудоголик. Без работы не может.

— А у него что, сейчас только наше дело?

— Если бы. Ваше, по моему, шестое, не считая двух дохлых «висяков».

— Да, весело тебе. Ты его, наверное, и не видишь совсем? — посочувствовала я. — А, впрочем, что я говорю? Ведь мой Егор такой же.

— А чем он занимается? — спросила Рита.

— Он электронщик. Изобретает всякие приборы. Последнее его изобретение купили французы. — похвасталась я.

— Здорово! — искренне сказала Рита. — А ты?

— А я разрабатываю схемы вышивок для женского журнала. После Художественного училища помыкалась по кинотеатрам, да клубам, рисуя афиши, а потом нашла себе работу в журнале. Платят хорошо и схемы составлять мне нравится.

Тут мы услышали, как открывается входная дверь, испуганно замерли, но на пороге комнаты появился капитан Крапивин. Он окинул нас мрачным взглядом, Рита поднялась и направилась к нему.

— А где Егор? — спросила я, вставая с кресла.

Крапивин молча протянул мне листок бумаги, свернутый вчетверо. Я развернула и прочла.

«Нина, Егор просил меня заехать к тебе и оставить записку. Они всем коллективом поехали сегодня на Святой источник и будут в городе только поздно вечером.»

Никита»

— Кто такой этот Никита? — спросил капитан.

— Пасюк Никита Антонович, он работает вместе с моим мужем, мы дружим семьями

— ответила я, растерянно вертя в руках записку.

— Что-то не так? — спросил Крапивин, видя мое замешательство.

— Просто я не понимаю, что происходит. Егор не был дома две недели, мы виделись всего несколько часов и вот он уже второй день развлекается и не спешит домой. Вот ведь Никита с ними не поехал, раз записку оставил. — обида сквозила в моем голосе.

— Вот и я думаю, что это по меньшей мере странно. — задумчиво сказал капитан.

— Да, а почему? — тут же насторожилась я.

Все-таки не простой человек выражает свое мнение, а капитан полиции.

— Так. — не отвечая на мой вопрос, встрепенулся Крапивин. — Ну-ка, поподробней мне про девицу, которая была со «слесарем».

Я рассказала, как увидела Оксану в аэропорту, как она потом звонила нам домой, как появилась вместе с лжеслесарем в этой квартире.

— Кстати, они уехали отсюда на синих «жигулях», правда, мы не разглядели, какой модели. Вы возле нашего дома не видели каких-нибудь синих жигулей? — спросила я.

— Нет, я специально смотрел, никаких машин во дворе не было. — сказал капитан и уточнил. — Значит, оба звонивших спрашивали Егора?

— Да. — ответила я и задумалась. — Что за ерунда получается? Спрашивают Егора, а покушаются на меня? А вдруг и ему сейчас грозит опасность?

— Вот что. — прервал меня Алексей Леонидович. — Позвоните-ка этому Никите. Насколько я понял, он сейчас в городе.

Я послушно вышла в прихожую и набрала домашний номер Пасюков. Никто не снял трубку. Сотового у Никиты не было. Я постояла в раздумье, из комнаты доносились приглушенные голоса Крапивина и Риты. Я набрала служебный телефон Егора. Нет ответа. Пришлось вернуться в комнату. Капитан обернулся на звук моих шагов, а я покачала головой.

— Понятно. — сказал он. — Вы знаете, где находится дача начальника вашего мужа?

— Была как-то. — ответила я. — Но какой смысл, если Никита пишет, что они все уехали на Святой источник? Это действительно далеко. Наверное, нужно просто подождать, когда вернется Егор.

— Ладно, дела у меня пока есть, ищем мужчину с переломом больших пальцев рук. Правда, пока безрезультатно. А вы точно уверены, что сломали ему пальцы, может быть вам со страху так показалось? — спросил Крапивин, с сомнением глядя на мои небольшие ладони.

— Дайте вашу руку? — попросила я его.

— Что, ломать будете? — криво улыбнулся капитан, непроизвольно пряча руки за спину.

— Просто пожму. — честно сказала я.

Капитан протянул ладонь и я пожала. Лицо Крапивина покраснело, он задержал дыхание, но не выдержал и начал дуть на пальцы. Я его понимала, потому что пожала руку от всей души, чтобы он больше не сомневался в том, что я говорю. Рита смотрела на это представление, широко открыв глаза.

— Феномен какой-то. — выдохнул капитан, глядя на жену. — Теперь я верю. Вы не то

что пальцы, руку легко можете переломить. Откуда такая сила?

— Папа тяжеловес. — коротко объяснила я.

Крапивин выразительно покачал головой.

— Ладно, вы остаетесь здесь, пока не объявится ваш муж. Мне нужно в отдел. Теперь я за вас буду меньше беспокоиться, с такими-то способностями. — он снова глянул на мои руки.

В этот момент я почувствовала себя, как лилипут в общественном транспорте. Все тебя жалеют, но не могут скрыть откровенного интереса.

Наконец Крапивин ушел и мы с Ритой снова остались одни. Подумав немного, я предложила заблокировать входную дверь лентяйкой, уперев ее в основание шкафа. Соорудив таким образом баррикаду от непрошенных гостей, мы с хозяйкой дружно завалились спать. От бессонной ночи и последующих волнений я еле держалась на ногах.

* * *

— Не мог он раньше нам сообщить, что не нужно лезть в квартиру? — раздраженно говорил Красавчик, стараясь не упустить из вида машину шефа, за которой они сейчас ехали.

Его руки крепко держали руль, а большие пальцы, обмотанные бинтами, жизнеутверждающе торчали вверх, как будто их владелец был очень доволен тем, что его окружало. Выглядело это смешно, но смеяться над Красавчиком было по меньшей мере неумно.

— Да ладно тебе, что ты все время придираешься? — откликнулась Оксана, вольготно раскинувшись на пассажирском месте. — Большой труд для тебя был вскрыть тот замок?

— Дура! Не в труде дело! Квартира-то была ментовская, рисковали мы.

Оксана было дернулась при слове «дура», но стерпела. Не то еще приходилось слышать, да и дальше, похоже, в ее жизни галантных кавалеров не предвиделось. Вон, шеф, одной рукой грудь ласкает, а другой норовит в морду ткнуть. Вечно всем не доволен.

Другое дело — этот Егор Ларин. Оксана мечтательно уставилась прямо перед собой. Вот бы такого ухажера. Как она надоедала ему в самолете глупыми бабьими разговорами, так ведь ни одного грубого слова не сказал. Правда, и не грубых слов десятка не наберется, но видно же сразу, что человек воспитанный. И что он в этой пигалице, своей жене, нашел? Худая, невзрачная. Вот так всегда бывает, что неярким, да невзрачным все, а таким, как Оксана — одно дерьмо.

Оксана скосила глаза на Красавчика. Если не знать его подлую натуру, то с виду действительно красавчик. А изнутри гнилой совсем, души в нем нет, да и не было никогда. Вчера, когда из лифта вышли в ментовском подъезде, кошечка на пути попала. Красивая такая, трехцветная. Мордочка беленькая, чистенькая, глаза желтые, как одуванчики. Так этот зверь так ее ногой наподдал, что она плашмя о стену ударилась и даже мякнуть не смогла. А ведь не под ногами вертелась, Красавчику пришлось шаг в сторону сделать, чтобы кошку пнуть.

Интересно, куда мы сейчас едем, продолжала размышлять Оксана. Шеф сорвал с задания и велел ехать за его машиной, мол, все меняется. Ох, не любила Оксана этих перемен, по опыту знала, если отменяют задание, то следующее будет и сложнее и грязнее.

Оксане Емельяновой было на данный момент двадцать три года, но выглядела она лет на двадцать пять-двадцать шесть. Высокий рост и впечатляющие формы прибавляли ей лет, а вот мышление у нее было как раз на ее родные двадцать три. Она была далеко не глупа, а то, что нарушила инструкцию и подошла к Егору в аэропорту в присутствии его жены, так то

не от глупости, а от обыкновенной женской ревности. Егор ей понравился, вот и захотелось посмотреть, что из себя представляет его жена.

Конечно, сейчас Оксана понимала, что из-за ее ревнивого любопытства погибнет ни в чем не повинная женщина, но кому теперь легко? Саму Оксану уже давно никто не жалел. С тех пор, как умирающая от цирроза печени мама, протянула руку, погладила пятнадцатилетнюю дочь по щеке и сказала.

— Горемычная ты моя. Заклюет тебя жизнь, когда меня не станет. Не живи с отцом, уходи, а то погубит он тебя.

И все, так и умерла, уронив сползшую по щеке дочери руку. Отца Оксана и так не любила. За то, что сам пил по-страшному и мать в конце концов споил до смерти. Поэтому наказ мамин выполнила с удовольствием и уехала сразу после похорон к ее двоюродной сестре. Та была гораздо старше и жила одна в покосившемся домике в деревне со странным названием Любовники. Причем к любовникам, как таковым, название никакого отношения не имело.

Прожила она у тетки полтора года, ровно до того времени, как поняла, что ее оформившаяся фигура привлекает внимание окружающих мужчин. Не только деревенских пьяниц, которые готовы лапать корову за вымя, только бы было белое, да мягкое, но и приезжих дачников. Вот один такой, гостивший на чьей-то даче, и забрал ее с собой в город, благо, она прибавила себе два года, чтобы он не испугался, что она еще несовершеннолетняя.

Сейчас Оксана даже себе не смогла бы ответить, осталась бы она жить с Виктором, если бы узнала сразу, что он обыкновенный бандит или нет? До Вити она бандитов только по телевизору видела, но те были наглые, тупые, с бычьими шеями. Витя был не такой. Он любил Оксану, она это чувствовала. Подарки ей дарил, не дорогие, но трогательные. Не обижал никогда, в общем, не показывал свою бандитскую сущность.

Когда же пришли его приятели и сказали, что Витьку зарезали на какой-то разборке и завтра будут похороны, она всю ночь проплакала, под утро связала между собой кое-какие события, недомолвки Витькины, отлучки в срочном порядке и поняла, кто он был на самом деле. Ей бы бежать подальше, когда разобралась во всем, но уж больно захотелось с Витей проститься, в последний путь его проводить. Дура! Обязанной себя посчитала за доброту и подарки трогательные. Вот и получилось, что как бы Витя передал ее по цепочке прямо возле своей развернутой могилы. Именно там положил на нее глаз Витькин шеф и увез прямо с кладбища к себе на квартиру. И пошли они чередой, эти малые и большие «шишки» криминального мира.

Оксана, когда поняла, в какую воронку ее засасывает, решила хотя бы с пользой бандитские деньги тратить. Один хахаль, который был менее тупой, чем другие, согласился оплатить ей репетитора по английскому языку. Его развлекало, когда во время любовных игр, Оксана вворачивала какую-нибудь фразу на английском. Другой, у которого была фирма для отмыwania денег, взял ее к себе секретаршей, где она научилась делопроизводству. Худобедно, но профессию она освоила, вот только образования никакого не было, кроме среднего. Но у Оксаны была мечта — накопить денег и убежать куда-нибудь подальше, где она смогла бы начать новую жизнь и в этой самой новой жизни получить какое-нибудь образование.

Ее невеселые мысли оборвал голос Красавчика.

— Черт, куда это он свернул? Дебил, что ли? Не понимает, что у нас какая-то «копейка» задрипанная? Я же на этих кочках мост оставляю. Придурок!

Оксана решила немного осадить Красавчика и вкрадчиво сказала.

— Ты бы поостерегся, родной, при мне о шефе гадости говорить.

Красавчик недоуменно взглянул на нее и недобро оскалился.

— Ты что же это, шалава, угрожать мне вздумала?!

— А ты не забывай, что я с шефом постель делю. Язык-то прикуси!

Оксану несло и она сама это понимала, но так хотелось, чтобы с ней хоть в чем-то считались.

— А могилу с бабой того Егора Ларина разделить не хочешь? — злобно спросил Красавчик. — Ты меня лучше не зли, это я прокалываюсь иногда, когда на заказ работаю, но если для души кого замочить решу, то прокола не будет.

Оксана отвела глаза и обругала себя последними словами. Что взъелась? Не иначе, как жить надоело.

Машина шефа, тем временем, переваливаясь на кочках проселочной дороги, въехала на единственную улицу маленькой деревеньки и остановилась возле небольшого, потемневшего от непогоды и времени, деревянного дома. Шеф, не выходя из машины, махнул рукой, чтобы Оксана открыла перекошенные дощатые ворота.

Девушка неохотно вышла, распахнула обе створки и, дождавшись, когда машины, одна за другой, въедут во двор, снова закрыла ворота. Шеф вышел из своей красавицы иномарки и кивком головы позвал их за собой. Оксана знала, когда дела принимали серьезный оборот, ее любовник становился немногословен.

В избе было прохладно. На дворе хоть и стоял конец мая, но подтопить бы не мешало. Видно, что тут давно никто не жил. Зачем они сюда приехали? Оксана непроизвольно поежилась и подумала, а вдруг в этот раз все будет по другому и вместо того, чтобы события становились все более ужасными, шеф жену Егора убивать передумает? С одной стороны это хорошо, а вот с другой...

Оксана не успела закончить насквозь эгоистичную мысль, потому что шеф подошел к занавеске, отгораживающей какой-то закуток и отдернул ее. Сердце Оксаны замерло — на старой продавленной кровати лежал Егор. Руки и ноги его были связаны, рот залеплен пластырем, а сам он был без сознания.

Мне снились родители. Они стояли обнявшись в ореоле яркого белого света и с тревогой смотрели на меня. Я помахала им рукой и хотела крикнуть, что у меня все хорошо, но губы шевелились впустую и я не смогла издать ни одного звука.

Проснувшись, я долго таращилась на стену, пытаюсь вспомнить, у кого из наших знакомых в квартире такие дорогие и красивые обои. Повернув голову, я увидела всю гостиную и тут же вспомнила, где нахожусь. Я села и потрогала руками пластырь на голове. Поднялась и подошла к большому настенному зеркалу. Ну и морда у тебя, Шарапов!

Я вспомнила, что Рита подарила мне вязаную шапочку и искала ее глазами. Вот она, завалилась за диванную подушку. Я надела шапочку, села на диван и задумалась.

Почему во сне мои родители так тревожно смотрели на меня и почему мне не удалось их успокоить? Мое сердце сжалось в нехорошем предчувствии. Не то чтобы я безоговорочно верила снам, но как-то так всегда получалось, что после неприятных снов действительно случалось что-нибудь плохое. Но куда уж хуже? Два раза покушались на мою жизнь, разбили голову, преследуют. Опять же, где Егор? Ну почему именно сейчас ему пришло в голову развлекаться? Неужели ему сердце не подсказывает, что мне плохо, что я скучаю по нему?

От жалости к себе на глаза навернулись слезы. Я сначала размазывала их по лицу, а потом отправилась в ванную, где и всплакнула над струей холодной воды, временами протирая себе лицо мокрой ладонью. Вода подействовала успокаивающе, а от пролитых слез стало немного легче.

Вернувшись в гостиную, я застала там румяную со сна Риту. Она стояла с пультом в руке и искала по телевизору что-нибудь интересное.

— Ну, отдохнула? — повернулась она ко мне.

— Да. — ответила я и спрятала взгляд.

— Понятно. — сказала Рита. — Пора приготовить какую-нибудь еду, а то мы за целый день ничего путного не съели.

— Ой. — вспомнила я. — У меня же в сумке лежат всякие вкусности.

Я отправилась в прихожую, чтобы достать продукты и наткнулась взглядом на лентяйку, которой мы подперли входную дверь. При взгляде на это убогое приспособление, меня взяла такая досада, что я не раздумывая схватила палку и затолкала ее назад в шкафчик. С чувством удовлетворения от проделанного я взяла продукты и отправилась на кухню.

Рита не стала жеманиться и кривляться, а с благодарностью взяла все, что я принесла. Жена следователя мне нравилась все больше и больше. Я попыталась сравнить ее с Ирккой Пасюк и моя приятельница от этого сравнения здорово проиграла. Я ведь давно знала, что шампанское, которое Пасюки приносили с собой, когда шли к нам в гости, было куплено в дешевом ларьке, а конфеты были неизменно с противной фруктовой помадкой, хотя денег в семье Пасюков было не намного меньше, чем в нашей. Грех осуждать друзей, но, что есть, то есть.

Наблюдая, как Рита ловко режет очищенную картошку на большую сковородку, как ставит варить сосиски, как накрывает круглый кухонный стол красивой скатертью, я вдруг почувствовала себя очень уютно. И уют этот абсолютно не зависел от дорогой обстановки, он исходил от самой хозяйки. Такое не приобретешь ни за какие деньги. Мне захотелось оказаться с Егором на нашей кухне, захотелось накрывать для него ужин, одновременно

слушая его рассказ о прошедшем рабочем дне.

Почему у меня так тревожно сжимается сердце при воспоминании о Егоре и накатывает такая тоска?

* * *

— Что он тут делает? — непроизвольно вырвался у Оксаны вопрос, когда она увидела связанного Егора.

Шеф полоснул ее таким взглядом, что по спине пробежал озноб. Но, вопреки ожиданиям, он все-таки ответил на ее вопрос. Очевидно это входило в его планы.

— Он здесь в качестве живца. На него мы будем ловить его жену, которая с легкостью ускользает из рук профессионалов. — шеф выразительно посмотрел на Красавчика.

— Так он что, видел тебя? — осмелилась задать следующий вопрос Оксана.

— За дурака меня держишь? — прищурился шеф.

Оксана незаметно облегченно вздохнула. Если Егор не видел шефа в лицо, то есть надежда, что убивать его не собираются. А как же ее задание? Ведь вся операция как раз и строилась на том, что Егор будет жить и выполнять курьерские обязанности, сам об этом не подозревая. А Оксана должна стать его любовницей, чтобы с ее помощью можно было производить выемку материала, не ставя об этом в известность Егора.

Ее мысли сменили направление. Почему он без сознания? Спросить или не рисковать? Но тут заговорил шеф и ситуация прояснилась.

— Я ввел ему снотворное, так что спать он будет еще долго. В коллективе хватиться его никто не должен, так как он сказал, что возвращается в город, я сам слышал. Егор даже не видел, кто подошел к нему сзади по пути на платформу и накрыл нос и рот платком, пропитанным эфиром. Все остальное зависит от того, как скоро клюнет на живца его жена. Мне нужно домой, да и послание, якобы от Егора, доставить необходимо, как можно скорее. Вы же оба будете его сторожить, кормить, поить, если все затянется. Не развязывайте, так будет надежнее, хотя он сейчас слабый и безвольный. От вас зависит, жить ему или нет. Если он так и не догадается, в чем тут дело, то пусть идет по добру по здорову и выполняет свою функцию. Если же догадается, то ему сразу станет с женой по пути. Придется искать другого курьера или курьершу.

При последней фразе Оксану передернуло. Ох, чувствовало ее сердце, что это задание не кончится для нее добром.

* * *

Позвонил Крапивин. Рита переговорила с ним пару минут и позвала к телефону меня.

— Вот что, Нина Борисовна. — по-деловому начал следователь. — Я сейчас подъеду и отвезу вас в вашу квартиру.

— А что случилось? Егор объявился? — с надеждой спросила я.

— Нет. — разочаровал меня капитан. — Просто я подумал, что лучше будет, если мы с вами подождем его именно там.

— Мы с вами? — удивилась я.

— Да, я с женой уже переговорил. Я дождусь вашего мужа, убежусь, что за вами есть кому присмотреть и уеду. Собирайтесь, я буду через двадцать минут.

Рита ждала, когда я положу трубку.

— Наверное, это правильно? — полувопросительно сказала она. — Как считаешь?

— Конечно, дома мне будет легче ждать Егора. — кивнула я и отправилась за сумкой.

Собирать мне было нечего, поэтому я застегнула на сумке молнию и уселась в кресло в

ожидании приезда капитана. Рита куда-то сбегала и принесла мне свою визитную карточку, на чистой стороне которой записала свой домашний телефон. Я перевернула картонку. Крапивина Маргарита Аркадьевна, клиника пластической хирургии «Возрождение», генеральный директор.

— Спасибо. — сказала я, пряча визитку в сумку.

— Если что-нибудь понадобится, а до Алексея ты не дозвонишься, то звони сюда, помогу по мере сил. — сказала Рита.

Я кивнула и в это время капитан открыл своим ключом входную дверь. Увидев меня с сумкой в руках, он одобрительно кивнул, чмокнул в щеку жену и сказал.

— Поехали.

Мы с Ритой расцеловались, как подруги и я покинула этот гостеприимный дом.

Когда мы с капитаном вошли в нашу квартиру, то мне показалось, что я не была здесь, по меньшей мере, неделю. Время шло к вечеру, солнце уже заглядывало в окна спальни, обращенной на запад. Сколько нам придется дожидаться приезда Егора? С одной стороны я понимала, что с капитаном мне надежнее и спокойнее, но в то же время очень хотелось побыть одной. Я нашла выход, оставив Крапивина на кухне ужинать, а сама ушла в нашу спальню, сославшись на слабость и головокружение.

Капитан сказал, что я могу спокойно отдыхать, а он найдет, чем себя занять. Взглянув на его чрезмерно пухлую папку, с которой он никогда не расставался, я поняла, что это истинная правда.

Спать я не собиралась, напротив, я собиралась в нарастающей тревоге ждать приезда Егора, но уснула, как только прилегла на прохладный шелк покрывала. Разбудил меня стук в дверь. Я вскочила, как ужаленная, мало что соображая спросонья, но это оказался всего лишь капитан. Он просунул голову в приоткрытую дверь спальни и попросил.

— Вы не могли бы выйти ко мне.

Я встала, кое как провела рукой по волосам, запуталась пальцами в шапочке, которую забыла снять и отправилась на кухню. Крапивин стоял там с виноватым видом.

— Понимаете, Нина Борисовна, мне просто необходимо срочно уехать. Меня вызывают на место преступления.

Я в страхе округлила глаза.

— Нет, это совершенно не касается вашего дела, но я должен быть там через десять минут. Пожалуйста, быстро решите, кого вы можете позвать пока к себе. И не привередничайте, дело серьезное.

Я быстро прикинула в голове несколько вариантов и остановилась на самом оптимальном

— Думаю, что наш сосед Вадим Сомов подойдет. — сказала я.

— Это тот, что нашел вас с пробитой головой? — уточнил капитан.

— Он самый.

— Очень хорошо, зовите его скорее.

Я набрала номер телефона Вадьки и, к радости Крапивина, он оказался дома. Еще бы ведь сегодня воскресенье, а по воскресеньям Вадька до вечера смотрит боевики по видику. Для этого он специально берет в прокате несколько кассет.

— Вадим! — почти торжественно обратился к соседу капитан. — Я доверяю вам Нину Борисовну. Постараюсь вернуться как можно быстрее, а может быть раньше меня вернется ее муж. До этого времени вам придется побыть в их квартире.

Вадька тут же проникся серьезностью момента и даже немного приосанился. При виде такого рвения, Крапивин полностью успокоился на счет меня и умчался вниз по лестнице, не дожидаясь лифта.

Мы с Вадькой остались в коридоре таращиться друг на друга.

— Болит? — указал он на мою голову.

— Есть немного. — ответила я. — Ты вот что, я постою у своей двери, а ты сбегай к себе в квартиру и тащи сюда кассеты, которые заготовил. Здесь посмотришь, а может быть и я с тобой.

— Я мигом. — обрадовался Вадька и убежал.

Наверное, он думал, что придется стоять при моей особе в карауле и дышать через раз. Очень впечатлительный товарищ!

Вадька вернулся с тремя кассетами. Я тщательно заперла за ним дверь и навесила цепочку, которая в нашей квартире, в отличие от квартиры капитана Крапивина, была. С чувством выполненного долга я села в кресло и уставилась на титры, возникающие в правом нижнем углу экрана. Через десять минут просмотра я окончательно утвердилась в своей догадке, что боевик будет про Гонконг и узкоглазые актеры станут без устали орать, пинаться и размахивать руками. Такое зрелище было не для меня и я потихоньку ушла в свою комнату, чтобы почитать книгу, которую оставила на середине текста.

Я прочла две страницы, когда раздался звонок в дверь. Вытянувшись в струну, я напряглась, стараясь понять, не послышалось ли мне. Вадька, в свою очередь, приглушил звук телевизора и я вышла в прихожую, где и столкнулась со своим бдительным стражем.

— Слышала? — шепотом спросил Вадька, кивая на дверь.

— Да. — кивнула я.

— Что будем делать?

— Нужно посмотреть в глазок.

Мы подошли к двери и Вадька приложился к глазку.

— Никого нет. — через минуту сказал он.

Я отодвинула его от двери и сама осмотрела пустую лестничную клетку. Действительно никого не было.

— Странно, да? — спросил Вадька.

— Нужно посмотреть. — не ответила я на его вопрос и взялась за ручку двери.

— Ты что, с ума сошла? — схватил меня Вадька за руку. — Нельзя, вдруг там кто-нибудь стоит. Капитан велел охранять тебя.

— Если я сейчас не посмотрю за дверь, меня хватит удар от страха и неопределенности. — пообещала я соседу. — Объясняйся потом с капитаном.

Зная мой характер, Вадька предпочел не перечить, но сказал, что сам выглянет на площадку. Меня тронула такая самоотверженность одноклассника, тем более, что он никогда не отличался задиристостью или воинственным нравом.

Вадька приоткрыл дверь и окинул взглядом всю площадку. Я осторожно выглядывала из-за его плеча. Никого. Но тут сосед посмотрел себе под ноги и тихонько ойкнул.

— Что там? — заволновалась я.

— Вот. — протянул он мне бумажку, поднятую с пола перед дверью.

Пока я разворачивала записку, Вадька закрыл дверь и снова накинул цепочку. Я в это время читала очередное послание от своего мужа. Прямо почтовый роман какой-то.

«Ниночка, мне необходима твоя помощь. Возьми все деньги, которые есть у нас дома,

положи их в дорожную сумку, с которой я летал в Париж и приезжай к церкви, которая находится у деревни Боголюбово. Помнишь, мы там как-то отдыхали с палатками? Ничего не бойся, сделай все, как я прошу и меня отпустят. Чтобы убедиться, что тебя не обманывают, позвони по номеру...».

Я бессильно опустила руку с бумажкой и чуть не заплакала. Ведь чувствовало сердце, что Егор в беде. Бросив записку на пол, я помчалась к серванту, где в ящике лежала вся наша семейная наличность, как доллары, так и рубли. Схватив конверт, я запихнула туда купюры, даже не пересчитывая. А зачем, ведь Егор пишет, чтобы я взяла все деньги, так какая разница сколько их.

Тем временем Вадим поднял записку и прочитал. Подождав, когда я снова ринусь в коридор, он поймал меня на полпути и повернул к себе лицом.

— Ты что собралась делать?! — строго спросил он меня.

— Как что? — неподдельно изумилась я. — Ты же читал записку.

— С ума сошла? — поинтересовался сосед. — А капитану позвонить не хочешь?

Этот вопрос слегка отрезвил меня. Да, действительно, про капитана-то я совсем забыла.

— Хочу. — с вызовом сказала я и направилась к телефону.

Вадька облегченно вздохнул и встал возле меня, как на посту. Я честно нажимала кнопки, но ни один известный мне телефон не отвечал. Дозвонилась я только в отделение, где дежурный милиционер сказал, что капитан Крапивин выехал на происшествие. Я положила трубку и уставилась на Вадьку.

— Ну, и что прикажешь делать? — спросила я.

— Нинка, дождись капитана. — предостерегающе сказал Вадька.

— Щас! — зашипела я ему прямо в лицо. — У капитана шесть дел кроме нашего, не считая двух «висяков». Впрочем, теперь уже семь. А я должна его ждать?

Вадька испуганно отшатнулся, но мнения своего не изменил.

— Нельзя тебе никуда ехать, не женское это дело. Давай дождемся капитана. И потом, может лучше позвонить по телефону, который дан в записке. Вдруг все это глупый розыгрыш?

— Точно! — вскрикнула я и снова схватила трубку.

Я совершенно не считала записку розыгрышем, но позвонить было нужно. Через три гудка абонент подключился.

— Да? — услышала я.

— Это Нина Ларина. Я хочу поговорить со своим мужем. — как можно независимей сказала я.

В трубке наступила тишина, потом отдаленное бормотание и наконец я услышала голос Егора.

— Нина, Ниночка, ты где?

— Егор, я здесь! Что случилось?! — заорала я что было сил, но услышала только чужой мужской голос.

— Действуй, как написано в записке и все будет тип-топ. — после этих слов раздался сигнал отбоя.

Я положила трубку и повернулась к Вадиму.

— Слыхал? Все будет тип-топ. — сказала я.

— Что это значит? — спросил Вадим.

— Это значит, что мой муж находится в руках бандитов и это не шутка и не

розыгрыш. — с нажимом сказала я.

— Хорошо, я понял. — успокаивающе поднял руки Вадька. — Но еще раз позвонить ты можешь? А потом поедем.

— Поедем? — переспросила я, делая ударение на последнем слого.

— А ты как думала? Меня попросили за тобой присмотреть, значит я еду тоже.

— Ладно, тогда я позвоню в последний раз. — сказала я, отдавая должное Вадькиному самопожертвованию.

Но звонки не принесли никаких результатов. Тогда я, исключительно чтобы успокоить Вадьку, позвонила Крапивину домой. Трубку взяла Рита. Не желая тратить время на объяснения, я коротко сказала.

— Привет, это Нина Ларина. Я нигде не могу найти твоего мужа, а дело срочное. Когда он объявится, скажи, что я поехала к разрушенной церкви у деревни Боголюбово. Все, пока.

Я дала отбой, не дожидаясь встречных вопросов, схватила с полки ключи от квартиры и машины, сунула в сумку, о которой писал Егор, конверт с деньгами и вытолкала нерасторопного Вадьку к лифту. Я от нетерпения постукивала ногой, пока кабина спускалась на первый этаж. Выбежала из лифта, через две ступеньки преодолела последний лестничный пролет, даже не вспомнив, что некоторое время назад лежала на больничной койке и, прямо с крыльца, нажала на кнопку сигнализации, чтобы завести свою машину на расстоянии, не тратя лишнего времени. Я уже сбегала с крыльца в направлении гаража, как неожиданно, прямо на наших с Вадькой глазах, гараж поднялся в воздух, из под него вырвался огромный шар огня и следом раздался оглушительный взрыв, разметавший по двору остатки нашей «ракушки» и куски любимой золотистой «десятки». Вадька мужественно обхватил руками мою многострадальную голову и прижал к своей груди, прикрыв меня от взрыва спиной. Когда все стихло, мы осторожно повернулись и одновременно выдохнули.

— Ни хрена себе!

Только интонация у нас была разная. Вадька сказал это с восхищением, насмотревшись своих дурацких боевиков. Я же с горьким сожалением, так как куски железа, живописно разбросанные по двору, только что были нашей машиной.

В руке я по-прежнему сжимала ненужные уже ключи и внезапно до меня дошло. А ведь эта хитроумная штучка, включающая зажигание на расстоянии, только что спасла нам с Вадькой жизнь.

И тут тишину позднего вечера нарушило хлопанье открываемых окон и форточек и голоса наших соседей.

— Бежим. — дернула я Вадьку за руку и поволокла его за собой вдоль стены дома под балконами.

Цель у меня была. Я бежала к трассе, чтобы поймать машину. Но Вадька неожиданно уперся, а потом и совсем остановился, схватив меня за руку и безумно вращая глазами.

— Ты куда?! — орал он. — Ты не понимаешь, что мы сейчас чудом уцелели?!

— Я туда, куда и собиралась! — заорала я в ответ. — Мои планы не изменились! Это тем, кто на меня покушается, придется снова поломать голову!

— Ты ненормальная! — опять заорал Вадька.

— Да пошел ты! Некогда мне с тобой возиться! — проорала я в ответ, выдернула сумку у опешившего Вадьки и рванула к дороге, размахивая на ходу руками.

Буквально тут же к бордюру подрулила светлая «Волга» и водитель гостеприимно

открыл заднюю дверцу. Я плюхнулась на сиденье, намереваясь закрыть за собой дверь, но тут в салон просунулся Вадька и стал двигать меня вглубь машины. Он сопел и пыхтел, но управился быстро и мы тронулись.

— Куда едем? — бодро поинтересовался средних лет дядечка с большими темными усами.

— Деревня Боголюбово, а там покажу. — сказала я.

— За город, в такое время. — присвистнул водитель.

— Два счетчика. — сказала я.

Он довольно хмыкнул и замолчал. Зато заговорил Вадька.

— Тебе мало ударов по голове? Мало того, что нас только что чуть не разнесло на куски? Зачем так рисковать и лезть в пасть к бандитам?

— Отстань, Бога ради. И так тошно. Неужели ты думаешь, что я могу бездействовать, когда моему мужу угрожает опасность, может быть даже смертельная?

Мы так увлеклись спором, что не заметили, как машина остановилась у обочины. Опомнились только тогда, когда дядечка водитель повернулся всем корпусом и в упор уставился на нас. Мы выжидательно замолчали.

— Вот что, ребята, может вам лучше другую машину найти? А я поехал бы себе спокойно. — сказал он.

Я укоризненно взглянула на Вадьку и, как можно увереннее сказала.

— Да вы не волнуйтесь, вы нас просто довезите и уезжайте. Ждать нас не нужно.

Взгляд мужчины оставался настороженным.

— Три счетчика. — сказала я.

Его взгляд дрогнул.

— Сейчас. — твердо потребовал он.

— Пожалуйста. — небрежно сказала я, вынимая из сумки конверт. — Сколько?

Водитель назвал сумму, на мой взгляд, очень даже скромную, учитывая обстоятельства. Я отсчитала из конверта купюры и протянула их мужчине. Если деньги без счета предназначены для выкупа Егора, то какая разница, сколько я сейчас потрачу.

Водитель дотошно пересчитал купюры и включил зажигание. Машина тронулась, а я сунула Вадьке под нос кулак и велела молчать до самого места. Ехали мы минут сорок и я попросила высадить нас прямо возле указателя с названием деревни. Водитель с радостью это сделал и уехал, врубив сразу третью скорость. Мы огляделись.

На фоне ночного неба четко вырисовывался контур церкви с покосившимся крестом. Я сориентировалась, как могла, вспомнила наше последнее пребывание здесь и нашла широкую тропу, ведущую от дороги к подножию церкви.

— Нам туда. — указала я рукой в темный проулок и двинулась первая.

Вадиму ничего не оставалось, как молча идти за мной. Шуршала листва, иногда попискивали птицы, кто-то убегал в траву, а один раз неожиданно громко всхрапнула корова. Судя по запаху, мы проходили мимо хлева. Меня начал одолевать страх, навеянный темнотой и ночными звуками, но я собрала волю в кулак и продолжала двигаться дальше. Вадим мужественно сопел сзади.

Тропа, как я помнила, вела не к самой церкви, но проходила достаточно близко. К церкви же от нее отходила узкая тропка, которая сейчас и вызывала у меня особое беспокойство. Протоптанная редкими любопытными, желающими осмотреть развалины церкви, она и днем-то была еле видна, что уж говорить о теперешней темноте. Но я была

полна решимости дойти до центрального входа, вернее пролома, не смотря ни на что. Вадим подозрительно молчал. То ли смирился с необходимостью сопровождать меня, куда бы я не пошла, то ли думал про меня всякую фигню.

Под ногами неожиданно заскрипел битый кирпич и я поняла, что вышла как раз туда, куда и было нужно. Я остановилась, а Вадим налетел на меня сзади и тихо чертыхнулся.

— Предупреждать надо. — зашипел он.

— Извини, стоп-сигнал сломался. — прошипела я в ответ. — Ты не помнишь, нам нужно ждать возле входа в церковь или внутри нее?

— Не помню, а ты что записку не взяла?

— Взяла, но темно же. — с досадой сказала я.

— Так давай я тебе подсвечу зажигалкой. — предложил Вадим, и не успела я слова сказать, как он чиркнул возле моего носа кремнем.

Вспыхнул огонек, ослепил меня на секунду и тут же мимо моего уха что-то вжикнуло, ударилось в кирпичную стену и в нас брызнуло крошками кирпича.

— Ложись! — прохрипел Вадька, сграбастал меня и повалил прямо там, где мы стояли.

Я больно ударилась локтем, но мужественно не издала ни звука и тихо лежала, прижатая Вадькой. Прошло минуты три, но вокруг царило абсолютное безмолвие. Я пошевелилась и прошептала.

— Значит, нужно было ждать возле входа.

Вадька мою шутку не принял, приподнялся, прислушиваясь, а потом сел, потирая ушибленную коленку.

— В нас стреляли. — наконец сказал он.

— Да что ты говоришь? А как ты догадался? — саркастически спросила я.

— Все-таки я в армии служил. — продолжал упорно не понимать моих приколов Вадька.

— А такой дисциплины как светомаскировка в тылу врага у вас в армии не было? — вышла я из себя. — Ты же им меня буквально подсветил.

— Извини, не подумал. — потупился Вадька.

Все это мы шипели друг другу, напряженно вслушиваясь в окружающие звуки. Ничего подозрительного мы не услышали, но вставать и проверять как-то не хотелось. С другой стороны и ждать долго было не с руки. Мне в голову пришла замечательная идея. Я придвинулась к Вадьке и зашептала ему на ухо.

— Если в меня начали стрелять без предупреждения, значит хотят просто от меня избавиться. Но в записке написано, чтобы я привезла из дома всю наличность, значит деньги им нужны. Давай разыграем небольшую сценку. Встань на колени, вытяни вверх руку и чиркни зажигалкой. Если последует выстрел, я крикну, как будто в меня попали. Эти уроды придут забрать с моего бездыханного трупа деньги, а мы их тут встретим. Ну, как?

— Нашла дурака! — сказал Вадька. — Я встану, а они меня грохнут.

— Вадька, ты не должен бояться, ты же в армии служил. — попробовала я сыграть на чувствах ефрейтора запаса.

— Нашла дурака! — снова повторил сосед.

— А я тебе гитару верну, прямо завтра. — пошла я на откровенный подкуп.

— Ага, чтобы мне было чем в гробу развлечься. — не поддался Вадька.

— Ах, так! Тогда я сама. — я выдернула из его руки зажигалку и сделала вид, что собираюсь ее зажечь.

— Стой, дура! — метнулся ко мне Вадька и выхватил зажигалку.

— За дуру ответишь. — пообещала я. — Ну?

— Ладно, сейчас. — забурчал Вадька, занимая исходную позицию, то есть, вставая на колени и вытягивая вверх руку с зажигалкой.

Я окинула оценивающим взглядом его позу и осталась довольна.

— На счет три. — сказала я. — Раз, два, три.

Вадька крутанул колесико, пламя вырвалось из его кулака и через две секунды из стены брызнули осколки кирпича.

— А-а-а-а! — выдавила я из себя предсмертный крик, закончив его предсмертным же хрипом и для пущей достоверности, не жалея себя, грохнулась навзничь на битые кирпичи.

Все стихло, а мы с Вадькой затаили дыхание. Лежать было неудобно, но надо. Минуты шли одна за другой и вопрос теперь был в том, кто кого пересидит. Неожиданно совсем близко жутко завыла собака, как на покойника. Видимо этот вой и убедил киллера в меткости своего выстрела. До сих пор не понимаю, почему он не принял во внимание Вадьку. Зашелестела трава, захрустели кирпичи и на фоне ночного неба показалась сначала голова, а потом и плечи человека. Он шел крадучись, но не прятался. Когда человек подошел совсем близко, я неожиданно увидела, как с земли прямо ему в подбородок метнулась Вадькина нога и услышала характерный звук удара, прямо как в боевике. Человек булькнул горлом и свалился на землю, как мешок с картошкой. Послышалась возня и тихий Вадькин голос.

— Помоги, его нужно затащить внутрь.

Я не стала спрашивать, почему мой одноклассник принял такое решение, потому что с этой минуты начала его уважать за то, что он постоянно смотрит боевики и может применить все эти театральные приемчики на практике. Ухватив мужчину за то, что в темноте подвернулось под руку, я помогла Вадьке затащить его в пролом. Спрятавшись за стену и немного отдышавшись, Вадька снова вытащил зажигалку и осветил мужика. В неверном свете маленького огонька я сразу узнала того, кто лежал без сознания на куче всевозможного мусора. Из моего горла вырвался возмущенный крик.

— Тише ты. — одернул меня Вадим. — Узнала что ли?

— Еще бы не узнать, это тот самый «слесарь», который шарахнул меня по голове. — сказала я. — А ну-ка посвети еще разок, мне кое-что показалось.

Вадим снова чиркнул колесиком и я увидела, что у мужика забинтованы оба больших пальца на руках.

— Ну? — спросил Вадим, когда снова стало темно.

— И вдобавок это тот, кто душил меня подушкой в больнице, а еще именно он приходил за мной в квартиру капитана.

— Значит, тот, кто нам нужен. — подвел итог Вадька.

— А где его оружие? — спросила я.

— У меня. — успокоил Вадька. — Ну, будем приводить в чувство? Только сначала руки ему свяжем.

Вадька выдернул у мужика из брюк ремень и ловко связал тому руки, учитывая состояние его больших пальцев. После этого он начал методично шлепать гада по щекам, пока тот не застонал и не замотал головой.

— Подожди какую-нибудь палку, подсвети. — отдал мне зажигалку Вадька.

Я сделала несколько шагов, освещая себе путь и наткнулась на сухую ветку

внушительных размеров. Подтащив ее поближе к мусорной куче, я зажгла тонкие прутки и огонь весело заплясал, пожирая сухое дерево. Судя по всему, киллер был один, как и раньше и появления напарника можно было не опасаться. Правда у меня мелькнула мысль о стервозной Оксане, но я ее отбросила до поры. Я решила, что небольшой костерок нам не помешает и подбросила на ветку разных палок.

«Слесарь» уже пришел в себя и, морщась, потирал ушибленный подбородок о свое плечо. Вадька приподнял его за рубашку и привалил спиной к стене.

— У меня к тебе один, но важный вопрос. — начал он довольно напыщенно. — Ответишь правильно — сохранишь большую часть здоровья.

«Слесарь» смотрел на него исподлобья, а на меня бросал взгляды полные ненависти. Я его прекрасно понимала, уже четыре раза мужик пытался меня прикончить, а я вот она — хворост собираю.

— Где ее муж Егор? — задал свой важный вопрос Вадька.

«Слесарь» молчал, как советский разведчик в гестаповских застенках. Мне стало интересно, что будет делать Вадька, если этот гад совсем откажется говорить? Пытать его начнет что ли? Ответ я получила сразу.

Вадька развернулся и заехал «слесарю» прямо в ухо. Я видела, что тому стало больно, но злости в глазах только прибавилось.

— Где ее муж? — повторил вопрос Вадька.

«Слесарь» молчал, но взгляд его стал несколько затравленный и на меня он уже не косился, потому что пристально следил за Вадькиным кулаком. Вадька не заставил себя ждать и врезал ему с другой руки и по другому уху. «Слесарь» глухо застонал и закрыл глаза. Я решила, что пришло мое время. Где-то я слышала, что если говоришь очень убедительно, то можно обойтись без рукоприкладства.

— Погоди-ка. — остановила я Вадьку, собравшегося в третий раз задать вопрос. — Я сама с ним поговорю.

Вадька удивленно посмотрел на меня, так как в данной ситуации «поговорю» могло означать лишь новый виток мордобоя, но отодвинулся в сторону. Я присела перед «слесарем» на корточки и проникновенно спросила.

— Пальчики бо-бо?

Он дернулся то ли от злости, то ли от неприятных воспоминаний, а я все так же проникновенно продолжила.

— Сила у меня в руках невероятная, ты уже в этом убедился. Если еще не совсем поверил, то смотри.

Когда я собирала хворост для костра, мне на глаза попался большой старинный кованый гвоздь. Видимо вывалился из прогнившей потолочной балки. Я его подобрала и сейчас с его помощью собиралась продемонстрировать силу своих рук. Взявшись за концы гвоздя, я поднатужилась и без видимого напряжения согнула его пополам. Впечатляющее зрелище. Оба мужчины таращились на меня с недоверием и уважением. Для Вадьки мое выступление тоже было вновинку. На самом деле в этом трюке не было ничего сложного, отец научил меня правильно укладывать в руке гвоздь или железку, когда собираешься ее согнуть. Приложил правильно усилие — полдела сделано.

Я театрально отбросила гвоздь себе за спину, он громко звякнул о каменный пол и оба мужчины вздрогнули, каждый вернувшись к своим делам. Я придвинулась поближе к «слесарю», чтобы тому был виднее мой озверевший взгляд и с максимальной угрозой в

голосе спросила.

— Ты представляешь, что будет, если я даже вполонину слабее сожму твои яйца?

Всем известно, как мужики дорожат целостностью своего детородного органа. Именно на этом я и собиралась сыграть. Можно в месиво превратить его рожу, он лишь будет гордиться оставшимися шрамами, но если опасность угрожает тому, что у него между ног...

Мой расчет оказался верным. Взгляд слесаря сделался отчаянным, потом заметался и он выдавил из себя что-то нечленораздельное.

— Что?! Не слышу?! — свирепо переспросила я.

— Здесь недалеко, я покажу. — прохрипел «слесарь» и затих в ожидании.

Я поднялась с корточек и кивнула Вадиму.

— Он твой.

Вадька вздернул «слесаря» вверх за отворот рубашки и приказал.

— Веди!

Тот неуклюже пошлепал к выходу, подергивая связанными за спиной руками, я пошла за ним, а Вадька начал затаптывать костер. Через минуту он нас нагнал и мы двинулись гуськом к окраине деревни. Со стороны вновь донесся жуткий собачий вой, но лично мне уже не было так страшно, ведь скоро я увижу Егора.

Оксана сидела на старом продавленном диване и напряженно прислушивалась к звукам, доносящимся из-за занавески. После того, как шеф уехал, они с Красавчиком остались сторожить Егора, а правильнее сказать, ждать звонка от его жены на «сотовый» Красавчика. Ждать пришлось больше часа. Заняться было нечем, разговаривать не хотелось, тем более Красавчик был занят рассматриванием бинтов на своих пальцах. Оксана, по обыкновению, принялась мечтать. Мечты всегда были одни и те же. Благородный мужчина вырывает ее из бандитского болота, привозит в свой дом и делает ее своей любовницей. Странно, но никогда в своих мечтах Оксана не представляла, что может стать законной женой благородного мужчины. Это было бы слишком хорошо, даже для фантазий. В последнее время в облике мужчины просматривались черты Егора, который сейчас лежал связанный за занавеской.

Ее мысли прервал звонок «сотового». Красавчик встrepенулся, ответил на звонок и пошел за перегородку к Егору. Оксана подошла поближе, но самого Егора не увидела, его закрывал своей спиной Красавчик. Она только услышала, как пленник несколько раз назвал свою жену по имени и поняла, что план шефа сработал. Еще она поняла, что жену Егора через час убьют и прислушалась к своим ощущениям. На душе было мутно и она решила оставить размышления на потом, когда уйдет Красавчик.

Киллер не торопился, потому что от дома, где они находились, до церкви, куда должна была приехать Нина, ходу было минут десять, даже если идти нога за ногу. Оксана начала нервничать. От Красавчика волнами исходила звериная злоба — он морально готовился к убийству. Никогда еще ей не приходилось видеть киллера перед работой. Она замерла на диване и боялась пошевелиться, чтобы не встретаться взглядом с Красавчиком. Наконец он поднялся, достал из-за пояса пистолет, проверил его и убрал в карман своей темно-серой ветровки.

— Я пошел. — буркнул он в ее сторону. — Ты следи за ним, не развязывай, а лучше вообще не подходи. Я приду через полчаса.

В горле у Оксаны пересохло и она смогла лишь утвердительно кивнуть в ответ. Расслабилась она только тогда, когда шаги Красавчика затихли на дорожке, ведущей к воротам. К ней вернулась способность мыслить и первой мыслью, которую она осознала, была уверенность, что после Нины они убьют Егора. Сделают выемку того, что им переслали из Парижа и убьют. Эта мысль привела ее в ужас.

И вот теперь Оксана сидела на диване и прислушивалась к звукам за занавеской. Но прислушиваться было не к чему, потому что оттуда не доносилось ни одного звука. А что, если он умер от слишком большой дозы снотворного. Ведь шеф не медик, мог и ошибиться. Вот так поговорил Егор с женой и умер.

Оксана нервно поднялась с дивана и решительно направилась за перегородку. Отдернув занавеску, она увидела, что Егор лежит в неестественной позе, запрокинув голову и вроде бы не дышит. Ее охватило странное оцепенение, как будто она раньше не видела покойников. Сделав несколько осторожных шагов, она протянула руку и кончиками пальцев дотронулась до щеки Егора.

* * *

Мы шли уже пять минут по задам чьих-то огородов. Слева от нас тянулся длинный

темный овраг из которого тянуло сыростью и прелой листвой. Я опасливо косилась в эту черноту и уговаривала себя, что если там и водятся какие-нибудь звери, то в этот час они спят. Не успела я додумать эту успокаивающую мысль, как «слесарь» дернулся в сторону оврага, упал и покотился в его темную глубину, ломая на пути ветки густого кустарника.

— Ах ты гад!! — услышала я сзади Вадькин вопль и он, почти перепрыгнув через меня, не раздумывая скатился вслед за киллером на дно оврага. Я осталась совсем одна, но за Вадькой не последовала бы даже при условии светлого дня. Снизу до меня доносились звуки возни, редкие вскрики и сопение. Я изо всех сил прислушивалась, чтобы понять, что там происходит, но так ничего и не поняла. Мне показалось, что звуки стали приближаться и действительно через некоторое время на тропинку вывалился «слесарь», подталкиваемый сзади злым Вадькой. По причине темноты я не могла видеть, как они выглядят, но по запаху догадалась, что оба основательно вывозились в какой-то тухлой воде.

Теперь мы изменили порядок следования: первым шел «слесарь», за ним Вадька, а я была замыкающей. Следующие пять минут пути мы проделали в более резвом темпе, так как Вадька постоянно подталкивал в спину молчаливого «слесаря». К нужному дому мы вышли уже со стороны улицы и прошли следом за киллером в открытые настежь ворота.

— Черт! — внезапно остановился наш пленник. — А машина-то где?

— Какая машина? — сурово поинтересовался Вадька, ожидая очередного подвоха.

— Моя. — зло сказал киллер. — Оксанка, сука, сбежала!

— Ты давай веди нас в дом и мозги не полощи. — снова ткнул его в спину Вадька. — И попробуй только голос подать — убью!

— Да нет там никого, в доме. — огрызнулся «слесарь».

— Ага, а свет горит. — ткнул Вадька пальцем в сторону слабо светящегося бокового окна.

— Так там, наверное, только Егор. Говорю же, что Оксанка сбежала на моей машине. — как дуракам вдалбливал незадачливый киллер.

— Нужна нам твоя баба! — взорвался Вадька. — Веди в дом!

Тот послушно потащился в сторону крыльца, бубня проклятия в адрес Оксаны. Войдя вслед за ним в комнату, мы огляделись, но никого не увидели.

— Где Егор? — зловеще спросил Вадька, надвигаясь на мужика.

Тот кивнул в сторону ситцевой занавески и я резко отдернула ее в сторону. Там была абсолютно пустая смятая постель и обрывки каких-то веревок. Я взяла один из них, рассмотрела и вопросительно взглянула на «слесаря».

— У него этим руки были связаны. — неохотно пояснил тот. — Значит, вдвоем сбежали.

Я представила себе, как геройская Оксана спасает моего мужа от верной гибели, заслужив тем самым его искреннюю благодарность и мое сердце сжала неконтролируемая ревность. Но я глубоко вздохнула и спокойно спросила Вадьку.

— Что дальше будем делать?

В это время мой взгляд упал на трубку «сотового», которая лежала на краю обшарпанного деревянного стола. Я подошла, взяла ее и убедилась, что телефон в рабочем состоянии. Я нажала на кнопку, но за долю секунды до того, раздался звонок.

— Ало? — услышала я в трубке властный голос, приглушаемый помехами. — Оксана, передай трубу Красавчику.

— А кто это? — глупо спросила я, исключительно потому, что голос показался мне

смутно знакомым.

В трубке тут же запыкали гудки и я удивленно уставилась на Вадима.

— Что? — спросил он.

— Его хотели услышать, но передумали. — задумчиво сказала я, кивнув в сторону киллера и мучаясь от желания вспомнить, чем мне показался знакомым голос.

— Ну, что ты стоишь? — вывел меня из задумчивости Вадька. — Звони Крапивину.

Я два раза хлопнула глазами, почти как упомянутый капитан Крапивин и начала набирать запомнившийся номер.

— Краивин слушает. — донеслось сквозь треск и шум.

— Алексей Леонидович! — радостно заорала я. — Это Нина Ларина. Вы меня слышите?

— Где вы находитесь, черт вас возьми! — отнюдь не радостно заорал в ответ капитан. — Мы уже тут всю церковь обшарили.

— Какую церковь? — всерьез озадачилась я.

— Как это какую?! — взревел капитан. — В деревне Боголюбово, как вы и сказали Рите.

— О, Господи! — дошло до меня. — Так мы недалеко от вас, минутах в десяти ходьбы, на краю деревни.

— На каком именно краю? — спросил Крапивин.

— Не знаю. — ответила я и повернулась к Вадьке.

— Он спрашивает, где именно мы находимся.

Вадька взял у меня трубку и доходчиво объяснил капитану, как до нас добраться, с упоминаниями сторон света. Вот ведь, юный топограф. «Слесарь» в это время подпирал стену и мерил нас с Вадькой угрюмым взглядом. Только тут я обратила внимание, какие они оба грязные. Вот капитан-то обрадуется, ведь их в машину придется сажать.

Тут как по заказу взвизгнули тормоза, послышались шаги нескольких человек и в избу вошел Крапивин в сопровождении двух автоматчиков в камуфляже. «ОМОНовцы, наверное» — уважительно подумала я.

Капитан окинул нас всех быстрым взглядом и цепко уставился в глаза «слесаря». Ему хватило одной минуты, чтобы понять что к чему. Даже при условии, что руки киллера были связаны за спиной и забинтованных пальцев видно не было.

— Тот самый? — спросил он меня.

Я утвердительно кивнула.

— Этого в машину! — скомандовал он автоматчикам. — Мы скоро придем.

Ребята встали по обе стороны задержанного и брезгливо скривились, глядя на его перемазанную подсыхающей грязью одежду. Вадька поймал их взгляд и попытался спрятаться за мою спину.

— Так, коротко, но понятно расскажите мне, что произошло. Почему вы не выполнили мою просьбу и ушли из дома? — сурово спросил капитан.

Мы почувствовали себя нашкодившими школьниками. Вадька молчал и продолжал прятаться за мою спину, так что я даже заподозрила, что он не испачканной одежды стесняется, а боится гнева капитана. Пришлось отвечать мне.

Я поведала всю нашу историю, стараясь превознести Вадькину храбрость и сообразительность, но капитан слушал меня молча, с угрюмым выражением лица и когда я жалобно закончила словами: «А Егора здесь не оказалось», протянул руку и потребовал.

— Записку дайте.

Я подала ему листок. Он внимательно прочитал и спросил.

— Что в сумке?

Я недоуменно проследила за взглядом капитана и увидела, что дорожная сумка Егора уже находится у меня в руках. Когда успела?

— Деньги. — ответила я.

Капитан кивнул и снова спросил.

— Где оружие?

Вадька аккуратно, за ствол, достал из кармана запачканных штанов пистолет и протянул Крапивину. Тот раскрыл свою папку, вынул полиэтиленовый пакет и положил туда улику. Затем встал и кивком приказал идти за ним. Когда мы проходили через сени, я предусмотрительно сдернула с сундука старый тканый коврик.

Мы подошли к полицейской «Волге», капитан указал нам на заднее сиденье, а сам сел впереди. Я открыла заднюю дверь и свет из салона упал на Вадьку. Водитель оглянулся и ошарашенно уставился на моего спутника, не веря, что в его чистенькую машину сейчас влезет это «чмо болотное». Я демонстративно постелила коврик на всю дальнюю часть сиденья и подтолкнула туда Вадьку. Водитель отвернулся, но во время всего пути нервно поглядывал на нас в зеркало заднего вида. Не менее грязного киллера увезли на «УАЗе», в отделении для задержанных.

* * *

Оксане показалось сначала, что щека Егора холодная и она в страхе отдернула руку. Но в это время Егор нервно всхлипнул и поменял позу. «Слава Богу, живой» — подумала она.

Нужно было бежать — это Оксана поняла очень даже отчетливо. Бежать и спасти этого человека. Его жены наверняка уже нет в живых. Оксана поможет ему и он будет ей за это благодарен. Ничего, со смертью жены он свыкнется, а тут рядом она — Оксана. Красивая, заботливая, любящая.

Ее снова уносило в мечты, но женщина вовремя остановилась. Скоро явится Красавчик. Оксана для начала попробовала разбудить Егора, но у нее ничего не получилось. Тот мотал головой, пытался открыть глаза, но они снова непроизвольно закрывались. Он, наверное, даже не видел, кто перед ним. А самое досадное, что Егор все время бормотал.

— Нина, Ниночка, где ты?

Оксана оставила тщетные попытки. Где-то она видела нож. Он нашелся в литровой банке вместе с вилками и ложками на кухонном столе. Оксана разрешила веревки на руках Егора и попыталась усадить его на кровати. С третьего раза ей это удалось. Егор сидел и качался, как пьяный. Оксана несколько раз чувствительно хлопнула его по щекам и тот наконец открыл глаза. Взгляд был мутным, но на Оксане все-таки сфокусировался. Егор нахмурился, разглядывая ее лицо и спросил.

— Что происходит?

— Пошли, нам нужно ехать. — сказала Оксана, подхватывая его под руку.

Егор машинально встал и шатаясь из стороны в сторону пошел к двери, поддерживаемый Оксаной. По пути к машине он два раза намеревался упасть, но она ему не позволила. С трудом затолкав ослабевшего Егора на заднее сиденье, женщина кинулась к воротам, распахнула их, затем вернулась к машине, села за руль и поехала в сторону, противоположную той, где находилась церковь. Сначала ее била нервная дрожь, но мало по малу Оксана начала успокаиваться и, когда машина въехала в город, женщина была уже в прекрасном настроении.

Она сама делает свою судьбу. Не будет больше оскорблений, унижений и бандитских

рожь. Не будет больше надменного шефа, который сначала тащит в койку, а потом устраивает унижительный разбор полетов, осыпая ее такими эпитетами, как будто это не она только что доставила ему сексуальное удовольствие. Все, конец всему этому беспределу! Она свободна!

Единственное, что омрачало ее радужное настроение, так это потребность решить, куда им с Егором сейчас податься. Но эту проблему можно было отложить до утра. Оксана въехала в незнакомый двор, припарковала машину рядом с другими, оставленными под открытым небом, автомобилями, откинула сиденье, повозилась, устраиваясь поудобнее и тут же уснула, даже не успев по обыкновению помечтать.

* * *

Крапивин привез нас с Вадькой прямо к нашему подъезду. Было видно, что капитан зол и совершенно не расположен к разговорам. А мне так хотелось спросить, что предпринимается для поисков моего Егора. Но я не рискнула. Капитан проводил нас до моей квартиры, вошел вместе с нами, осмотрел все комнаты и велел сидеть дома. При этом он многозначительно посмотрел на меня и сказал.

— Даже, если вам принесут десять записок от мужа. Кстати, мне нужен образец его почерка.

— Так у вас же... — я показала рукой на карман его кителя, куда он сунул записку Егора.

— Что-нибудь другое.

Я пошла в комнату и принесла открытку с видом Эйфелевой башни, которую Егор умудрился прислать мне за две недели отсутствия. Капитан удовлетворенно кивнул и ушел, даже не попрощавшись. Видимо мы здорово провинились.

Я взглянула на себя в зеркало. Ну и видок — вязаная шапочка из белой превратилась в серую, правда, благодаря ей пластырь на голове выглядел свежим. Одежда кое-где тоже была испачкана грязью, видимо об меня обтерся Вадька. Руки были грязные, под ногтями чернота. Срочно в душ! Я направилась в сторону ванной комнаты, абсолютно забыв о присутствии Вадьки в моей квартире.

— А мне куда? — жалобно спросил он, сливаясь по колеру с бежевыми обоями в нашей прихожей.

— Вторым будешь, но в комнату неходи. — бросила я на ходу, скрываясь за дверь.

Через пятнадцать минут я освободила ванную для Вадьки. Для его грязной одежды приготовила пакет, а взамен дала спортивный костюм Егора. Шмотки свои пусть сам стирает, хоть я ему и благодарна за все.

За окном было уже светло и я подошла взглянуть на то место, где совсем недавно стояла наша «ракушка», а в ней любимая «десятка». Дворник постарался — весь двор был тщательно выметен и о нашей собственности напоминал лишь прямоугольник, отпечатавшийся на асфальте. Соседняя «ракушка» была немного побита осколками, но в целом выглядела нормально. Я помнила, что взрыв весь был направлен вверх, то есть меня хотели отправить сразу на небеса. Я загрустила, уперевшись лбом в прохладное стекло. Мужа нет, гаража нет, машины нет — осталось только потерять собственную жизнь и нашей семье не будет существовать. А мы даже ребенка не родили.

Я впервые всерьез задумалась над этим вопросом. Это не значит, что до сегодняшнего дня мы с Егором не обсуждали тему продолжения рода. Иногда, увидев на улице особо симпатичного карапуза, мы долго умилялись и представляли, как будут выглядеть наши

собственные дети. Но дальше этого разговоры не распространялись, потому что Егор был очень занят, а меня еще не сильно доставал материнский инстинкт. Правда моя мама несколько раз уже заводила разговор на тему внуков, но как-то мимоходом и не серьезно.

Сейчас же я остро ощутила потребность прижать к груди крошечное, сладко чмокающее существо, которое будет похоже и на меня и на Егора одновременно. Сердце мое сжалось и я уже вполне была готова заплакать, но тут за моей спиной раздался мелодичный перебор гитарных струн. С меня сразу же слетела меланхолия и я резко обернулась. В кресле сидел чистый Вадька в спортивном костюме моего мужа и держал в руках гитару. Я возмущенно нахмурилась, но тут же вспомнила, что во время наших ночных приключений пообещала вернуть гитару, если мой одноклассник проявит чудеса храбрости. Что ж, обещала, значит нужно выполнять.

Я прислушалась и удивленно уставилась на Вадьку. Мелодия, которую извлекали его пальцы, не имела ничего общего с теми дикими звуками, что мы слышали через стенку.

— Вадик? — удивленно-вопросительно сказала я.

— А, это я баловался, когда было веселое настроение. — сразу понял он мое недоумение. — Когда же я в меланхолии, играю что-то вроде этого.

Его пальцы быстрее задвигались, переборы сменяли один другого и мелодия получалась очень красивая. Я села на диван, подперла руками свою многострадальную головушку и вся превратилась в слух. Когда Вадька взял последний аккорд, я непроизвольно вздохнула.

— Да, удивил. Ведь умеешь же. — сказала я.

— Ну, положим, не один я сегодня удивляю. — отставил он гитару. — Как ты с гвоздем-то ловко обошлась, а?

— Ну, не козырять же девушке силой своих рук. — смущенно сказала я.

— Слышал я в десятом классе, что ты Ваську Пырьева ухватила пальцами за нос и он после этого месяц ходил вот с такой сизой сливой вместо носа. — не отставал Вадька, показав руками, какой стал у Пырьева нос.

Я помнила этот случай. Васька, проходя мимо меня, легонько огладил рукой мою попку. Я же была ужасная недотрога и без всякого предупреждения защемила Васькин нос большим и указательным пальцем. Ну, не рассчитала, сдавила слишком сильно. Хорошо, что в носу нет костей, а то перелом был бы обеспечен.

— Нечего было руки распускать. — прокомментировала я давнюю историю.

Но Вадька не собирался отставать и вынудил рассказать о моих неординарных способностях. Мы еще немного поговорили на эту тему и заскучали. Утро уже было в разгаре, капитан Крапивин не подавал признаков жизни, а мне все сильнее хотелось узнать хоть что-нибудь о поисках моего мужа. Я понимала, что с этим вопросом соваться к капитану бесполезно, отмахнется или ответит общими фразами. Вот, если бы у нас была для него какая-нибудь информация, тогда другое дело. Баш на баш.

Я задумалась. Киллера мы ему сдали, оружие тоже, про Оксану он все знает. И тут меня осенило — телефонный звонок! Кто требовал у меня позвать Красавчика? (Кстати, очень подходящая кличка для «слесаря»). Чей голос показался мне смутно знакомым через помехи на линии? Вот и причина, чтобы позвонить Крапивину. Я ему расскажу, а анализирует пусть сам.

Я резко поднялась, чем вспугнула задремавшего в кресле Вадьку.

— Ты куда? — приподнялся он.

— Спи ты, я капитану позвоню.

Вадька снова упал в кресло, а я набрала номер. Трубку взял сам Крапивин.

— Алексей Леонидович, это Нина Ларина. — заискивающе сказала я.

— Слушаю. — неожиданно миролюбивым тоном ответил он.

— Я тут вспомнила одну вещь. Когда я собралась ночью звонить вам по их сотовому, сначала был звонок от какого-то мужчины. Он спрашивал Красавчика, да властно так. Были сильные помехи, но мне показался знакомым его голос. Правда я так и не поняла, чем он мне так знаком. — упредила я вопрос капитана.

— Да, понимаю. Красавчика уже предварительно допросили и выяснилось, что в этой истории существует организатор.

— И кто он? — возбужденно спросила я.

— В том-то и дело. Красавчик описал его внешность, но ни имени, ни фамилии, ни адреса, ни места работы он не знает. Называли его просто шефом. Думаю, что властным голосом мог звонить только он. Раз голос вам показался знакомым, то стоит взглянуть и на фоторобот. Привезу с собой, когда приеду.

Мне показалось, что Крапивин сейчас даст отбой и я крикнула.

— Алексей Леонидович! Подождите!

— Господи, что ж вы так кричите-то? — удивился он.

Из комнаты высунул физиономию Вадька. Я раздраженно махнула на него рукой и он скрылся.

— Я хотела узнать что-нибудь о муже. — более спокойно сказала я.

— К сожалению, пока ничего конкретного, но его активно ищут. Приду, расскажу все, что станет известно.

Крапивин положил трубку, а я с тяжким вздохом вернулась в комнату.

* * *

Оксана открыла глаза и тут же встретила с удивленным взглядом Егора. Он сидел на заднем сиденье, а спинка ее кресла была откинута, поэтому их взгляды так легко встретились.

— Давно проснулся? — спросила Оксана, приводя спинку в нормальное положение и поворачиваясь к Егору.

— Давненько. — хмуро сказал он. — Что все это значит?

Егор обвел широким жестом салон машины. Оксана поправила прическу, оттягивая время неизбежных объяснений, но Егор не являл чудеса терпения.

— Я бы давно ушел, но ты заблокировала двери и спрятала ключи. — вопросительно взглянул он на нее.

Действительно, Оксана сделала все это перед тем, как заснуть. Она подозревала, что Егор не будет покорно сидеть в чужой машине и приняла меры предосторожности. Теперь нужно было убедить его в том, что она спасительница, а не преступница.

— Тебе нельзя уходить, потому что твоя жизнь в опасности. Один раз я спасла тебя от смерти, не уверена, что смогу это сделать еще раз, потому что с этого момента мне тоже грозит серьезная опасность.

— Ты о чем? — недовольно спросил Егор.

— Неужели ты ничего не помнишь? — вопросом на вопрос ответила Оксана.

— А что я должен помнить?

Какая досада, если Егор не помнит прошедшую ночь, то и чувства опасности он не испытывает. Значит Оксана должна его запугать, сломить и подчинить своей воле. Эти

мысли вызвали в душе непривычное томление. До сих пор запугивали, ломали и подчиняли именно ее. Теперь же она собиралась сделать это с человеком, на которого имела большие виды. Цель оправдывает средства и Оксана пошла сразу с козырной карты.

— Твоя жена мертва. — жестко сказала она, глядя прямо в глаза Егору.

Его зрачки расширились, ноздри нервно дрогнули, а пальцы вцепились в спинку переднего сиденья. Отлично, подумала Оксана, видя все признаки надвигающейся паники.

— Что ты сказала? — зловеще переспросил Егор, наклоняясь к ней.

— То, что ты слышал. — более мягко ответила Оксана, на всякий случай слегка отодвигаясь к лобовому стеклу. — Мне очень жаль, но Красавчик ее застрелил. По приказу шефа.

— Что за чушь? Какой Красавчик, какой шеф? — Егор и не собирался впадать в панику, но здорово злился.

— Правильно, ты же ничего не знаешь. — деланно спохватилась Оксана.

Следующие десять минут она в красках описывала Егору последние события, драматизируя их там, где речь шла о шефе и Красавчике и идеализируя свою роль в этом деле. По ее словам выходило, что она еще в самолете действовала по принуждению и дальше старалась помочь Егору и его жене, но шеф очень коварный человек и ей приходилось быть осторожной.

Егор внимательно слушал ее эмоциональный рассказ и все больше хмурился. Молодой женщине казалось, что ее план работает, но Оксана не рассчитала реакцию Егора, потому что в силу своей малой образованности и соответствующего образа жизни даже не представляла какой цепкий ум и глубокий анализ фактов присущ изобретателям. А Егор был именно изобретателем. Отбросив всю словесную шелуху и проанализировав поведение Оксаны, он понял, что его водят за нос, но с какой целью пока было не ясно. Его здорово зацепили слова о смерти жены, но сердце не подтверждало эту информацию. Егор же привык верить своему сердцу во всем, что касалось его Нины. И он пришел к единственно верному решению в сложившейся ситуации. Нужно подыграть этой девице, ослабить ее бдительность и найти выход из положения. Проще было бы, конечно, дать ей по башке и идти домой, но девица была замешана в серьезных делах и упускать ее было нельзя. Она запросто могла знать где сейчас находится его жена, но скрывать это из каких-то своих, непонятных Егору, побуждений.

Оксана наблюдала за Егором и ловила малейшие изменения в его настроении. Ее рассказ он выслушал не шелохнувшись, потом опустил голову и надолго задумался. Что сейчас твориться в его душе? Поверил он ей или нет? Эти вопросы постоянно вертелись в голове и вызывали неприятные ощущения. Наконец Егор поднял голову, взгляд его был серьезным и грустным. Он внимательно посмотрел Оксане в глаза и тихо сказал.

— Спасибо тебе за все. Без твоей помощи мне было бы очень плохо.

Сердце ее радостно затрепетало. Получилось, сработало! Она потупила взгляд, чтобы Егор не увидел радостных искорок в ее глазах и тут же услышала еще более желанные слова.

— Я прошу тебя, не оставляй меня одного. Я должен найти Красавчика и шефа. Понимаю, что в полицию обращаться пока нельзя, так как вместе с ними могут арестовать и тебя, поэтому давай отыщем их самостоятельно. Если Нины действительно нет в живых, то я сам должен отомстить им за смерть жены.

Ну, уж нет, такой поворот событий не устраивал Оксану. Она понимала, что если Егору каким-то образом удастся встретиться с кем-нибудь из упомянутых бандитов, то живым они

его не отпустят. Плакали тогда ее мечты о спокойной жизни. С другой стороны, благородный Егор просто не может остаться безучастным к гибели своей жены. Значит нужно водить его за нос.

— Хорошо, я сделаю все для того, чтобы отыскать этих подонков. — с надрывом сказала Оксана. — Только у нас проблема.

— Какая?

— Нам некуда сейчас ехать. Квартиру мне снимал шеф, а Красавчик был там не раз, поэтому соваться туда опасно, нас могут поджидать.

— Но нам именно они и нужны. — удивился Егор.

— Вот именно. — быстро нашла Оксана. — А поджидать нас могут вовсе не они. Шеф никогда не действует самостоятельно, он всегда посылает кого-нибудь из своих подручных. Мы дверь не успеем открыть, как нам уже продырявят головы.

— Ладно, я все понял, тогда мы поедem ко мне домой. — твердо сказал Егор

Оксанины мысли лихорадочно заметались. Можно ли сейчас ехать к Егору? Не будет ли это ошибкой? Про квартиру, которую для нее снимал шеф она, конечно, наврала. Квартира существовала, но Оксана в ней не жила ни одного дня. Шеф привозил ее туда, когда ему хотелось любовных утех или нужен был серьезный разговор в спокойной обстановке без посторонних ушей. Сама же Оксана жила в снятой на собственные деньги комнатухе в старой коммунальной квартире с полубезумной старухой в соседней комнате. Туда ехать было нельзя как раз потому, что шеф, не зная что же произошло на самом деле, мог поджидать Оксану именно в ее жилище.

В смерти жены Егора она не сомневалась ни капельки. Сама видела с каким настроem уходил на дело Красавчик. Он, конечно, лопух и прокальвается иногда, но в этот раз невыполнение задания могло стоить ему не только денег, но и жизни. Оксана видела, как смотрел на Красавчика шеф, давая ему задание убрать Нину Ларину окончательно и бесповоротно. Ну, и в конце концов, что же он будет за киллер, если не сможет справиться с испуганной женщиной, пришедшей ночью к церкви, чтобы спасти от смерти своего мужа?

— Хорошо, едем к тебе. — согласилась она после раздумий, устроилась поудобней и завела двигатель.

* * *

«Кто это взял трубку?» — растерянно подумал шеф. Голос показался ему знакомым, правда, сказано-то было всего три слова, но это явно была не Оксана. У той глубокий грудной голос, а в трубке прозвучал тонкий. Прошло уже достаточно времени после сообщения Красавчика, что Нина клюнула на приманку и он идет к ней на встречу. Пора бы уже и доложить о выполнении, поэтому шеф и решился сам позвонить. Видимо, снова что-то пошло не так. Слишком частыми стали проколы у Красавчика или это Нина, как заговоренная, избегает раз от раза смерти?

Шеф вызвал в памяти образ Нины. Ничего особенного, худышка с большими глазами. Правда характер в ней просматривался сразу. Он терпеть не мог женщин с таким характером. Настоящая женщина в его понимании должна была быть функционально полезной. Хорошо готовить, содержать дом в чистоте, уметь одеваться со вкусом и молчать, пока ее о чем-нибудь не спросят. А если спросили, то отвечать односложно, заменяя лишнюю болтовню улыбкой. А уж умной женщина вообще не имеет права быть. По крайней мере та, на которую он обратит свое внимание. Вот, например, его жена. Полностью соответствует вышеперечисленным требованиям. В меру бестолковая, в меру

привлекательная, не лезет к нему с дурацкими вопросами типа: «Где ты был?» или «Откуда деньги?». Берет денежки со спокойной совестью и не тратит их на какие-нибудь глупости. То что в постели с ней не испытываешь никакого удовольствия, так это поправимо. Для этого есть такие как Оксана, у которых все на месте и даже в избытке.

Шефу всегда нравились крупные женщины. С одной стороны они были ему физически приятны, а с другой стороны он получал моральное удовлетворение, подчиняя себе и унижая такие крупные экземпляры самок.

Шеф тряхнул головой и снова посмотрел на трубку сотового телефона в своей руке. Что-то пошло не так и нужно срочно во всем разобраться. Он убрал телефон в карман и решительно тронул с места свою красавицу машину. На сердце потеплело, но тревога мешала получать удовольствие от езды.

* * *

В дверь позвонили долго и настойчиво. Я стремительно вышла с кухни, где пыталась приготовить хоть какой-нибудь завтрак и столкнулась с Вадькой, который ошалело таращил глаза на входную дверь. Мы вопросительно уставились друг на друга. Ночные приключения не прошли даром и вид у нас был как у двух параноиков, одновременно застигнутых приступом.

— Крапивин? — тихо спросил меня Вадька.

— Нет, я только что говорила с ним по телефону. — ответила я.

— Кто тогда? — снова спросил он.

— А вдруг это Егор? — осенило меня и я бросилась к двери.

Вадька не успел мне помешать и через секунду мы увидели в дверном проеме мужчину, который испуганно переводил взгляд с меня на моего соседа. То, что это был не Егор я поняла сразу, а вот то, что передо мной стоит приятель моего мужа Никита Пасюк, до меня дошло только через какое-то время.

— Нина, что у тебя с головой? — выдавил из себя мужчина, продолжая оставаться в недоумении.

— Боже мой, Никита, это ты? — прищурилась я в неверном свете подъездной лампочки. Куда ты так вырядился?

Никита оглядел себя и сказал.

— А, это. Мы с Ириной идем в гости к родственникам, вот я и прибарахлился.

— Входи. — сказала я, отступая в сторону и делая приглашающий жест рукой.

Никита вошел, не переставая поглядывать на Вадима. Мое удивление росло, по мере того, как я разглядывала одежду нашего приятеля. Никогда он не носил таких дорогих вещей, все время поддевал Егора, если тот покупал красивую рубашку или галстук. Может быть Никита тоже получил премию в связи с продажей прибора за границу?

— Знакомься, это мой бывший одноклассник и нынешний сосед Вадим. — вспомнила я о приличиях. — А это Никита, сослуживец Егора.

Мужчины кивнули друг другу, но руки не подал никто. Никита повернулся ко мне.

— Егор дома? Я зашел узнать, как они съездили. Ты мою записку видела? И что все же у тебя с головой?

Вместо ответа я спросила.

— Ирина что, осталась в такси?

— Нет, она еще дома. Мы не сейчас едем в гости.

— Тогда пройди. У меня есть, что тебе рассказать.

Никита молча прошел в гостиную и сел в кресло. Вадим занял свое место, а я устроилась на диване. Мой рассказ длился не больше пятнадцати минут. Никита ахал, хмурился, сжимал кулаки, а когда я дошла в своем повествовании до сцены в церкви, так и вовсе разволновался.

— Какая сволочь! Расстрелять его мало! — горячился Никита, имея в виду Красавчика.

— Это не исключено, потому что его уже взяли и сейчас он дает показания в отделении милиции. — сказала я.

— Да? — прекратил поток ругательств Никита. — Что-нибудь уже известно? Где Егор?

— Знаю только, что Егор и Оксана уехали на машине Красавчика, а больше ничего. — грустно сказала я.

— Это слишком мало. — задумчиво сказал Никита.

— Не просто мало, а, можно сказать совсем ничего. — вздохнула я. — Ой, забыла, ведь составили фоторобот организатора всего этого безобразия. Красавчик постарался.

— А вот это уже кое-что. Ты видела портрет? — серьезно спросил Никита, поднимаясь с кресла и засовывая руки в карманы элегантного пиджака.

— Нет. Капитан Крапивин обещал скоро привезти его сюда, чтобы показать мне. А ты что уже уходишь? — спросила я, глядя на Никиту снизу вверх.

Ответить он не успел, так как в дверь снова позвонили. Напряглись все, даже Никита. Я и раньше знала, что он трусоват, поэтому не удивилась, а бросилась в прихожую. Открывая замок, я успела заметить, что Никита скрылся за дверью ванной комнаты. Неужели настолько испугался, что...

В дверях стоял капитан Крапивин и приветливо улыбался. От ночной суровости и неприступности не осталось и следа.

— Что, Егор нашелся? — с надеждой спросила я.

Капитан несколько притушил улыбку, отрицательно помотал головой и прошел мимо меня прямо в комнату. Я последовала за ним. Пожав руку Вадьке, капитан сел в кресло и положил на журнальный столик свою пухлую папку. Я присела на диван и вопросительно уставилась на него.

— Нет, Егора пока не нашли. — счел нужным объясниться капитан, а я недовольно пробурчала.

— Чего же вы тогда так улыбались?

— Ну, извините. — обиженно сказал капитан. — Просто радовался, что вы дома и живы-здоровы. Согласитесь, после того, что вы вдвоем отмочили ночью, это веская причина для радости. Кстати, моя Маргарита велела обязательно привезти вас к ней на перевязку.

— Что, и меня тоже? — мгновенно загрустил Вадим.

Как, наверное, ему надоело изображать из себя моего телохранителя. И вообще Вадьке завтра уже на работу.

— Нет. — к нашей общей радости сказал Крапивин. — Вы можете быть свободны. У меня дома Нина Борисовна будет в безопасности.

Вадька облегченно выдохнул, а мне, вопреки логике, стало обидно. Радует, паразит, что избавился от меня.

Капитан тем временем достал из папки два листа бумаги с черно-белым изображением мужского лица и дал их мне и Вадьке. Ерунда какая-то, тут и родную маму узнать не сможешь. Я присмотрелась повнимательней и меня обдало горячей волной. Сквозь лишние карандашные штрихи и маленькие неточности на меня с бумажки глянул Никита Пасюк. Я

помотала головой, зажмурилась и снова посмотрела на портрет. Он, никакого сомнения! Мои дергания не ускользнули от внимания капитана, он напрягся, наклонился в мою сторону и спросил.

— Что? Узнали?

Вместо меня ответил Вадька.

— А чего узнавать-то. Он только что сидел на вашем месте, а сейчас в туалете закрылся.

Крапивин ошалело посмотрел на Вадика, хлопнул два раза ресницами и уставился на меня. Я оглянулась на дверь и прошептала.

— Это Никита Пасюк. Он пришел минут двадцать назад, про Егора расспрашивал.

Капитан, несмотря на моргание ресницами, сразу понял о ком идет речь.

— Это его записку я нашел в двери?

— Да. — снова прошептала я.

Крапивин изогнулся, не вставая с кресла, откуда-то из-за спины достал пистолет, снял его с предохранителя, грациозно поднялся и двинулся в сторону коридора, бросив нам на ходу.

— Сидеть и не двигаться.

Это было лишним, по крайней мере для меня, так как я все равно не смогла бы встать. Мысль о том, что коварным шефом, раздающим приказы об убийстве моего мужа и меня оказался Никита Пасюк, буквально пригвоздила меня к месту. Конечно, я и раньше знала, что семейка Пасюков не подарок. Завистливые, жадные, недалекие (по крайней мере Ирина), но чтобы такое! Да я Никите самолично разрисую ногтями всю его постную физиономию! Слизняк, неудачник! Неудивительно, что я не узнала его по телефону. Он в жизни слова не сказал властным голосом, все время заискивает или ноет.

Тут мои мысли прервал окрик капитана, донесшийся до нас из коридора.

— Пасюк, выходите! Руки на голову! Спротивляться не советую!

Мы с Вадькой напряглись, как две гончие и не сговариваясь подбежали к двери, чтобы выглянуть в коридор. Капитан увидел наши, торчащие из дверного проема, головы и свирепо зыркнул своими глазищами. Потом, видя, что мы на это не реагируем, махнул пистолетом, приказывая удалиться. На Вадьку с некоторых пор вид пистолета действует угнетающе, поэтому он тут же скрылся в комнате, а я осталась стоять с приоткрытым ртом.

Капитан, думая, что я тоже выполнила его немой приказ, снова принялся за свое.

— Пасюк, еще раз предупреждаю...

Договорить он не успел, потому что я громко позвала его по имени.

— Алексей Леонидович!

Капитан повернулся на голос и чуть не задохнулся от возмущения. Его лицо пошло багровыми пятнами, губы зашевелились и, я думаю, если бы с него не требовали отчета за каждый истраченный патрон, то один он сейчас с удовольствием всадил бы мне прямо в лоб.

Но я не испугалась, потому что смотрела вовсе не на капитана, а на входную дверь своей квартиры. Я точно помнила, что закрыла ее на замок, после того, как впустила Крапивина. Сейчас же дверь была неплотно прикрыта и слегка покачивалась от легкого сквозняка.

— Что вы здесь делаете? — наконец прохрипел капитан, справившись с собой.

— Я думаю, что Пасюка в ванной уже нет. — ответила я и кивнула на входную дверь.

Капитан, не опуская пистолета и постоянно оглядываясь на дверь ванной приблизился ко мне.

— Что? — раздраженно спросил он, снова оглянувшись на ванную комнату.

— Дверь. Я ее закрывала, а теперь она открыта. — сказала я и тоже посмотрела туда, куда оглядывался капитан. — Кстати, та дверь тоже не заперта. Видите щель? Если закрыться изнутри, то щель исчезает. Удрал Пасюк, сволочь!

Капитан быстрыми крадущимися шагами подошел к ванной, встал у стены сбоку и осторожно открыл дверь. Свет внутри не был включен. Я с интересом наблюдала за действиями Крапивина. Он снова махнул на меня пистолетом, приказывая уйти. Пожалуйста, все равно ничего интересного не предвидится. Я вернулась в комнату и сказала испуганному Вадьке.

— Расслабься, солдат, Пасюк сбежал. — и опустилась в пустующее кресло.

— Так, значит? — спросил Вадька. — А капитан где?

— Ванную обыскивает. — устало ответила я.

В это время Крапивин появился в комнате.

— Действительно сбежал. — констатировал он. — Ничего, далеко не уйдет. Главное, мы знаем, кто он такой. Быстро за мной, я отвезу вас к жене.

Под действием энергичного приказа я заметалась по прихожей, пытаюсь сообразить, что мне может понадобиться в чужой квартире. На полу все еще стояла неразобранная сумка, с которой я уже один раз переселялась к Крапивинным. Схватив ее, я вытолкала на площадку зазевавшегося Вадьку, махнула ему рукой и ринулась в лифт, следом за капитаном.

— Черт бы побрал этого Красавчика! Идиот! Киллер, мать его! Да ему только кошек молотком по башке убивать и то при условии, что кто-то их будет держать! — ругался Никита, выводя со двора дома Лариных свою новенькую машину.

Пасюк не предполагал, что Красавчик так быстро расколется и даже составит его фоторобот. Мозгляк чертов! Не давала покоя еще одна мысль — где сейчас Оксана и Егор? Не имея никакой информации трудно было планировать дальнейшие действия. Наличие фоторобота еще не означало, что его опознают. Сколько таких портретов милиция показывает по телевизору, сколько похожих людей задерживают, ориентируясь на фоторобот, а толку-то? Процент узнавания очень низок, даже близок к нулю. Машину его никто из сослуживцев и знакомых никогда не видел. Если бы Красавчик наболтал, то мент уже обратил бы внимание на нее, машина стояла прямо возле подъезда. Нужно слегка взлохматить волосы, небрежно расстегнуть ворот рубашки и никто его не узнает.

Никита, одной рукой держа руль, проделал над собой все, о чем сейчас подумал и заметно успокоился. Домой ехать пока нельзя, на работу, естественно, тоже, на квартиру опасно. Что ж, остается гостиница. Вот он и пригодится, фальшивый паспорт. Не зря, значит, его хозяева настоятельно рекомендовали ему обзавестись таким паспортом. На всякий случай. Вот этот случай и настал. Пару дней можно отсидеться, а если волна не уляжется, то со спокойной душой — в Париж. Виза открыта, счет во французском банке радует количеством нулей, короче, никаких препятствий к дальнейшей обеспеченной жизни он не видел.

На своих хозяев он поработал неплохо. Благодаря именно ему они первыми узнали о разработках, которые велись его коллегами, в частности Егором Лариным. Даже, если бы руководство их фирмы не приняло решения продать прибор Ларина за границу, у его хозяев уже было достаточно информации об уникальном изобретении. Все благодаря ему, Никите Пасюку. Жаль, конечно, что сорвалась последняя операция. Все складывалось так удачно. Егор вез подробные инструкции для Никиты и в дальнейшем, с помощью Оксаны, должен был исполнять функции курьера, сам того не подозревая. Красивая операция, жаль не удалось забрать эти самые инструкции. Ну, ничего, он все свалит на лошадь Оксану и придурка Красавчика. Не впервой въезжать в рай на чужом горбу.

Строя планы, Никита ни разу не вспомнил про жену Ирину. Отработанный материал, если хватит ума, то сумеет устроиться в этой жизни. Ну, а если нет... плевать он хотел на нее. Мысли Никиты лихорадочно метались, глаза горели, губы шептали что-то неразборчивое. Если бы его сейчас увидел врач-психотерапевт, то у него не возникло бы никаких сомнений, что человек находится в пограничном состоянии. Любая стрессовая ситуация только усугубит положение и психика Никиты будет страдать все больше и больше. Сам же Никита чувствовал себя прекрасно и даже радовался возможности доказать своим шефам из-за границы, что именно он делал все правильно, а в провале виноваты другие.

Показалось здание одной из самых дорогих гостиниц города. Запарковав машину подальше от любопытных взглядов, Никита направился в холл. Через минуту он положил на стойку администратора паспорт на имя Николая Анатольевича Пастина, уроженца совсем другого города.

А капитан Крапивин тем временем усердно разыскивал Никиту Антоновича Пасюка

тревожа его коллег, соседей и жену, глуповатую самоуверенную Ирину Пасюк и рассылал, куда только можно фоторобот.

* * *

Оксана, изображая спокойствие, уверенно остановила машину прямо возле подъезда Егора. Разблокировав двери, она вышла из автомобиля и потянулась. Застоявшиеся за время сна и сидения за рулем мышцы сладко заныли, чем-то напоминая любовное томление и она обратила на Егора многозначительный взгляд. Но, увы, взгляд пропал впустую. Егор стоял с идиотским выражением лица и пялился куда-то в угол двора.

— Ты что? — спросила Оксана, обходя его и заглядывая в глаза.

— Где она? — ошалело спросил Егор, протягивая вперед руку.

— Кто она? — непонимающе пожала плечами Оксана, проследив за направлением руки.

— Наша «ракушка»? — выдавил из себя Егор.

«О, черт!» — вспомнила Оксана.

Ведь шеф говорил ей, что под днище машины Лариных он прицепил бомбу, но машина почему-то взорвалась в закрытой «ракушке» в спокойном состоянии. Если Егор, как большинство мужчин, помешан на своей машине, то он сейчас примется горевать о ней больше, чем о погибшей жене. А может быть оно и к лучшему? Нужно только использовать новую ситуацию с наибольшей выгодой для себя.

— Пойдем, я тебе все сейчас расскажу. — потянула она Егора в сторону подъезда, а в голове уже лихорадочно выстраивалась свеженькая версия случившегося.

Они вошли в подошедший лифт, двери закрылись и Оксана начала вдохновенно врать.

— Понимаешь, это все шеф. Он лично заминировал твою машину, а мне велел спрятаться за угол дома и ждать, когда твоя жена взлетит на воздух вместе с автомобилем, чтобы потом доложить ему. Я уже тогда знала, что не допущу ее смерти ни в коем случае, но обстоятельства сложились так, что я еле успела спасти твою жену. Отвлеклась-то всего на несколько секунд, но Нина за это время успела открыть «ракушку» и сесть за руль. Я побежала почти через весь двор и молча выдернула ее из машины. К сожалению, она уже включила зажигание. У нас было всего несколько секунд, чтобы отбежать подальше, мы упали и раздался взрыв. Вот, меня даже немного ранило осколком.

Оксана выставила вперед локоть, на котором очень кстати красовалась царапина со следами запекшейся крови. Это она поранилась, когда запихивала сонного и безвольного Егора в машину Красавчика.

Держа руку навесу, Оксана подумала, а не переборщила ли она с подробностями? История здорово смахивала на сюжет из мультфильма про поросенка Фунтика. «Хозяйка, пули свистели над нашей головой» — ныли два незадачливых головореза, чтобы выклянчить повышенный гонорар. Но она опасалась зря, Егор скушал историю не моргнув глазом.

А Егор, тем временем, поражался лживости и изворотливости бандитской подружки. Она же не знала, что их машина заводится дистанционно и, что Нина никогда не заводила ее ключом зажигания.

Лифт остановился и они очутились на площадке последнего этажа перед квартирой Егора. Сердце его тоскливо заныло от предчувствия, что Нины, скорее всего, дома не окажется. Достав ключ, Егор открыл дверь и пропустил вперед Оксану. Войдя сам, он тщательно запер замок, памятуя, что Оксана в этой истории отнюдь не главное действующее лицо и ему есть кого опасаться.

Для порядка обойдя квартиру и заглянув во все подсобные помещения, Егор убедился в правильности своих предчувствий. Плохо было и то, что по обстановке он не мог определить, когда Нина последний раз была в квартире. В груди снова противно завожилась тоска и захотелось придавить Оксану к спинке кресла, в которое она уселась без разрешения, и заставить ее говорить правду, только правду и ничего кроме правды.

Оксана же, не чувствуя враждебных волн, исходящих от Егора, с любопытством оглядывала жилище, где, возможно, она скоро поселится в качестве хозяйки. Комната ей понравилась — уютно, чисто и современно. Посуда в серванте строго-неброская и никакого хрусталя, только настоящее стекло. От хрусталя ее начало воротить с тех пор, как она стала обслуживать стареющих клиентов у них на дому. Как правило, дорогая итальянская мебель была под завязку забита дешевым советским хрусталем с плохо промытым точеным узором.

Оксана слегка попрыгала на упругом сидении кресла и с удовольствием провела рукой по гладкой обивке. Ковер на полу тоже был красивый и, кажется, чисто шерстяной. Оксана нагнулась, чтобы потрогать пушистый ворс и тут заметила под журнальным столиком лист бумаги, который, наверное, залетел туда под воздействием сквозняка. Дотянувшись до листа, она распрямилась и взглянула на черно-белое изображение какого-то мужчины. Несколько секунд она не понимала, кто изображен на рисунке, а потом догадка пришла вместе с вопросом Егора, появившегося в дверях комнаты.

— Что это у тебя? — спросил он и стремительно выхватил у Оксаны листок.

В отличие от женщин, Егор узнал Никиту Пасюка в первую же секунду и очень удивился. Кому в его доме могло прийти в голову рисовать портрет Никиты, да еще таким странным способом? Он недоуменно повертел листок и вопросительно взглянул на Оксану, хотя она-то как раз об этом ничего знать не могла. Но поймав ее ошалелый взгляд, направленный на рисунок в его руке, Егор тут же подобрался, положил листок перед ней на журнальный столик и тихо спросил.

— Ты его знаешь?

Егор видел, как мучительно Оксана ищет выход из создавшейся ситуации и терял терпение.

— Ну?! Только не врать! — поторопил он ее.

— Это он. — наконец выдавила из себя молодая женщина.

— Кто он?! — нетерпеливо спросил Егор.

— Шеф. — сказала Оксана.

— Шеф? — искренне изумился Егор, но тут же взял себя в руки.

Ничего удивительного, следовало ожидать, что преступник находится в ближайшем окружении их семьи. Удивительно то, что Никита — тихий нытик и тайный завистник, оказался не кем-нибудь, а шефом, то есть руководителем преступной группы. За все время знакомства с Пасюком Егор от него не слышал ни одного уверенного высказывания, не то что толкового приказа. Как ни странно, но на душе стало значительно легче. От сознания, что из Никиты никудышный руководитель, прибавилось уверенности в том, что Нина вернется живой и здоровой. От размышлений Егора отвлекла Оксана, о существовании которой он уже успел забыть.

— Ты что, знаешь его? — робко спросила она.

— Знаю, даже очень хорошо. — ответил Егор и пошел в прихожую к телефону.

Оксана нервно сцепила пальцы и мысли в ее голове лихорадочно зашевелились. Она пыталась сообразить, как отразится на выполнении ее плана тот факт, что Егор знает шефа.

Из прихожей донесся голос Егора.

— Ира? Здравствуй. Да, это я. Позови Никиту. — после некоторого молчания и непродолжительного угуканья Егор сказал. — Понятно, ладно, извини.

Оксана услышала звук трубки, опускаемой на аппарат и в комнате появился Егор.

— Ну что? — спросила Оксана, по большей части для того, чтобы не молчать.

— Судя по всему, скрылся твой шеф. К Ирке уже из полиции приходили, сказали, что на работе он тоже не появлялся.

— Что же нам делать? — жалобно спросила Оксана которой было абсолютно наплевать, кто такая Ирка, к которой уже приходили из органов.

— Не знаю. — задумчиво протянул Егор.

Он сел в кресло, поставил руку на подлокотник, уперся в нее подбородком и крепко задумался. Оксане тоже было над чем подумать, поэтому в квартире на некоторое время установилась абсолютная тишина, оттеняемая еле слышным постукиванием часов на стене.

В сложившейся ситуации Оксана почему-то почти расхотела строить свое будущее на семейных неприятностях Егора. В кончине его жены она уже не была столь уверена. Не сразу, но до нее все-таки дошло, что пресловутое изображение шефа является ни чем иным, как фотороботом. Уж криминальных новостей различного рода она по телевизору насмотрелась вдоволь. А составить фоторобот могли только со слов Красавчика, значит он арестован. Хотя, если жива Нина, то и она могла помочь нарисовать шефа. Нет, ерунда какая-то! Зачем Нине составлять фоторобот, если она сразу могла сказать кто это такой и где его искать? Значит все-таки Красавчик. Если он заговорил, то все ее вранье Егору пошло насмарку. Тут уж не о счастливом будущем думать надо, а о том, как оправдаться, когда подлый Красавчик станет валить на шефа и на нее все грехи, которые только смогут выдумать менты.

Егор же размышлял над тем, где сейчас может быть его жена. В груди закипал праведный гнев, направленный против подлого сослуживца. Неожиданно на глаза Егору попала его дорожная сумка, с которой он летал во Францию. Она стояла возле шкафа и была вся вымазана в грязи. Егор поднялся, намереваясь осмотреть свою вещь, но был остановлен звуком короткого звонка. Как будто человек резко отдернул палец от кнопки. Егор направился в прихожую. Оксана пошла за ним, обмирая от страха. За дверью мог оказаться кто угодно, но появление любого из действующих лиц происходящей драмы было для Оксаны нежелательным.

Егор резко распахнул дверь и в тот же миг Оксана увидела, как в его челюсть врезалась чья-то нога в черном ботинке. Кто нанес удар ей было не видно. Егор крикнул, отлетел к противоположной стене и тихо сполз по ней, слегка завалившись на бок. Оксана набрала в легкие побольше воздуха и завизжала, что было сил.

* * *

Крапивин, полный боевого задора, не сам повез меня к себе домой, а поручил это сделать одному из оперативников. Мы быстро доехали до знакомой многоэтажки, лейтенант проводил меня до двери квартиры, сдал с рук на руки жене капитана и умчался вниз через две ступеньки, не дожидаясь ушедшего лифта.

— Ну, привет. — улыбаясь сказала Рита и мы обнялись, как давно не видевшие друг друга подружки. — Проходи.

Я уже привычно поставила в прихожей сумку и двинулась в сторону гостиной.

— Нет, нет! — окликнула меня Рита. — Ты хоть в зеркало на себя смотрела?

— Да, но не помню, когда это было. — честно ответила я.

— Вот именно. Марш в ванную! Сначала смой грязь, потом я тебя перевяжу. — скомандовала Рита, а я с удовольствием подчинилась. Не такая уж я была и грязная, но мой усталый вид наводил на мысль о неухоженности. Быстро ополоснувшись под душем и облачившись в махровый халат, который прихватила из дома, я отдала себя в руки эскулапки.

Голова чесалась ужасно, пластырь мешал и был противно-липким. Я испытала блаженство, когда Рита, снова усадив меня на табуретку в ванной комнате, осторожно отлепила его.

— Ну что, состояние раны удовлетворительное. Опухоль почти сошла. — приговаривала хозяйка, обрабатывая края раны перекисью водорода.

— Не будешь пластырь лепить? — спросила я с надеждой.

— Буду, но совсем маленький. — успокоила она меня. — Но шапочку все равно придется надеть.

— Знаю, я ее уже постирала. — со вздохом сказала я.

— Ну, вот и все. — возвестила через некоторое время Рита.

Из ванной мы направились напрямиком на кухню.

— Тебе чай или полноценно поешь? — спросила меня Рита, разглядывая синие круги под моими глазами.

Я тут же вспомнила, что позавтракать нам с Вадькой так и не удалось, сглотнула опасное количество слюны, скопившееся во рту и робко попросила полноценный обед.

— Ох уж этот Крапивин. — сетовала Рита, накрывая на стол. — Сам никогда нормально не питается и всех, кто рядом, голодом готов уморить. Где хоть он сейчас?

— Разве он тебе не позвонил, когда меня сюда отправлял? — удивилась я.

— Нет. — сказала Рита.

— Ты меня так приняла, я думала он тебе сообщил.

— Как же я тебя «так» приняла? — подбоченилась хозяйка.

— Ну, как хорошую знакомую. — неуверенно сказала я.

— Слушай, хватит ерунду говорить, лучше расскажи что за это время произошло. — одернула меня Рита и поставила передо мной тарелку желтого от масла картофельного пюре с толстой сарделькой.

Я почувствовала, что сейчас упаду от нахлынувшего головокружения и быстро запихала в рот внушительную порцию картошки.

— Блокадный Ленинград какой-то. — покачала головой Рита и придвинула мне чашку с компотом. — Запивай, а то подавишься.

Некоторое время я ела молча, а Рита молча смотрела на меня. Утолив первый голод, я немного расслабилась и снова обрела способность к членораздельному повествованию. Рита внимательно выслушала продолжение истории и надолго задумалась.

— Да, девушка, очень все сумбурно и запутанно. Но ты не переживай, найдет Крапивин твоего Егора.

— Ты знаешь, я сердцем чувствую, что с Егором все в порядке. — сказала я.

— Вот видишь? — тут же бодро отреагировала Рита.

— Я имею в виду его здоровье. — уточнила я. — Меня теперь больше беспокоит то, что рядом с ним эта корова Оксана. Ты же ее видела.

— Так, минуточку. Я забыла у тебя спросить, твой муж что, клинический идиот?

— Нет. — растерянно сказала я.

— От этой Оксаны за версту несет расчётливой похотливой самкой, неужели Егор этого не увидит?

— Увидит, конечно, но...

— Э, так дело не пойдёт. Это не у него проблемы, а у тебя. Ты что, ревнивая?

— Вроде нет, но иногда так скрутит, хоть кричи. — призналась я.

— Сочувствую. Но беспочвенная ревность иногда ставит человека в такую идиотскую ситуацию, что не приведи Бог. — хохотнула Рита.

— Что ты имеешь в виду? — насторожилась я.

— Подруга мне как-то рассказала свою историю. Правда, ревнивцем там выступал её муж, но тоже поучительно. Подруга тогда была на седьмом месяце беременности, как я сейчас, только чувствовала себя гораздо хуже, чем я. Муж у неё работал в то время водителем, возил какое-то начальство. Выдалась ему командировка на двое суток, а жена оставалась дома одна. Мужик-то был не ревнивый, но в командировке наглядился, как его начальник с замужней женщиной развлекался в отсутствие её мужа. Знал ведь, что его жена совершенно не такая, но мыслишка в голове засела.

Возвращается он немного раньше, чем жене обещал. Звонит в дверь, никто не открывает, он снова звонит. Подумал уже, что жены вообще дома нет, но тут из-за двери слышится: «Кто там!». Он ей: «Это я!». Жена открывает дверь и к мужу на шею. Целуются, обнимаются, а она после этого берет с пола полное мусорное ведро и ему в руки. Мол, вынеси. Муж выходит за дверь, она за ним эту дверь закрывает и тут его, как нечистый в бок толкнул. Остановился он и вспоминает. Дверь жена открыла не сразу, под халатом на ней была ночная рубашка, это среди белого дня. Ну, а уж когда глянул на мусорное ведро в своей руке, ему совсем плохо стало. Услала мусор выносить, чтобы любовника потихоньку выпроводить! И что ты думаешь он делает? Кидает ведро на пол, бросается колотить в дверь, а когда жена в испуге её открывает, он начинает носиться по квартире, заглядывать во все мыслимые и немыслимые места, где, по его предположению, может прятаться любовник и при этом мычит что-то нечленораздельное. Когда до жены дошло в чём он её подозревает, она молча собралась и к маме. Муж ещё час не мог успокоиться, все под кровати, да под столы заглядывал, а когда псих прошёл, потащился к теще, обиженную жену забирать. Она его конечно простила, но не сразу. Да и он не сразу понял, что беременной женщине при плохом самочувствии нужно время, чтобы встать с кровати и накинуть халат. Что мусора за двое суток накопилось много, а жена на улицу не выходила, вот и отправила его сразу же вонючее ведро выносить. Знаешь ведь как беременные на запахи реагируют.

Вот и пришлось мужику по всей площадке разбросанный мусор собирать, да неделю потом посуду мыть, чтобы у оскорбленной жены прощения вымолить.

Рита засмеялась и я вместе с ней. Представила, как ищу по всей квартире несуществующую любовницу Егора. От этой нехитрой истории на душе полегчало. Я допила компот, поблагодарила хозяйку и направилась в туалет. Рита осталась мыть посуду.

Не знаю, почему я не слышала, как в дверь звонили? А может и не звонили вовсе? Вышла я из туалета, как ни в чём не бывало, прошла в гостиную и застала там потрясающую воображение сцену. На диване сидела бледная Рита, а в кресле расположился настороженный, с лихорадочным блеском в глазах, но самодовольный Пасюк. Я же на него взглянула лишь мельком, потому что мое внимание привлек предмет, лежащий перед ним на журнальном столике. Это был аккуратный небольшой пистолет красивого серебристого цвета.

— Присаживайся, Ниночка. — криво ухмыльнулся Пасюк, указывая на второе кресло.

Я посмотрела ему прямо в глаза, подошла и демонстративно села рядом с Ритой. Пасюк проводил меня тяжелым взглядом, но от комментариев воздержался. Несколько минут мы сидели молча, а потом Никита заговорил.

— Такое у меня сейчас положение, девушки, что я вынужден вас взять в заложницы. Да, да, именно в заложницы. — повторил он, увидя мой недоуменный взгляд.

— Сдается мне, что ты, Никита, полный дурак. — как можно спокойней сказала я. — Красавчик тебя уже давно сдал, твоим портретом сейчас вся городская полиция любит, а ты вздумал заложников брать. Беги сдавайся, нечего дурью маяться.

Рита кинула на меня испуганный взгляд и снова потупилась. Наверное, решила, что я от страха тронулась умом. Но я знала, что делала. Таких завистливых трусов, как Пасюк надолго не хватает. Даже если он решительно настроился на что-то серьезное, его можно было попробовать сбить с намеченного пути. Пасюка я не боялась, я боялась его пистолета, но он пока спокойно лежал на столешнице и поэтому стоило рискнуть.

— Я тебе больше скажу. — неожиданно спокойно ответил мне Никита. — Полиции известно и имя в моем фальшивом паспорте. Сам виноват, не нужно было регистрировать свою новую машину на настоящую фамилию. Служащий в отеле оказался уж больно наблюдательным, заметил из какой машины я выходил, а когда ориентировка пришла, он меня и сдал. Паскуда! Но я оказался проворней и вот — вы у меня в заложниках. Здорово все получилось. Я когда еще в твоей квартире прятался в туалете, услышал, что капитан тебя к себе домой отправляет.

Под конец монолога речь Никиты стала торопливой и закончил он ее неожиданным хихиканьем.

Я сидела, смотрела на Пасюка и думала, что же ему от нас нужно и почему он себя так странно ведет? Ворвался в квартиру капитана полиции с пистолетом, взял в заложницы его жену и при этом радуется, как удачно все для него складывается. Можно подумать, что Никита тронулся умом. Что он потребует от полиции, прикрываясь нами и как они смогут ему дать то, что он потребует? Все-таки мы на последнем этаже многоэтажного дома. Не вертолет же он попросит. Пасюк как будто прочел мои мысли.

— Никуда менты не денутся. Подгонят мне автомобильчик к подъезду, мы с вами туда сядем и двинем в аэропорт. Рейс до Парижа французской авиакомпании. На борту самолета я уже буду находиться на их территории и российским ментам до меня не добраться.

— А мы? — произвольно спросила Рита и снова испуганно опустила глаза.

— А вас я... — Пасюк намеренно затянул паузу, чтобы поиграть на наших нервах. — ... отпущу возле трапа. Зачем вы мне сдались? Француженки хоть и страшенькие, но с шармом у них действительно все в порядке. С моими деньгами я таких козочек себе в Париже подберу.

— А Ирка как же? — ехидно спросила я.

— А Ирку вам оставлю. Такой стерве здесь самое место. — зло сказал Пасюк.

— Гад ты. — спокойно сказала я.

Никита посмотрел на меня долгим взглядом, а я заметила, что нижнее правое веко у него подергивается.

— Ладно, хватит болтать, диктуй номер телефона своего мужа. — это он уже Рите.

— Зачем? — неожиданно спросила она.

— Требования выставить буду. — издевательски ответил тот. — Ну, долго ждать?!

Рита продиктовала номер, который я тоже знала наизусть. Никита достал сотовый и через некоторое время заговорил безликим голосом.

— Слушай, капитан, и не перебивай. Твоя беременная жена и ее подружка Ларина сейчас у меня на мушке. От тебя требуется подогнать к твоему подъезду машину, на которой я попаду в аэропорт. У меня рейс через два часа. Баб отпущу возле трапа самолета. Мне всего лишь нужно спокойно улететь в Париж. Понял? Ну, так выполняй, капитан. — Пасюк дал отбой и ухмыльнулся. — Понятливый у тебя муженек.

«А вот это вряд ли» — опасливо подумала я.

Крапивин со своим телячьим морганием был далеко не прост и поломать самонадеянные планы Пасюка мог запросто. Вопрос был в том, что будет с нами, когда начнут пыряться Пасюк и капитан?

Телефон зазвонил через десять минут после того, как Никита объявил свои требования. Звонили на домашний номер. Рита взяла трубку и тут же протянула ее Пасюку.

— У подъезда? Вот и хорошо. — похвалил кого-то Пасюк. — Я позвоню.

Оглядев нас, притихших на диване, хитрым взглядом, он сказал.

— Что ж, барышни, пошли посмотрим, как выполняет свои обещания капитан Крапивин.

Мы с Ритой поднялись и направились впереди Пасюка на лоджию, которая была мне уже хорошо знакома. Пасюк велел нам встать в сторонке, а сам выглянул на улицу. Я в это время с вожделением посмотрела на заветный люк в потолке лоджии. Как было бы хорошо оказаться там. Запереться и никакой Пасюк с пистолетом не достанет. Но мечтам не суждено было сбыться.

— Ага. — довольно сказал Никита и кивком головы велел нам снова вернуться в комнату.

Затем он достал сотовый и, когда ему ответили, скомандовал.

— Возле лифта не должно быть никого, возле подъезда тоже. За руль автомобиля сядешь сам, капитан.

Он дал отбой и кивнул нам.

— Пошли, только без фокусов.

В его руке серебром сверкнул пистолет.

«Какие могут быть фокусы?» — подумала я и неожиданно для всех кинулась на Никиту и схватила его двумя руками за руку, держащую оружие.

Еще секунда и я вырвала бы пистолет, но Никита быстро сориентировался и двинул локтем свободной руки мне по голове, целясь как раз в то место, где белел свеженький пластырь. Руки у меня, конечно, небывало сильные, а вот голова на поверку оказалась моим слабым местом. Сознание я не потеряла, но волю к победе он из меня все-таки вышиб. Я слабо пискнула и упала к ногам Никиты.

Рита кинулась ко мне, загородила собой Пасюка и быстро заговорила, делая вид, что помогает мне подняться.

— Не делай больше ничего подобного. Он явно сошел с ума, если, конечно, не был раньше таким.

— Не был. — буркнула я, делая вид, что с трудом поднимаюсь с пола.

Никита, тем временем, потрясал в воздухе пистолетом и орал на нас противным, срывающимся на визг, голосом.

— Дрянь! Сволочь! Я тебя прямо здесь сейчас прикончу! Еще раз дернешься и вам

обеим крышка!

Я взглянула на Пасюка и поразилась тому, как он изменился за последние сутки. В углах рта скопилась белая слюна, его всего трясло, а глаза были как у настоящего сумасшедшего. Наверное, Рита права и Никита действительно тронулся умом.

Видя, что мы покорно стоим перед ним, опустив руки, Пасюк стал понемногу успокаиваться. Через некоторое время дыхание его восстановилось, глаза перестали быть такими безумными, а я дала себе слово, что больше не буду провоцировать преступника на неконтролируемые действия с его стороны.

* * *

Отвизжав, на сколько хватило дыхания, Оксана осторожно приоткрыла глаза. Перед ней стоял светловолосый молодой мужчина, несколько простоватого вида и зажимал свои уши ладонями. Увидев, что Оксана перестала кричать, он убрал руки и заторможенно спросил.

— Ты кто?

— Оксана. — честно ответила она. — А ты кто?

— Я сосед.

— Его? — ткнула Оксана пальцем в сторону завалившегося Егора.

Мужчина повернулся, слегка наклонился, всматриваясь в лицо лежащего и тихо присвистнул.

— Ни фига себе, это же Егор!

— А ты в кого целился? — зло спросила Оксана.

— Да уж точно не в него! — зыркнул на нее сосед. — Принеси мокрое полотенце.

Оксана перешагнула через ноги Егора, занимающие половину прихожей и отправилась в ванную комнату. Через минуту мужчина уже прикладывал к лицу хозяина полотенце, смоченное холодной водой.

— Егор! Очнись! — приговаривал сосед. — Ну, очнись же.

Холодная примочка сделала свое дело и Егор слабо зашевелился. С трудом приняв вертикальное сидячее положение, он взглянул на мужчину снизу вверх и спросил.

— Что это было?

Сосед моментально покраснел, потупился и пустился в пространные объяснения.

— Я, понимаешь, решил, что в квартиру забрались преступники. Сначала попробовал посмотреть через лоджию, но мало что увидел. Вот и решил, что нужно их, то есть вас, ну... сам понимаешь, обезвредить. Вот и врезал тебе пяткой в челюсть.

Егор потрогал упомянутую челюсть, поморщился и сказал, подавая руку бдительному соседу.

— Помоги подняться, голова, как чугунок с картошкой.

Сосед засуетился, проигнорировал протянутую руку, подхватил Егора под мышки и практически силком притащил в кресло.

— Да угомонись ты, сломаешь мне сейчас что-нибудь. — прикрикнул на соседа хозяин.

— Егор, ты не обиделся? — виновато спросил мужчина.

Оксана чуть не прыснула от смеха в кулачок, так это было трогательно и смешно. Мужчины наконец заметили ее присутствие.

— Это наш сосед Вадим. — махнул рукой Егор. — А это...

— Я знаю кто это. — неожиданно жестко сказал Вадим. — Она бандитам помогала, мне Нина ее описала подробно и имя совпадает.

— Где Нина?! — Егора словно пружиной подбросило из кресла.

— У Крапивина дома. — испуганно отшатнулся Вадик.

— Кто такой Крапивин?

— Капитан Крапивин, он расследует всю эту карусель с тобой и с Ниной.

— Она жива? — сглотнув ком, глупо спросил Егор.

— Жива, только голова слегка пробита, ее дружки постарались. — кивнул он в сторону Оксаны.

— Адрес капитана знаешь? — засуетился Егор.

— Нет, но знаю номер его сотового.

— Запиши. — скомандовал Егор.

Пока Вадик записывал номер, Оксана размышляла о том, что Егор для нее окончательно потерян в силу объективных причин, а вот на Вадика стоит обратить внимание. Эх, ей бы его хотя бы на часок, она бы смогла убедить преданного соседа, что совершенно не желала зла семье Лариных, а наоборот спасала им всем жизнь. Словно угадав ее желание, Егор очередной раз скомандовал Вадьке, поговорив о чем-то с капитаном Крапивиним.

— Сидишь здесь, ждешь нас с Ниной! С Оксаны глаз не спускай, очень уж красиво врет.

— А ты куда? — жалобно спросил Вадим и покосился на Оксану.

«Не бойся, милый, я не кусаюсь. Посидим, поговорим, а потом посмотрим, подходишь ты мне или нет» — думала молодая женщина, смущая Вадима откровенно оценивающим взглядом.

Егор, не удостоив соседа ответом, вышел в коридор, где тут же хлопнула входная дверь.

* * *

Никита велел мне открыть дверь и осмотреть площадку. Риту он в это время держал за руку, приставив ей пистолет к круглому животу. Мало обращая внимания на хмурые взгляды, которые я на него бросала, Никита кивнул мне на кнопку лифта. Я нажала и створки услужливо разошлись. Капитан Крапивин четко выполнял инструкции новоявленного террориста.

Мне показалось, что вниз мы ехали целую вечность. Пасюк не выпускал руку Риты и я поняла, что на данном этапе я наименее ценный член экипажа. Это меня сильно обеспокоило. Мерзавец понимал, что капитану Крапивину важнее спасти беременную жену, чем постороннюю женщину. Как бы не оказаться настолько лишней, что меня было бы не жалко и пристрелить. А что будет с Ритой, когда она поймет, какие надежды возлагает на нее негодяй Пасюк?

Лифт остановился на первом этаже, двери разъехались в стороны, но выходить мы не торопились. Никите была хорошо видна вся площадка перед лифтом. Он окинул ее настороженным взглядом, кивнул мне на выход и за мной следом вышел из лифта, не выпуская Ритиной руки. Дальше перед нами был лестничный пролет. Я оглянулась на Никиту и он снова молча показал мне направление.

Где же наши доблестные правоохранители? Долго нам еще шагать под дулом пистолета? Я замедлила шаг у двери подъезда, Пасюк грубо толкнул меня вперед, я мысленно призвала на его голову все кары небесные и вышла на крыльцо. Никита натужно дышал мне в затылок, я спиной чувствовала, как его взгляд перебегает от небольшой кучки людей, сдерживаемой двумя полицейскими, к одиноко стоящей белой «Волге», за рулем которой сидел напряженный капитан Крапивин.

Я получила очередной тычок в спину и поняла это, как просьбу двигаться к машине.

— Стой! — скомандовал Пасюк, когда я оказалась рядом с автомобилем. — Открой

заднюю дверь.

Чтобы выполнить команду я немного повернулась и увидела белое Ритино лицо. Открывая дверцу, я постаралась ободряюще посмотреть на нее, хотя у самой предательски дрожали поджилки. Наступал момент, когда Пасюк может все переиграть. Сейчас развитие ситуации зависело от того, насколько крепкие у него нервы. Хотя, о чем я говорю? Он уже продемонстрировал нам свое бешенство несколько минут назад.

Не зря я опасалась, потому что Никита действительно переиграл свое первоначальное решение.

Я стояла, держась рукой за заднюю дверь, Никита грубо толкнул Риту вглубь машины, от чего она вскрикнула, а Крапивин не выдержал и сквозь зубы процедил.

— Ты, поосторожней!

— Леша. — жалобно пискнула Рита.

Капитан начал разворачиваться всем корпусом, но Пасюк, влезший следом за Ритой на заднее сиденье, угрожающе рыкнул.

— Сидеть!

Крапивин покосился на пистолет в руке Никиты и отвернулся. Пасюк взглянул на меня снизу вверх и сказал, гаденько ухмыляясь.

— Катись отсюда и радуйся, что жива. — потом скомандовал капитану. — Трогай в аэропорт.

Последнее, что я увидела, это глаза Риты, полные отчаяния. Но с ней был муж и он просто обязан спасти свою жену. Ну и что, что пистолет? Пистолетов что ли Крапивин не видел? Придумает что-нибудь.

Так уговаривала я себя, стоящую посреди двора и провожающую взглядом удаляющуюся машину. Не знаю, сколько бы я еще так простояла, если бы не услышала чуть хрипловатый знакомый голос.

— Нина!

Я резко обернулась и увидела, что от кучки людей отделился человек и бежит ко мне. Сердце бешено встрепенулось, как подраненная птица и я кинулась вперед, забыв на мгновение обо всем на свете.

— Егор!

Мы обнялись так крепко и стояли обнявшись так долго, что на щеке у мужа отпечаталась моя сережка в виде ромбика. Отвлек нас тот самый лейтенант, который сопровождал меня до квартиры Крапивинных.

— Извините. — вежливо обратился он. — Все в порядке?

— Да, спасибо. — сказала я. — Это мой муж.

— Я знаю. — улыбнулся лейтенант. — Тогда всего хорошего!

Он козырнул нам и повернулся, чтобы уйти. Я стремительно тронула его за рукав форменного кителя.

— Подождите! Пасюк совсем спятил и плохо контролирует свои действия. — выразительно показала я взглядом в сторону, куда уехала машина.

— Не волнуйтесь, у нас всё схвачено. — снова козырнул лейтенант и ушел.

Я крепко ухватила Егора под руку, провела ладонью по его небритой щеке и спросила.

— Живой?

— Да, а ты? — поцеловал меня в макушку муж.

— Живее всех живых. — усмехнулась я.

В такси мы сели вместе на заднее сиденье, Егор обнял меня и всю дорогу непроизвольно стискивал мое плечо. Я же вдыхала его запах и не уставала благодарить Бога за заботу о нашей семье. А еще я пообещала Господу одну вещь и попросила помощи в ее осуществлении.

Выгрузившись у нашего подъезда, мы поднялись на крыльцо и тут Егор остановился, как вкопанный.

— Ой, Нинуль, я забыл тебе сказать. У нас дома Вадька охраняет ту самую Оксану, которая приставала к нам в аэропорту.

— Что?!! — моему удивлению не было предела. — Как это понимать?

— Понимай так, что я ее арестовал до прихода капитана Крапивина. Он в курсе. Пошли.

Егор потащил меня к лифту и через две минуты мы уже звонили в свою квартиру. Открыл нам Вадька и засуетился в прихожей, поздравляя нас с благополучным возвращением домой. Я молча отодвинула соседа и прошла прямо в комнату. Мужчины дружно двинулись за мной, предвидя мое, мягко говоря, недовольство присутствием подлой интриганки в нашей с Егором квартире.

Оксана сидела в кресле, закинув свою длиннющую ногу за ногу, листала мой журнал «Космополитен», а перед ней стояла чашка — то ли с чаем, то ли с кофе. Мне, в принципе, было все равно, хоть с «Тройным» одеколоном. Увидев меня, эта нахалка встала, положила журнал и со словами: «Здравствуй, Нина», протянула мне ладошку лодочкой.

Мои глаза кровожадно сверкнули, я потянулась к ее руке, но Егор меня опередил. Он перехватил мою руку, поцеловал ладонь, чтобы сгладить резкость жеста и укоризненно посмотрел на Оксану.

— Совсем сдурела что ли, память короткая? Мало тебе в аэропорту было?

Оксана на мгновение застыла с вытянутой рукой, потом резко прижала ее к груди и в ее глазах полыхнул отголосок той недавней боли.

— То-то. — нравоучительно сказала я. — А то руку тянет, свиристелка.

Егор молча усадил меня в противоположное кресло, а сам сел рядом с Вадькой. Оксана медленно опустилась на место, не сводя с меня настороженного взгляда.

— Ну, девка, теперь я на тебе отыграюсь за всех. До Красавчика мне добраться не удастся, шеф твой сейчас, прикрываясь беременной женщиной, пытается улететь в Париж, но ты-то нас пока не покидаешь. Правильно я понимаю?

Оксана нервно поправила прическу и умоляюще взглянула на Вадьку. Он поймал ее взгляд, откашлялся и примирительно произнес.

— Нинок, ну что ты, в самом деле? Оксана мне все про себя рассказала.

— Даже так? Представляю, как это было увлекательно. — ехидно отозвалась я.

— Она не виновата, просто жизнь для нее так сложилась. — продолжал канючить Вадька.

— Я не Макаренко, чтобы исправлять изъяны плохого воспитания. — отрезала я.

— Тебя никто и не просит. — оживился Вадька. — Просто не злись на нее и все.

— Не злиться?! Да ты сообщаешь, что говоришь? Я ей готова глотку одним махом перегрызть за все, что нам пришлось пережить и за то, что сейчас переживают капитан Крапивин со своей женой. — Оксана от моих слов дернулась и прикрыла рукой горло.

Я же укоризненно посмотрела на Вадьку и напонила.

— Тебе, кстати, тоже от их кампании досталось.

— Я и не спорю, но Оксана мне все объяснила и я ее понял. Она совсем не злая.

— Зато я злая! — снова взвилась я.

— А я тебя от смерти спас. — нагло напомнил Вадька.

— А при чем тут она? — выкрикнула я, тыча в Оксану пальцем.

— А при том, что мы теперь будем вместе жить! — выкрикнул в ответ Вадька и испуганно замолчал, переводя взгляд с меня на Егора и обратно.

— Что вы будете делать? — изумленно спросил Егор.

— Жить ... вместе будем. — не совсем уверенно повторил Вадька.

— Ну, Оксана, ну, хитра. — хлопнул по колену Егор. — А со мной, значит, ты жить уже не хочешь?

— У тебя жена, а Вадечка совершенно свободен. — лукаво сказала Оксана и приняла кокетливую позу.

— Она что, жить здесь собиралась? — ошалело спросила я, обводя взглядом нашу комнату.

— Прямо не говорила, но всем своим видом давала понять, что да. — усмехаясь ответил Егор.

— Ах ты, стерва! — набрала я в легкие воздух.

— погоди, Нин, не кипятись. Я у Вадьки спросить хочу. — остановил меня муж. — Ты хоть понимаешь, что она всю сознательную жизнь провела среди разного рода бандитов?

— Понимаю. — сказал Вадик и упрямо добавил. — Она не виновата, жизнь такая.

— Бесполезно. — констатировала я.

— Вот именно. — подала голос нахалка. — Бесполезно. Мы с Вадиком уже обо всем переговорили.

— А о том, что ты в тюрьму можешь на ближайшие годы загреметь тоже переговорили? — накинулась на нее я.

— Но ведь она ничего плохого не сделала! — с отчаянием сказал Вадька. — Если вы на нее не заявите, то у полиции к ней претензий не будет. Она даже про микропленку мне все рассказала.

— Про какую микропленку? — встрепнулся Егор.

— Про ту, которую ты привез из Парижа. — пояснил Вадька.

— Ты что, ошалела? Какую это пленку я привез?

— Ты и сам об этом не знаешь. — пожала плечами Оксана. — Она в твоей сумке.

Егор непроизвольно покосился на грязную сумку в углу комнаты и уставился на Оксану безумным взглядом.

— В этой?

— Именно. — ответила она.

Егор молча встал и направился к шкафу. Взяв сумку, он подошел к журнальному столику и расстегнул молнию. Заглянув внутрь, он достал конверт с деньгами, вывалил купюры на столешницу и спросил у всех сразу.

— Что это?

— Выкуп. — сказала я, а Вадька утвердительно кивнул.

— За кого? — хлопнул глазами Егор.

— За тебя. — на этот раз сказал Вадька, а я кивнула.

Егор перевел взгляд на развалившуюся в кресле Оксану.

— Правильно мыслишь. — сказала я. — Именно ее дружки потребовали за тебя выкуп, причем подчеркнули, что деньги должны быть в этой сумке.

Егор молча начал лихорадочно открывать все кармашки и клапаны, которыми изобиловала сумка, при этом приходя все в большее бешенство.

— Постой, так не получится, только сломаешь. — встала Оксана. — Дай я сама, там кнопочка есть крошечная.

— Еще чего! — вскочила я. — Будешь ты по сумке моего мужа шарить! Говори, где кнопочка, я сама нажму.

Оксана подробно описала, что надо сделать, чтобы открыть тайник. Я нажала, где нужно и неожиданно на моей ладони оказалась крошечная капсулка, завернутая в целлофан.

— Это что, она и есть, микропленка? — спросил Егор.

— Да, она самая. — подтвердила Оксана.

— И что на ней. — поинтересовался мой муж.

— Мне никто не докладывал. — ответила нахалка.

— Да что ты с ней разговариваешь. Дай лучше рюмку. — попросила я Егора.

Он принес из серванта стеклянную стопку и я переместила в нее микропленку.

— Вернется Крапивин и разберется, что это за штука. — угрожающе сказала я, глядя на Оксану.

Она вздохнула, вернулась в кресло и сказала.

— Тайничок можно потом использовать для чего-нибудь.

— Молчи, Мата Хари! — угрожающе сказала я.

— Не обзывайся. — попросил отсталый Вадим.

Я даже не обратила на его слова внимания.

— Интересно. — сказала я. — Как же ты собиралась доставать эту дрянь из тайника?

— Так у меня же было задание стать его любовницей. — невозмутимо ответила Оксана.

— Ну, ты и нахалка! — зло сказала я, но любопытство все-таки пересилило. — И что дальше?

— Он бы пошел в ванную, а там уже дело одной минуты. — цинично сказала Оксана.

Я на этот раз промолчала, только выразительно покачала головой и поджала губы.

— Вот видите. — снова начал Вадька. — Она же не обманула на счет тайника.

— Знаешь что. — неожиданно встрепнулся Егор. — Шел бы ты к себе домой. И Оксану с собой заведи, она еще твою квартиру не видела. Увидит — еще больше захочет с тобой остаться. Только не забывай, что мы тебя предупреждали.

— Предупрежден, значит вооружен! — радостно вскрикнул Вадька, хватая Оксану за руку.

Они направились к двери, а я не удержалась и крикнула им вслед.

— Если твой шеф что-нибудь капитану или его жене сделает, я за себя не отвечаю!

Счастливая парочка смылась, никак не отреагировав на мою угрозу, а я отыгралась на муже.

— Если эта лошадь ковбойская с Вадькой жить останется — ищи нам другую квартиру.

— А не наплевать ли нам на них? — философски спросил Егор и притиснул меня к себе.

— Наплевать. — тут же согласилась я.

— Не болит? — кивнул он на мою рану.

— Совсем немного. — прошептала я.

— Тогда я осторожно. — тоже прошептал он и на ближайшие полчаса для нас все перестали существовать.

Крапивин вел машину уверенно и спокойно. Чего это ему стоило можно было определить по побелевшим костяшкам пальцев, намертво вцепившихся в руль. При поворотах машины в зеркале заднего вида на мгновение появлялись испуганные глаза Риты и сердце Алексея Леонидовича замирало от острой жалости к жене и их малышу. Он даже не знал, кто там внутри гладкого теплого живота — мальчик или девочка. Ничего не стоило сходить и определить пол ребенка, но они все как-то не решались. Жаль было потерять то ощущение таинственного сюрприза, которое доставляло им обоим радость.

Мысли капитана вернулись к реальным событиям. Человек, сидящий рядом с его женой, был опасен. За то время, как стало известно кто скрывается за безликим словом «шеф», Крапивин провел большую работу. Правда он не ожидал, что в результате этой проделанной работы он лично будет везти гада в аэропорт и бояться за жизнь своей жены. Пасюк не был профессиональным преступником, не состоял членом какой-либо банды и, как ни странно это звучит, не возглавлял никакой преступной группировки. Его действиями руководили из Парижа. Пока еще не было известно кто и с какой целью, но по линии Интерпола запрос уже был сделан. Опасность Пасюка как раз и заключалась в том, что он не был профессионалом. Его завербовали за деньги и за эти самые деньги он был готов на многое. Даже такой слизняк, загнанный в угол, может неожиданно оскалить зубы. Тем более, что в руках у него был отнюдь не игрушечный пистолет. Происхождение пистолета еще придется выяснять, но даже такой маленький — он нес смерть.

Главной заботой Крапивина сейчас был момент посадки Пасюка в самолет. Все пассажиры из салонов были удалены. Хорошо, что они приедут впритык, Пасюк и не догадается, что пассажиров в самолете нет. Вопрос в другом, отпустит ли он у трапа Риту? Конечно, на башне сидит снайпер и самолет стоит так, чтобы трап полностью просматривался, но случайности бывают всякие.

Глядя в зеркало заднего вида на напряженного Пасюка, капитан маялся вопросом, почему преступник ведет себя так глупо и неосмотрительно? Неужели он не понимает, что, даже, если бы не вмешались российские правоохранительные органы, французы не пустили бы его на борт самолета по поддельному паспорту. А так как ему пришлось брать билет по настоящему документу, его бы сразу вычислили. Что он, дурак что ли?

Хотя, не такой уж он и дурак, если все-таки взял заложниц. На этой мысли Крапивин споткнулся и более внимательно посмотрел в зеркало. Взгляд Пасюка метался, как у затравленного зверя и не выражал ничего, кроме высшей степени тревоги. И тут до капитана дошло, что взятие заложниц как раз и доказывает, что преступник не в себе.

После терактов, послуживших причиной гибели многих людей в своих собственных квартирах, взятие заложников обрекало преступника или на смерть, или на большие сроки в тюрьме. Капитану стало нехорошо. Если у Пасюка съехала крыша, что очень вероятно, тогда он становится гораздо опасней, чем казалось сначала. Только бы он выполнил свое обещание и отпустил Риту у трапа.

Конечно, на тот случай, если Пасюк возьмет Риту с собой в самолет, тоже был свой план. Вместо стюардесс в дверях стоят переодетые сотрудницы ФСБ. Группа захвата внутри, но сколько случаев было, когда при, вроде бы, правильно проведенной операции гибели заложники. Сердце капитана уже в который раз сжалось. Впереди показалось здание

аэровокзала.

— Мы должны свободно проехать на летное поле и подъехать к самолету. — сказал, молчавший всю дорогу, Пасюк.

— Так и будет, все уже предупреждены. — мертвым голосом ответил капитан.

— Слышу в твоём ответе двойной смысл. — угрожающе сказал Пасюк. — Смотри, Крапивин, у меня рука не дрогнет.

Капитан счел лучшим промолчать и вывел машину через распахнувшиеся ворота на летное поле. Тут же на их пути возник регулировщик в оранжевом комбинезоне и длинным фонариком указал направление движения. «Волга» плавно подъехала к самолету и остановилась в пяти метрах от трапа.

Крапивин следил в зеркальце за действиями Пасюка. Тот перегнулся через коленки Риты и открыл дверцу с ее стороны.

— Выходи и тут же остановись. — приказал он.

Рита слабо вздохнула и выбралась из машины. Руки Крапивина непроизвольно сжались в кулак, но он понимал, что бессилён что-либо сделать. Следом за Ритой вылез Пасюк и бросил Крапивину.

— Отъезжай.

Тот не решился послушаться и медленно тронулся вперед. Уехать совсем он не мог, это значило бы бросить жену в опасности. Отъехав на некоторое расстояние, капитан вышел и встал у машины, пристально следя за действиями Пасюка и с болью ловя каждый жест жены.

Пасюк взял Риту за руку и направился к трапу. У первой ступеньки он замешкался, оглянулся, потом посмотрел вверх на улыбающиеся лица двух стюардесс и, не выпуская руки своей заложницы, начал подниматься по металлическим ступенькам.

«Врал, сволочь!» — скрипнул зубами капитан.

— Внимание, он поднимается, с ним заложница. — прозвучала в это время тихая команда внутри самолета.

Стюардессы, продолжая улыбаться, отодвинулись в коридорчик, как бы давая возможность пассажирам пройти. Одна из них приветливо кивнула Пасюку и сказала.

— Ваши билеты, пожалуйста.

Он совершенно не ожидал такой просьбы. Для него этот рейс был самым необычным в жизни и простые слова стюардессы на мгновение выбили его из колеи. Он растерянно повернулся к говорившей, отпустил руку Риты и непроизвольно потянулся к внутреннему карману пиджака.

Этих секунд хватило на то, чтобы вторая стюардесса, аккуратно обхватив Риту, утянула ее за перегородку, а в маленьком коридорчике возникли два спецназовца в камуфляже и черных масках с прорезями. Первая стюардесса уже перестала улыбаться и жестким захватом заблокировала руку Пасюка, в которой был пистолет. Короткая борьба в узком пространстве коридора и Пасюк оказался на полу без сознания.

Когда Пасюк с Ритой скрылись в глубине самолета, Крапивина охватило непреодолимое желание бежать туда, где подвергалась опасности его жена. Но, в отличие от Пасюка он был крепким профессионалом и не стал этого делать. Он позволил себе лишь приблизиться на некоторое расстояние к трапу и замереть, боясь услышать выстрелы.

Через какое-то время на трапе показались два спецназовца. Они тащили под руки обвисшее тело Пасюка. Сердце капитана ухнуло в пустоту и замерло. Одна, три, пять секунд и на трапе показалась Рита, которую поддерживала под руку одна из стюардесс. Алексей

Леонидович ринулся вперед и подхватил жену с последней ступеньки трапа.

— Как ты, все в порядке, ничего не болит? — суматошно спрашивал он, пока не заметил, что Рита счастливо улыбается.

Он облегченно поставил жену на землю, поцеловал в губы и проникновенно сказал.

— Ты прости меня, Ритуля, я никогда больше не буду тебя вмешивать в свои дела.

— Будешь, я тебя знаю. — улыбнулась Рита.

— Ну, разве только чуть-чуть. — капитан показал двумя пальцами, что такое это чуть-чуть. — Поехали домой.

— А где сейчас Нина? — спросила Рита.

— Думаю, что у себя дома. Мне звонил ее муж и я продиктовал ему наш домашний адрес.

— Значит, он нашелся? — обрадовалась Рита. — Тогда едем к ним. Страсть, как хочется услышать об их приключениях, да и о своих рассказать.

— Ну и неугомонная ты у меня. Ладно, поехали. Тем более, что Егор упомянул про ту самую девушку по имени Оксана, которая не давала ему покоя в самолете. Он сказал, что она сейчас находится в его квартире под бдительным присмотром соседа Вадима.

* * *

Я была в душе, когда в нашу дверь позвонили. Услышав приглушенные мужские голоса, я накинула халат прямо на мокрое тело и вышла в прихожую.

— Опять ты? — спросила я, увидев Вадьку.

— Понимаешь, у Оксаны совершенно ничего нет с собой. Я имею в виду одежду и всякие там женские штучки. — как ни в чем не бывало сказал Вадька.

— И что? — насторожилась я.

— Ну, может быть ты что-нибудь одолжишь?

— Вадька, ты кретин. — с сожалением констатировала я.

— Почему это? — попытался обидеться сосед.

— Во-первых потому, что любая моя, даже самая свободная одежда, не налезет твоей лошади Оксане на одну руку, не говоря уже обо всем туловище.

— А во-вторых? — Вадькиному любопытству не было границ.

— Во-вторых я для этой стервы пальцем не шевельну. Если ты поддался на ее сомнительные чары и теперь не дружишь с головой, то я еще пока хорошо соображаю, хотя при пособничестве твоей подружки и получила травму.

— Ох, уж эти женщины. — вздохнул Вадька и оглянулся за поддержкой на Егора.

— Ты послушай умного человека. — не оправдал его надежд Егор.

— Вот именно. Есть очень простой выход из создавшейся ситуации. — сказала я.

— Какой? — буркнул Вадька, ожидая подвоха.

Но я была абсолютно серьезна.

— Почему бы Оксане не забрать вещи оттуда, где она до сих пор жила?

— Так ведь ей там грозит опасность. — возмутился Вадька.

— Опасность ей сейчас грозит лишь со стороны Крапивина и меня лично. — пояснила я и замолчала в ожидании, когда до Вадьки наконец дойдет, что Оксана использует его по полной программе.

— Слушай, а ведь правда. — обрадовался Вадька. — Пойду предложу этот вариант Оксане.

— А она о нем просто не догадывается. — съехидничала я.

Вадька укоризненно посмотрел на меня и метнулся к двери. Не успел он взяться за ручку, как снова раздался звонок. Вадька отступил в сторону, пропуская вперед Егора.

— Если это твоя наглая Оксана, выдеру космы и тебе и ей. — пообещала я соседу.

Но в дверях стояла вовсе не Оксана, а капитан Крапивин. Позади него нетерпеливо топталась живая и здоровая Рита.

Пять минут мы все толклись в нашей миниатюрной прихожей, обнимались, жали руки и радостно вскрикивали. Наконец, я велела всем идти в комнату. Мужчины сели, а мы с Ритой быстренько накрыли чай прямо на журнальном столике. Я заметила, что Вадька пересчитывает чайные чашки и показала ему кулак. Он вздохнул и, похоже, смирился с тем, что его дорогой Оксаны никогда не будет за нашим столом.

Рассказывали все по очереди. По ходу разговора выяснилось, что детали всего дела не известны никому. Каждый знал ту часть истории, в которой сам участвовал и немного из рассказов других участников. Когда сложилась ясная картина происшедшего, причем, с учетом самых последних новостей, которые капитан Крапивин узнал по телефону, у меня возник вопрос.

— Что же такого было в разработках Егора и всей фирмы, что французы этим настолько заинтересовались?

— Помните такого француза — Мишеля Перье? — капитан взглянул на Егора и тот утвердительно кивнул.

— Постойте, это тот француз, который был здесь прошлым летом? — живо поинтересовалась я.

— Именно. — ответил капитан. — Его делегировали для достижения договоренностей о приобретении прибора, который изобрел Егор Кондратьевич. Прибор очень понравился французской стороне и они рассчитывали получить солидную прибыль от его производства и последующей реализации. Но, дело в том, что за изобретение французская фирма выложила очень крупную сумму российской фирме, в которой работал, кроме Ларина, еще и Никита Пасюк. При знакомстве с изобретателем Мишелю Перье стало ясно, что Егор Кондратьевич на достигнутом не остановится и будет продолжать работать в том же направлении.

Доложив о своих выводах руководству, Мишель Перье получил задание завербовать Ларина. Пообщавшись с изобретателем, француз сделал вывод, что завербовать Егора Кондратьевича не удастся, в силу его моральных качеств и ярко выраженного патриотизма. — Крапивин лукаво улыбнулся.

Капитан рассказывал, мы внимательно слушали, а Егор временами ошалело качал головой.

— Помните, Егор Кондратьевич, не показались ли вам странными разговоры с господином Перье? — спросил Крапивин.

— И вспоминать нечего, просто я тогда отнес его болтовню на счет неумеренного употребления русской водочки. — ухмыляясь, сказал Егор.

— Француз не стал отчаиваться, а просто повнимательнее присмотрелся к окружающим вас людям. — продолжил капитан. — Надо отдать ему должное — завистливую душонку Пасюка он разглядел практически сразу. Тем более, что Пасюк тогда очень страдал от того, что вам уделяется так много внимания и вы получили солидную премию за свое изобретение.

— Это было видно невооруженным взглядом. — вздохнул Егор. — Эх, знать бы тогда, к

чему приведет неумная зависть Никиты.

— Вот именно. — со вздохом сказал капитан, взяв в руки рюмку с микропленкой и посмотрев ее на просвет. — Подсадить к вам в самолет Оксану Емельянову — это тоже была идея француза. Пасюк лишь подобрал кандидатуру. Ну, а то, что потом случилось с вами — дело рук Пасюка и его помощников.

Я выразительно посмотрела на Вадьку. Он моргнул и отвернулся.

— А что теперь будет с этими тремя преступниками. — спросила я капитана.

— Красавчик, то есть Кириллов Николай Артурович, действительно наемный убийца. Сейчас проверяется его оружие, думаю, что узнаем много интересного, возможно даже некоторые «висяки» удастся закрыть. Ему грозит большой срок. Пасюк же своими руками ничего не делал, поэтому трудно будет предъявить ему серьезное обвинение в шпионаже, но захват заложниц он уже организовал самостоятельно. Думаю, что Пасюку тоже мало не покажется. Что же касается Оксаны, то тут дело может завершиться частным определением суда. Она лично ни в чем не участвовала, даже помогла Егору Кондратьевичу добраться домой. Если не станет глупо скрываться, то допросами дело и ограничится.

— Она не скрывается, она там, в моей квартире! — возбужденно вскочил Вадька. — Можно я ее приведу?

Капитан и рта не успел раскрыть, как я твердо сказала.

— Нет!

— Почему? — спросил Крапивин, хлопнув ресницами.

— Ноги ее в нашем доме не будет. — ответила я.

Капитан внимательно посмотрел на меня, потом на Егора, а потом на свою жену. После этого осмотра он глубокомысленно изрек.

— Понятно. — и обратился к Вадиму. — Вы разрешите пройти в вашу квартиру для опроса свидетельницы?

— Конечно, пойдете! — радостно засуетился Вадька и почти бегом ринулся в прихожую.

Когда за ними закрылась дверь, я повернулась и возмущенно сказала.

— Слышали? Свидетельница!

— Не бери в голову. — сказала, молчавшая до сих пор Рита. — Подумай сама, если Оксана так и останется порочной женщиной, то значит Вадиму такая судьба и сделать тут ничего нельзя. Если же она будет жить нормальной жизнью, то твоему соседу повезло. Опять-таки не нужно вмешиваться. Просто не обращай внимания.

— Хорошо тебе говорить, она ведь не твоей соседкой будет. Теперь даже ключи от квартиры у Вадьки не оставишь, кто знает, что у этой шалавы на уме. — вздохнула я и потащила на кухню чашки из под чая.

Крапивин появился в нашей квартире через полчаса.

— Все, снял показания. — довольно сказал он. — По-моему, Емельянова говорит правду.

— С трудом верится. — покачал головой Егор.

— Ну, что ж, следствие покажет. — сказал капитан.

— А я все-таки до конца не поняла, зачем нужно было французам вербовать Никиту? — спросила я.

Все взглянули на меня, а потом на капитана.

— Все очень просто. В основе любого промышленного шпионажа лежат деньги. Пасюк

должен был регулярно передавать в Париж сведения о любых новых разработках Егора Кондратьевича. Будучи в курсе плодовитости Ларина на изобретения, французская фирма изредка покупала бы права на какое-нибудь из них, оправдывая тем самым поездки Ларина в Париж, а остальную информацию Ларин привозил бы сам, в тайнике, вроде того, что был оборудован в его сумке. Оксана изымала бы микропленку, вкладывала на ее место другую, от Пасюка, и все было бы в ажуре.

— Ну, дела! — не выдержала я.

— А именно для вас, Нина Борисовна, у меня есть еще информация. — тут же отреагировал капитан. — Главной и конечной целью французов была все-таки вербовка вашего мужа. Она осуществлялась бы непосредственно при его поездках в Париж и при встречах с Оксаной, которая должна была капать ему на мозги то, что велит Пасюк.

— Вот зараза! — с чувством сказала я.

— Можно сказать, нам всем повезло, что Пасюк сошел с ума. — улыбнулся Крапивин.

— Как это? — удивился Егор.

А вот я совсем не удивилась.

— Мне сейчас позвонили. — сказал капитан. — Пасюк в невменяемом состоянии, ведет себя неадекватно и сегодня его переведут в психиатрическое отделение.

— Вот до чего зависть доводит. — сказала Рита, а мы все с ней согласились.

* * *

Прошло полгода. История, в которую было втянуто так много людей, постепенно забывалась, вытесняемая другими, более приятными событиями. В нашем дворе на прежнем месте красовалась новая «ракушка» в которой стояла новая «десятка», только уже вишневого цвета. Тех денег, которые действительно оказались на счету Пасюка, как раз хватило на восстановление нашего имущества. Это Крапивин подсуетился, чтобы нам возместили материальный ущерб.

Немного же удалось Пасюку заработать на своей шпионской деятельности.

Рита благополучно родила своему капитану девочку. Мы с Егором были на крестинах. Назвали красавицу Настенькой, что очень соответствовало ее пшеничным волосикам и длинным, как у папы, загибающимся к тоненьким бровкам, ресницам.

В нашей семье тоже кое-что произошло. Если вы помните, я обращалась к Богу за помощью в одном деликатном деле? И он помог. Я была на четвертом месяце беременности и у Егора уже вошло в привычку по утрам оглаживать мой округлившийся живот и говорить: «Доброе утро, родные мои».

Посоветовавшись с мужем, мы решили, что все-таки хотим знать, кого мы с таким нетерпением ждем. Сегодня мы вместе сходили в поликлинику и узнали, что у нас будет мальчик. Егор целовал меня, пока мы поднимались в лифте и продолжил целовать возле нашей двери. Неожиданно открылась дверь Вадькиной квартиры и высунулась его голова с аккуратной стрижкой. Как бы я не относилась к Оксане, но в порядок она моего одноклассника привела. Да и вообще, по моим наблюдениям оказалась не такой уж и стервой. Может прав был Вадька, что просто у нее жизнь так сложилась. Но это все, пожалуйста, без нас. К своей семье я Оксану подпускать была не намерена.

— Ну, узнали? — заговорщицки подмигнул нам Вадька.

Я недоуменно уставилась на Егора.

— Не выдержал, сказал ему, куда мы сегодня идем. — покаянно опустил голову Егор.

— Ну, что, девочка? — нетерпеливо спросил Вадька.

— Нет. — сказала я.

— А кто? — сделал нарочито глупое лицо Вадим.

— Сейчас убью! — пригрозила я.

— Шучу! Поздравляю. Парень — это здорово!

Я махнула Вадьке рукой и мы с Егором, счастливо улыбаясь, вошли в свою квартиру.

КОНЕЦ

Больше книг на сайте - Knigoed.net